

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

**ВЕСТНИК
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
НАУК**

Сборник научных трудов

Выпуск 5

*Под редакцией
доктора социологических наук,
доцента И.Ю. Киселева*

Ярославль 2005

УДК 316+32(06)
ББК С5я43
В 38

*Рекомендовано
Редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного издания. План 2005 года*

Рецензенты:

кандидат социологических наук С.С. Головчанов;
кафедра теории и истории государства и права
Международного университета бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)

Вестник социально-политических наук : Сб. науч. тр.
В 38 Вып. 5. / Под ред. д-ра социол. наук, доц. И.Ю. Киселева ;
Яросл. гос. ун-т. – Ярославль : ЯрГУ, 2005. – 144 с.

В сборнике нашли отражение наиболее актуальные методические проблемы преподавания ряда общепрофессиональных и специальных дисциплин, применения рейтинговой системы оценки знаний студентов, внедрения активных форм обучения специалистов.

Предлагаемый сборник адресован преподавателям, аспирантам, студентам гуманитарных факультетов университетов и институтов.

УДК 316+32(06)
ББК С5я43

Редакционная коллегия:

доцент И.Ю. Киселев (отв. ред.),
профессор Г.М. Нажмудинов,
старший преподаватель Л.Д. Руденко,
доцент М.В. Афонин,
доцент И.Ф. Албегова

© Ярославский государственный университет, 2005

И.Ф. Албегова

Высшее профессиональное образование в области социальной работы: проблемы развития

Изменения в социокультурных процессах приводят к изменению цели образовательной деятельности. Сегодня обществу нужен не столько человек знающий, сколько подготовленный к жизни, ориентирующийся в сложных проблемах развития современного социума и культуры, способный осмыслить свое место в мире. На наш взгляд, изменение антропологического основания образования состоит в переносе акцента с «человека знающего» на «человека, подготовленного к жизни» в современном, быстро меняющемся мире. Из этой цели вытекают и новые ценности, отвечающие новым потребностям общества в образовании. Прежде всего это гуманизация, которая может быть определена как сознательная ориентация на коренные интересы человека, связанная с осознанием цены их достижения и ответственности перед собой как человеком.

К числу важнейших социальных институтов относится система образования, которая с функциональной точки зрения включена в число институциональных структур, обеспечивающих социализацию индивида. В то же время образование имеет решающее значение для любого общества, обеспечивая выполнение важнейших задач практического и символического характера.

Институционализация образования в области социальной работы исторически была инициирована потребностью, по выражению М. Ричмонд, в воспроизводстве «добровольных благотворителей», которых на рынке труда от других профессионалов отличали бы определенные знания, навыки и умения. Обычно это происходит на этапе завершения спонтанной помощи, в новых социально-экономических условиях и оформляется как потребность в профессионализме.

Российское социальное образование не могло не испытать на себе тенденций и влияния мирового образовательного процесса. В начале 90-х гг. активно дискутировались проблемы научной и про-

фессиональной идентичности социальной работы, которую соотносили с устоявшимися формами познания и образовательной практики, в основном с социальной педагогикой. Несомненно, в этот период весьма полезных дискуссий обозначились подходы к определению предмета и объекта социальной работы, стимулировалось формирование имплицитных концепций и велись поиски отечественных эквивалентов понятий, соотносимых с понятием "социальная работа". Именно в этот период осмысление западных моделей социальной работы помогло наметить перспективы научного познания и образовательной практики. Тогда же сформировались основания социальной работы, где педагогика, психология и социология сыграли свою системообразующую роль, определив тем самым своеобразие теоретической и образовательной модели социальной работы. В конце 90-х гг. образовательное пространство социальной работы вступило в новый этап своего развития и институционализации.

Институционализационное признание социальной работы в России связано с включением в 1991 г. в квалификационный справочник специальности с соответствующей характеристикой: "специалист по социальной работе", что юридически закрепило социальную работу как вид профессиональной деятельности и инициировало развитие сети соответствующих образовательных учреждений разного уровня.

7 августа 1991 г. заместителем Председателя Госкомобразования В. Шадриковым было подписано Постановление о введении в систему образования обучения по специальности «Социальная работа». В нем четко были определены 20 вузов (включая Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова), которые начали подготовку и переподготовку специалистов по социальной работе. В этом же году подготовку социальных работников начали 8 вузов.

Приказом Госкомобразования СССР от 7.08.91 г. № 376 (2) был утвержден учебный план специальности 03.12 – «Социальная работа», предусматривающий четырехлетний срок обучения с присвоением квалификации «социальный работник». Учебный план включал в себя общегуманитарные дисциплины (философия, политология, теория и история мировой и отечественной культуры, ос-

новы экономической теории и др.) и дисциплины, непосредственно связанные со специальностью.

На период утверждения учебного плана по специальности «Социальная работа» предусматривалось пять специализаций: организация социальной помощи населению; социальная работа в трудовых коллективах; медико-социальная помощь населению; социальная работа с семьями и детьми группы риска; социальная работа с молодежью. В тот период силами временного научного коллектива под руководством профессора С. Беличевой было разработано свыше 100 программ по дисциплинам базового курса и специализаций.

В середине 90-х гг. в России подготовку специалистов по социальной работе осуществляли более 70 вузов. К этому моменту был решен принципиально важный вопрос о переходе на подготовку по социальной работе на трех уровнях высшего профессионального образования: студентам была предоставлена возможность получить диплом бакалавра (4 года обучения), специалиста (5 лет), магистра (6 лет), обучаться в аспирантуре. В этот же период по предложению Министерства и учебно-методического объединения вузов РФ, готовящих специалистов в области социальной работы, в образовательных учреждениях стали вводиться специализации, которых к тому времени насчитывалось 23 (например, «организация социальной защиты населения», «медико-социальная работа с населением», «социальная реабилитация взрослых с ограниченными возможностями», «социальная работа с молодежью», «психосоциальная работа с населением» и др.).

В конце 1990-х гг. подготовкой специалистов по социальной работе занимались более 120 вузов, значительно выросло число филиалов столичных вузов (например, у Московского государственного социального университета их насчитывалось более 40) и специализаций. Некоторые вузы предоставляли и предоставляют возможность студентам пройти обучение по двум специализациям. В 2000 г. специалистов по социальной работе выпускали 180 вузов, а в настоящее время их уже более 200 (университетов, институтов, академий). Благодаря интенсивному внутрироссийскому и международному обмену, значительному росту научного и методического потенциала преподавателей, созданию выпускающих кафедр, научно-исследовательских лабораторий стало возможным поднять

уровень качества образования и заложить фундамент для процесса институционализации высшего образования в области социальной работы. В связи с этим перед системой образования в этой области стоят два типа задач как содержательного, так и структурно-организационного характера. С содержательной точки зрения необходимо формировать новый ценностный фундамент, свободный от моноидеологии; восстановить и развить базовые основы гуманитарных знаний, сочетающие в себе лучшие образцы общечеловеческих идеалов и принципов с национальным историко-культурным наследием, гуманизировать весь учебно-воспитательный процесс в высшей школе. К числу организационных относится решение задачи сочетания государственных учебных заведений, бесплатного образования с развивающимися образовательными учреждениями негосударственного, платного образования. А.М. Яковлев отмечает, что в условиях рыночной экономики правомерность параллельного развития системы платного, негосударственного образования очевидна, его доступность напрямую зависит от уровня доходов граждан, позволяет укрепить материальную базу таких учреждений, обеспечить повышенную оплату труда преподавателей, улучшить на конкурсной основе их состав, претендовать на повышенный ("элитный") уровень обучения, гибко реагировать на возникающие новые потребности в специализации¹.

Под институционализацией системы высшего образования в области социальной работы мы понимаем процесс формирования установления и легитимации определенных социальных групп (преподавателей, аспирантов, студентов), образовательных организаций и учреждений (университетов, институтов), специализирующихся на подготовке специалистов по социальной работе и удовлетворяющих таким образом потребности общества в специалистах высшей квалификации. В ходе институционализации осуществляется взаимодействие всех названных социальных групп и развивается новое социальное знание. Институционализация системы образования означает прежде всего ее упорядочение на основе общепризнанных норм и правил, благодаря которым могут быть решены актуальные задачи развития системы образования в условиях рыночной экономики. К их числу относятся установление

¹ Яковлев А.М. Социальная структура общества. М., 2003. С. 173 – 174.

обоснованного соотношения прямого государственного управления и рыночных механизмов в системе подготовки специалистов по социальной работе высшей квалификации, обеспечение доступа к ней различных слоев населения.

А.А. Атрошенко, И.В. Разумов

Низкая эффективность государственных унитарных предприятий в переходной экономике: правовой аспект

Практика функционирования государственных унитарных предприятий в странах с переходной экономикой приводит к неутешительным выводам. По данным К. Савицкого, в 1995 – 2002 гг. экономическое положение в секторе государственных предприятий не улучшалось (или улучшалось значительно медленнее, чем в приватизированном секторе). Более того, бюджетная эффективность сектора федеральных государственных предприятий в целом была отрицательна¹. По оценкам Счетной палаты, «казна ежегодно недополучает от деятельности унитарных предприятий около 100 млрд. рублей»².

По состоянию на 2002 г. средний платеж в бюджет от одного унитарного предприятия составил порядка 2 тысяч долларов в год³. Многие государственные предприятия убыточны, не платят налогов. Одна из основных причин низкой эффективности унитарных предприятий в переходной экономике связана с юридической базой, на основании которой они функционируют, а именно правом хозяйственного ведения имуществом, закрепленным за государственным предприятием. Принципы права хозяйственного ведения были позаимствованы из доктрины права оперативного управления, существовавшей в советском законодательстве.

¹ Савицкий К. Тенденции и пути развития унитарных предприятий // Вопросы экономики. 2004. № 9. С. 58.

² Степанов В.Г. Унитарное предприятие – пережиток прошлого или жертва несовершенной законодательной базы // Юрист. 2003. № 5. С. 29 – 35.

³ Николаев И.А., Шульга И.Е. Государственные унитарные предприятия: настало время прощаться // Общество и экономика. 2001. № 11/12. С. 301 – 324.

Юридическая доктрина права оперативного управления была разработана в 1940-е гг. акад. А. Венедиктовым. Это право было введено в законодательство для урегулирования отношений между государственными предприятиями и определения их хозяйственной обособленности. Оно включало правомочия предприятий по Владению, пользованию и распоряжению государственным имуществом в соответствии с законом, плановым заданием и назначением имущества⁴.

В системе, где практически у всех предприятий был один собственник – государство, предприятия не являлись обособленными товаропроизводителями. В рамках предприятий обособливалось имущество, которое передавалось им на праве оперативного управления, оставаясь в собственности государства. Необходимо особо подчеркнуть, что формальным собственником имущества оставалось государство, а не предприятие, как это принято в правовой доктрине юридического лица.

Таким образом, государство являлось собственником как самого предприятия, так и его имущества. Можно утверждать, что в плановой экономике государство было более эффективным собственником принадлежащих ему предприятий, чем в рыночной экономике. Отраслевые министерства определяли государственным предприятиям план по ассортименту и объему выпускаемой продукции. Таким способом государство координировало спрос и предложение. Руководитель каждого предприятия знал, за что и перед кем ему придется отчитываться.

В условиях переходной экономики государство устранилось от процессов регулирования спроса и предложения. Поэтому руководители унитарных предприятий столкнулись с необходимостью адаптироваться к новым условиям, что удавалось далеко не всем. Мы придерживаемся мнения, что «министерская вертикаль управления является лучшим механизмом обеспечения государством своих интересов как собственника»⁵. И как показывает практика, разрушение действующей системы управления и контроля со стороны государства над своими предприятиями и прежде всего над их руководителями в большинстве случаев привело к негативным последствиям.

⁴ Савицкий К. Указ. соч. С. 54.

⁵ Николаев И.А., Шульга И.Е. Указ. соч. С. 301 – 324.

Существующая в настоящий момент система управления унитарными предприятиями «многоуровневая, многосубъектная, громоздкая»⁶. Действительно, субъектами управления выступают Правительство России, Министерство имущественных отношений России, отраслевые министерства и руководители унитарных предприятий. В результате возникает проблема перекрестной зоны ответственности представителей государства.

Правительство России учреждает унитарное предприятие, определяет предмет и цели деятельности. Контроль над имуществом государственного унитарного предприятия находится в ведении Министерства имущественных отношений. В то же время за результаты хозяйственной деятельности предприятия отвечает, как правило, профильное министерство или ведомство. Подобная практика приводит к нежелательным результатам. Руководитель унитарного предприятия может играть на конфликте интересов представителей государства и списывать неудачи своей деятельности на невозможность полноправно распоряжаться принадлежащим предприятию на праве хозяйственного ведения имуществом.

Характерно, что по результатам опроса⁷ в 1998 г. лишь 18% государственных предприятий были подконтрольны государственным органам власти, тогда как 68% таких предприятий полностью контролировались их директорами.

Отсутствие единого специализированного учреждения по управлению государственной собственностью часто приводит к его полному отсутствию. Как правило, надзор над деятельностью унитарных предприятий является дополнительной нагрузкой государственных чиновников. При этом говорить о наличии у них специальных навыков управления и заинтересованности в повышении эффективности не приходится.

В заключение мы приведем удачную характеристику унитарных предприятий: «Как бы ни были распределены между государственными органами и унитарными предприятиями права и пол-

⁶ Ахмедуев А. Управление государственными унитарными предприятиями // Вопросы экономики. 2003. № 7. С. 90

⁷ В 1997 – 1998 гг. был проведен опрос представителей 861 промышленного предприятия 11 отраслей промышленности из 28 субъектов РФ, при этом более 20% респондентов представляли государственные предприятия (см.: Неформальный сектор в российской экономике / Под ред. Т.Г. Долгопятовой // Приложение к журналу «Предпринимательство в России». М., 1998).

номочия по управлению государственным имуществом, унитарное предприятие всегда будет слишком самостоятельным, чтобы должным образом обеспечить реализацию государственных имущественных интересов, и слишком несамостоятельным, чтобы выступать полноправным юридическим лицом и надежным контрагентом в хозяйственном обороте»⁸.

М.В. Афонин

О понятии и содержании международно-правовой ответственности

Ответственность – один из древнейших институтов международного права, однако, несмотря на его постоянное практическое применение и совершенствование, правовые нормы этого института до сих пор не кодифицированы, и потому он основывается, как правило, на применении обычно-правовых норм, сложившихся на базе прецедентов и судебных решений.

⁸ Савицкий К. Указ. соч. С.62

Представители разных школ права неоднозначно подходили к идее взаимной ответственности государств. К примеру, представители немецкой школы права в конце XVIII в. считали, что идея ответственности государств находится в противоречии с понятием суверенитета (т. е. государство есть единственный судья своей ответственности) и что обязанность государства исправить совершенное им зависит исключительно от его воли¹. Позднее такие утверждения встречались и в других международно-правовых источниках. Однако суверенные государства, вступая во взаимные отношения, считают при этом для себя обязательными общепризнанные принципы и правила поведения – нормы международного права. Нарушение норм международного права, а также прав и интересов других государств не может оправдываться ссылкой на суверенитет, так как такие деяния являются не осуществлением суверенитета, а злоупотреблением им. Общеизвестно, что нарушение законов внутри государства неизбежно влечет за собой ответственность. Такое же положение существует и в международном праве, хотя характер правонарушений и формы ответственности в нем имеют существенные особенности.

С проблемой понятия международно-правовой ответственности тесно связаны процессуальные вопросы, поскольку их изучение позволяет отказаться от распространенной концепции, отождествляющей международную ответственность с юридической обязанностью.

Исследования по отдельным аспектам юридического процесса в международном праве (так же как и по проблеме ответственности) начали проводиться с конца XIX в. А.В. Гефтер писал о «международном процессуальном праве» уже в 1880 г. К нему он относил правовые институты, регламентирующие процедуру рассмотрения международных споров, и применение «средств к их разрешению», противопоставляя им «право войны»². П.Е. Казанский в 1909 г., напротив, квалифицировал войну «как вид международного процесса, подчиненного действию права на всех ступенях своего развития». Вместе с тем он не исключал из числа процессуальных средств и мирные средства разрешения ме-

¹ Международное право. М., 1957.

² Гефтер А.В. Европейское международное право. СПб., 1880. С. 203 – 266.

ждународных «несогласий»³. Тогда же Гольтцендорф выделил в международном праве три основные отрасли: международное уголовное право и процесс, международное частное право и процесс, международное государственное право⁴.

К настоящему времени многие авторы выступили в поддержку разделения норм современного международного права на материальные и процессуальные в зависимости от их функционального назначения⁵. В силу этого ответственность признается важнейшим средством восстановления и обеспечения правопорядка, что немислимо вне определенной процедуры, включающей процессуальные стадии, специфические, относительно обособленные комплексы процессуальных правил (процессуальные производства), характеризующейся процессуальным режимом, свойственным конкретной ситуации⁶.

Поэтому, давая оценку регулятивному смыслу концепции, отождествляющей ответственность и обязанность, Г.И. Тункин заметил: «... Если нарушение международного обязательства порождает новое обязательство – обязательство возместить причиненный ущерб, то нарушение последнего должно в соответствии с этой концепцией порождать следующее новое обязательство, и так до бесконечности»⁷.

Вплоть до настоящего времени взгляды ученых на определение международной ответственности неоднозначны. Одними она понимается как специфическая обязанность нарушителя возместить причиненный им ущерб, другими – как реализация санкций в отношении субъекта, нарушившего свои международные обязательства, третьими – как комплексное образование, включающее одновременно обязанность нарушителя и реализуемые в отношении него

³ Казанский П.Е. Введение в курс международного права. Одесса, 1909. С. 185, 192, 201.

⁴ См.: Горовцев В.И. Международное право. Избранная литература. СПб., 1909. С. 10.

⁵ Гавердовский А.С. Имплементация норм международного права. Киев, 1980. С. 20; Литовченко О.И. Процессуальные нормы в системе международного права. Саратов, 1978. С. 99 – 101; Миронов Н.В. Международное право: нормы и их юридическая сила. М., 1980. С. 29.

⁶ Колосов Ю.М. Ответственность в международном праве. М., 1975. С. 3; Ушаков Н.А. Основания международной ответственности государств. М., 1983.

⁷ Тункин Г.И. Теория международного права. М., 1970. С. 438.

санкции. Все эти взгляды в равной степени пользуются поддержкой в международно-правовой доктрине.

Вопрос об ответственности государств занимает особое место в международном праве. Нормы, относящиеся к ответственности государств, охватывают не одну какую-либо отрасль международного права, а всю совокупность международно-правовых отношений. Можно сказать, что эти нормы содействуют осуществлению всех других норм международного права и являются как бы общей гарантией их соблюдения. Вот почему во многих источниках по международному праву неоднократно встречается утверждение, что отрицание международно-правовой ответственности государства было бы равносильно разрушению международного права.

Международно-правовая ответственность государств рассматривается в настоящее время и в теории и на практике как один из важнейших принципов международного права.

Считается, что в международном праве сложился общий принцип, согласно которому международно-противоправное деяние субъекта влечет его международно-правовую ответственность. Некоторые нормы общего характера, регулирующие вопросы ответственности, закреплены в международных договорах, а также в резолюциях ООН и других международных организаций. Статьи 39, 41 и 42 Устава ООН устанавливают процедуры реализации ответственности за совершение международных преступлений против мира и безопасности.

С 1972 г. действует Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами. Провозглашается международная ответственность за нарушение ряда международных договоров, среди которых особо отмечаются Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказания за него 1973 г. и Конвенция о предупреждении геноцида и наказания за него 1948 г.

Формулируя общие принципы международно-правовой ответственности, Комиссия международного права ООН определила международную ответственность государств как «все виды новых правоотношений, могущих возникнуть в рамках международного права в результате международно-противоправного деяния государства, независимо от того, ограничиваются ли эти отношения правоотношениями между государством, совершившим противоправное

деяние, и государством, непосредственно пострадавшим, или же распространяются на других субъектов международного права, и независимо от того, сосредоточиваются ли они на обязательстве виновного государства восстановить в правах пострадавшее государство и взыскать нанесенный ему ущерб или же охватывают также право самого пострадавшего государства или других субъектов международного права принять к виновному государству какую-либо санкцию, допускаемую международным правом»⁸. В свою очередь, содержание международной ответственности определяется как «последствия деяния в плане возмещения ущерба и ответных санкций»⁹.

В литературе по международному праву в целом преобладает понимание международной ответственности государства как правоотношений, возникающих в связи с совершением международного правонарушения. Естественно, что субъектами правоотношений международной ответственности могут быть только субъекты международного права.

Отсутствие универсальных правоохранительных органов обуславливает тот факт, что в правоотношениях международной ответственности особенно важно право потерпевших субъектов. Поэтому в международно-правовой доктрине акцент более перемещается не на обязательства ответственного государства, а на право потерпевшего государства. Среди таких прав выделяются право на признание международно-противоправного деяния, право на возмещение ущерба, право на репрессалии, а также право, а иногда и обязанность международных организаций применить международно-правовые санкции.

В случае международных преступлений эти правоотношения многосторонни и состоят, с одной стороны, из правоотношений между непосредственно потерпевшим государством и государством, совершившим агрессию, акты колониализма и геноцида и т.п., а с другой – из правоотношений преступного государства с международным сообществом государств.

Международно-правовая ответственность – это не просто обязанность устранить вред и восстановить нарушенный международный правопорядок, но и реальное возмещение вреда, реализация

⁸ Ежегодник Комиссии международного права. 1973. Т. 2. С. 204.

⁹ Там же. 1984. Т. 2, ч. 2. С. 120.

прав потерпевших субъектов международного права. Сведение ответственности лишь к обязанности государства-делинквента ведет к выводу, что оно уже несет ответственность с момента совершения правонарушения, хотя в реальности этой своей обязанности оно не выполняет. Однако международное правонарушение является всего лишь юридическим фактом, необходимо, чтобы компетентный орган (государство, международная организация, судья) констатировал, что конкретные факты являются абстрактно определенными.

Общие признаки, основные черты, субъективные и объективные моменты дают возможность сформулировать понятие международно-правовой ответственности.

Признаки, характеризующие содержание этого понятия, сводятся к тому, что международно-правовая ответственность:

1) состоит в применении к государству-правонарушителю санкций международно-правовых норм;

2) наступает за совершение международного правонарушения;

3) направлена на обеспечение международного правопорядка;

4) связана с определенными отрицательными последствиями для правонарушителя;

5) реализуется в международных правоохранительных правоотношениях, возникающих между государством-правонарушителем и потерпевшим государством, а в определенных случаях также между государством-правонарушителем и международным сообществом государств в целом.

Исходя из этого, международно-правовую ответственность государства можно определить как реализацию в рамках международных охранительных правоотношений, порожденных международным правонарушением, обязательства государства-правонарушителя восстановить международный правопорядок и понести определенные ограничения материального и нематериального характера, связанные прямо или косвенно с государственным принуждением, а также права потерпевшего государства, других государств или международных организаций применить эти ограничения с целью обеспечения соблюдения норм международного права.

В.Ф. Васильев

Об особенностях философской мысли

Классическая философия: самое прекрасное в области мышления.

* * *

Философия приглашает к свободомыслию.

* * *

Чему учит философия? – Она учит культуре свободомыслия на классических образцах мышления.

* * *

Философия нужна не более, чем поэзия или музыка.

* * *

«Моряки – плохие философы. Если рефлексирующий Гамлет уйдет в море, то он перестанет быть философом» (из интервью режиссера Виктора Конецкого).

На самом деле самоедство, вопрошающее «Быть или не быть?», вовсе не философия, или, по крайней мере, это нельзя назвать любовью к мудрости.

Даже у крайних пессимистов, таких, как А. Шопенгауэр, бытие торжествует.

У Гамлета как раз нефилософское отношение к миру. Это отношение – *завоевательное*. В тот самый момент, когда человек решает покорить мир, он теряет его. Синдром Гамлета (принц, которому все можно) – последняя стадия ухода от мира.

* * *

Философия: главное в твоей жизни.

* * *

Нет проблемы – нет философии.

* * *

Философский уровень мышления: == удерживаться на уровне высокой неопределенности (не соскальзывая в уже известное).

* * *

Классическая философская проблема – это не проблема в обычном смысле. Это *само по себе* положительное знание.

* * *

Реальная философская проблема пользуется языком логики, но понять ее можно только сверхлогически. Даже понятие «материи» внутренне метафорично.

* * *

Лекарства против «логицизма»: а) «Логика есть. Но Вы потеряли проблему»... б) «Логика есть, но куда Вы дели основную идею?»... в) «Вы потеряли главное»... и т.д.

* * *

В древнекитайском трактате «Сицы чжуань» говорится: «...Учитель сказал: «Письмо не до конца выражает речь, как речь не до конца выражает мысль...».

* * *

Отметая философию, мы впадаем в худшую философию.

* * *

Всю историю западной философии (= историю западной рациональности) можно рассматривать как подстрочные примечания к Платону (об этом определенно говорят Гегель, А.Н. Уайтхед, Б. Рассел, Н.А. Бердяев и др.).

* * *

Зачем нужно изучать философию? – Чтобы узнать, что окостеневший мир ущербен.

* * *

Зачем нужна философия? – Чтобы знать себя.

* * *

О чем философия? – О наиважнейшем.

* * *

Парадокс в том, что философия (= веками накопленная мудрость) должна возбудить в человеке известный комплекс неполноценности, в некотором смысле она должна задеть и «обидеть».

* * *

В философском споре рождается *понимание проблемы*.

* * *

Критерий научной истины: сила (техники).

* * *

Каков вопрос, таков ответ. (Вся суть – в вопросе).

* * *

Выдвижение гипотезы: 1. Уточняется исходная проблема: в нее вносятся ограничения. 2. Рождается идея. 3. Возникает рабочая

гипотеза на внутреннем языке исследователя. Решение видится в свете эмоциональной уверенности в своей правоте, ведь картинка впервые сложилась в одно целое. 4. Рабочая гипотеза обосновывается фактами. 5. Гипотеза «выходит в люди», т.е. переводится на язык научного сообщества и непротиворечиво включается в личную систему знания.

* * *

Я знаю, что я ничего не знаю. С точки зрения даоса я не знаю, что это неважно.

* * *

Закон (объективный) всегда властвует.

* * *

Что такое сциентизм? – Невежество специалиста.

* * *

В технике человек наркотически опьяняется властью над природой.

* * *

Парадокс гегелевской философии: логика преодолевается логически.

* * *

Строгость философской мысли: полное подчинение проблеме и *только* проблеме.

* * *

Хайдеггер: от техники мы должны не отказаться, а освободиться.

* * *

Нельзя доказывать то, что сложнее логической формы доказательства.

* * *

Шаги распознавания бытия: 1) в познании мы узнали, что можем познавать то или другое; 2) в рефлексии мы узнали, что все имеет основание; 3) в герменевтике мы поняли, что принцип основания принадлежит не миру, а познающему субъекту; – все это подводит к экзистенциальному осмыслению бытия, в котором человек и бытие нерасторжимы. (Примерная реконструкция рассуждения М. Хайдеггера в книге «Положение об основании».)

* * *

Современное школьное и вузовское образование не дает *права* на ошибку: запрет на творчество.

* * *

В информационный век следует найти способ свертывания философского знания.

* * *

Философия балансирует между целым и общим.

* * *

В философии главное не решить проблему, а понять ее.

* * *

Неверно, что философия мыслит без фактов. Философия просто держится малопонятных (для внешнего наблюдателя) фактов. Эти факты соразмерны сложности ее объектов.

* * *

«Логически правильная мысль должна быть непротиворечивой». По правилу Б. Рассела содержание тезиса нельзя распространять на сам этот тезис.

* * *

В наших школах и вузах *фактически* насаждают следующий ложный принцип: «Чем больше науки, тем меньше места для веры в Бога». Но это противоречит фактам. Все или почти все великие творцы современной науки, включая А. Эйнштейна, были глубоко верующими людьми. Правда в том заключается, что люди, применяющие готовое знание, как правило, атеисты. Творческий дух человека всегда обращен к Богу.

Е.Б. Воробьев

Геронтообразование и его роль в развитии современного российского общества

В последние десятилетия много и часто говорят об образовании пожилых. Данная проблема обусловлена следующими обстоятельствами. В российском обществе, как, впрочем, и в мире в целом, наблюдается устойчивая тенденция роста числа и удельного

веса пожилых и старых людей в структуре населения. Данный факт обуславливает задачу создания общества для всех возрастов, имеющего общие и равные права для представителей этих возрастов, в том числе и доступ к образованию.

Данные геронтопсихологии показывают, что пожилые вполне способны обучаться, в том числе и по инновационным специальностям. Учитывая их социальный опыт и новый уровень образования, можно утверждать, что пожилые составляют дополнительный ресурс современного российского общества.

На Международной конференции "Образование взрослых для новой России", проходившей 21 – 22 мая 2004 г. в Москве, было подчеркнуто, что за последнее десятилетие в РФ под патронажем общественной организации Общества «Знание» России немало сделано для расширения образовательного пространства пожилых людей¹. В 32 регионах нашей страны функционируют народные университеты, информационно-образовательные центры, лектории, реализуются образовательные проекты для пожилых людей, а также тех, кто работает с этой категорией граждан. Данный вид деятельности является востребованным, к нему проявляется большой интерес со стороны участников образовательного процесса. Особое положительное влияние на распространение практики по обучению пожилых граждан оказал осуществляемый в Российской Федерации международный проект (ЕС) «Расширение возможностей участия пожилых людей в социальных и политических процессах демократического развития России». Сегодня имеется немало количество методических пособий, публикаций и другой информации в помощь организаторам обучения пожилых людей, что является несомненно хорошей базой для внедрения и использования.

Конечно, образовательное пространство для пожилых людей в целом в Российской Федерации ограничено из-за ряда проблем и трудностей. К их числу относятся: слабая материальная база, дефицит специально подготовленных кадров преподавателей, негативные установки к геронтообразованию как со стороны самих пожилых людей, так и определенной части населения, отсутствие системы образования для пожилых и т.д. На наш взгляд, геронтообразование должно стать отдельным направлением в системе об-

¹ Образование взрослых для новой России: Материалы Междунар. конф. / Сост. О.В. Агапова, Г.Н. Лобанова. СПб., 2004. С. 138 – 141.

разования взрослых, а также дополнить непрерывное образование населения.

На прошедшей конференции был разработан проект "Концепции геронтообразования в Российской Федерации". Основная цель концепции – институционализация сферы образования граждан, которые готовятся к выходу на пенсию, закончили трудовую деятельность, а также тех, кто обслуживает представителей старшего поколения и составляет их близкое окружение. Одновременно она направлена на адаптацию к последствиям старения экономически активного населения страны.

Концепция учитывает положения Конституции России, Закона «Об образовании в Российской Федерации», «Национальной доктрины образования в Российской Федерации», провозгласивших идеи доступности образования для всех и непрерывного образования на протяжении всей жизни; опирается на проекты Федерального закона «Об образовании взрослых», Концепцию «Непрерывного образования», а также документы, принятые международными организациями в целях расширения образовательного пространства для пожилых граждан, и предполагает участие геронтогруппы в образовательных программах и проектах с целью удовлетворения их познавательных потребностей, всестороннего развития граждан.

Концепция является документом общественно-государственного характера, определяющего стратегию решения задач национальной геронтополитики в условиях прогрессирующего старения населения страны и возникающих в связи с этим проблем социально-экономического и политического характера.

Концепция геронтообразования содержит следующие основные положения:

- обоснование необходимости институционализации геронтообразования в Российской Федерации;
- цели и основные задачи общественно-государственной политики по осуществлению геронтообразования;
- принципы национальной образовательной политики по отношению к гражданам старшего поколения;
- основные направления и содержание геронтообразования;
- организационные основы, структура образования пожилых людей и механизм ее реализации;
- управление системой геронтообразования.

Объективное изменение и понимание роли пожилых людей в жизни российского общества потребовали формирования новой геронтокультуры. Составной частью данного вида культуры является образование. Геронтообразование должно сформировать новый облик старости – продуктивной, компетентной, деятельной, наполненной жизненной энергией и смыслом жизни.

У большинства пожилых людей до сих пор существуют старые установки по отношению к самим себе и к своему месту в обществе. Они стремятся продолжить привычный ритм и темп жизни. Невозможность сохранить прежние отношения вызывает неудовлетворенность, социальную изоляцию, отчуждение.

Компенсаторные и другие саморегуляторные механизмы активно вступают в действие только тогда, когда человеку присуще желание действовать, когда оно поддерживается его собственной внутренней активностью, особенно установкой на преодоление недугов и нежелания включаться в новые дела. Тогда переживания, взгляд на прошлое из настоящего не будут нацелены на ностальгию, ревизию прожитой жизни, а помогут отыскать ключ в будущее, ответы для решения личных и общественных проблем.

Механизм социального участия людей пожилого возраста в общественных процессах, формирование индивидуального, общественного сознания не могут оставаться стихийными процессами, требуют государственного, общественного регулирования, в том числе через систему геронтообразования. Актуально и необходимо не только расширение практики обучения, но и выработка управленческих решений, оптимальных стратегий и моделей функционирования системы геронтообразования. Нужны иные подходы к формированию общественного сознания, новая модель поведения гражданина в обществе – личности активной, деятельной, творца своей собственной судьбы, от которой во многом зависит положение дел в каждом регионе и стране в целом.

Таким образом, геронтообразование является составной частью социальной политики по отношению к пожилым людям. Его повсеместное развитие окажет существенное положительное влияние как на самих субъектов (будет способствовать их адаптации к новым социально-экономическим условиям), так и на все российское общество.

О.В. Епархина

Социологические мониторинги как элемент избирательной кампании

Необходимым элементом профессионально организованной избирательной кампании является ее грамотное социологическое сопровождение, которое на практике чаще всего ограничивается относительно систематическими социологическими исследованиями на территории округа.

Однако, как правило, эти исследования носят исключительно прикладной характер и призваны ответить лишь на вопрос относительно динамики электоральных предпочтений (так называемые срезы электорального самочувствия). Между тем глубинные мотивации политического поведения, принципы их формирования остаются неизученными и не востребованными как самим кандидатом, так и «политтехнологами».

Как показывает практика, наблюдаемая автором в ряде региональных избирательных кампаний в 1999 – 2004 гг., недостаточное внимание социологическому сопровождению избирательной кампании и изучению ситуации в округе уделяют уже избравшиеся кандидаты, либо те, кто в момент подготовки выборов находится во власти. В наблюдаемый период такая схема выстраивания избирательной кампании была относительно работоспособной, однако в связи с постепенной централизацией власти и укреплением властной вертикали полномочия региональной власти ослабляются. Существенно падает и возможность ее влияния на исход избирательной кампании в собственную пользу за счет традиционных рычагов – информированности о социально-экономической и политической ситуации в округе, административного ресурса, возможности влияния на референтных лиц данного региона и возможности создать грамотную пиар-команду.

В свете этого возрастает значимость такого фактора, как социологическое обеспечение избирательной кампании, которое сегодня предлагают агентства полного цикла или же крупные науч-

но-исследовательские структуры, такие, как, например, Институт социологии РАН, ведущие университеты или межрегиональные центры социологической информации.

Огромный материал в этом плане могут дать мониторинги социально-политической ситуации, проводимые в каждом регионе этими структурами.

В этом случае встает проблема выбора наиболее емкой в соответствии с целями избирательной кампании информации. Это могут быть мониторинги

- уровня социальной напряженности в регионе;
- уровня конфликтогенности;
- по оценке работы власти;
- социально-экономического благополучия региона;
- исследования качества и уровня жизни;
- общественного мнения и социального самочувствия. Особое

место занимают мониторинги экономических показателей уровня жизни, в частности:

- 1) душевые ежемесячные денежные доходы, бюджетная статистика и статотчетность предприятий;
- 2) душевые ежемесячные денежные расходы;
- 3) экспертная оценка душевых доходов или расходов;
- 4) экспертная оценка потенциала населения.

Такая система мониторингов применялась в избирательных технологиях с начала 90-х гг. В общих чертах такой исследовательский комплекс сохранился и по сей день. Почему же мониторинги должны использоваться более активно и каким образом это можно делать?

Главным фактором, оправдывающим их использование, является снижение затрат на специализированные исследования: в этом случае возможно лишь регулярное проведение фокус-групп в соответствии с социальной структурой населения региона. Чаще всего проводят 3 – 4 стандартных сессии, что значительно экономит время и средства и позволяет корректировать тактику избирательной кампании по ходу ее проведения, экономя при этом до 30 – 40% средств на ее социологическое обеспечение.

Цель работы мониторинга – показать кандидату динамику уже использованных методов привлечения внимания населения и стандартные, стереотипные реакции последнего на действия власти.

Действия же власти предполагают активизацию норм: это усилия по сбору информации, выработке новой скорректированной программы действий, т. е. не что иное, как изменение габитуса группы.

Однако следует учитывать, что различные агитационные воздействия на население воспринимаются до определенного порога – порога восприятия, который оказывается разным для разных групп. Поэтому целесообразно ориентировать предвыборные мероприятия на наиболее активные в социальном и политическом плане слои, способные к быстрому изменению стереотипов (например, мелкое предпринимательство). Оценка порога производится общесоциологическими методами: методом включенного наблюдения, анкетными опросами, причем при этом идет латентная активизация рутин. А рутины и составляют характеристику группы. Государство или кандидат может активизировать именно те рутины, на которые будут направлены социальные мероприятия в ближайшее время: например, проблемы жилья, коммунальных платежей и т.п. Шансы на использование будут у тех направлений проблемного комплекса, которые люди будут с большей готовностью обсуждать при условии одинаковой степени детализации каждого из них в вопросах.

Таким образом, мониторинги могут дать первичную информацию как минимум по трем направлениям:

1. Активизированные рутины, которые можно использовать как атрибуты имиджа кандидата.

2. Наиболее активные группы, чей габитус неустойчив, и потому именно они могут составить потенциальный электорат (эти сведения могут быть подкреплены собственными исследованиями о динамике политических предпочтений населения).

3. Приоритеты при формировании предвыборной программы кандидата (с учетом региональной ситуации).

Это дает богатейший материал для концептуальных разработок в сфере совершенствования как методов организации избирательных кампаний, так и механизмов работы с населением в межвыборный период.

С.В. Заец

Процесс шестнадцати и его отражение

В этом году исполняется 60 лет со дня окончания Второй мировой войны и 20 лет с начала перестройки в нашей стране и введения гласности. Оба эти события связаны с представленной темой. Почти 20 лет назад у нас в стране и в Польше были открыты многие секретные архивы, стали доступны многие сокрытые ранее документы. Но малоисследованные загадки этой войны до сих пор еще остаются. Одна из них – так называемый процесс шестнадцати военнопленных поляков, проходивший в июне 1945 г. Ранее в России этот вопрос не поднимался.

Сразу после вынесения приговора в Польской Народной Республике вышел сборник «Proces terrorystów polskich» (Warszawa, 1945) (возможно, в польских кругах общественности затрагивался вопрос о суде над шестнадцатью соотечественниками и потребовались разъяснения), затем в СССР – «Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны» (1946 – 1947), содержащая письмо британского корреспондента газеты «Таймс» Р. Паркера главе советского правительства.

В 1990-е гг. появилась модная тенденция критиковать всю проводимую Советским Союзом политику и делать акцент на его «промахах», а также выявлять неисследованные места в истории Советского государства. И сразу же выходит статья С.С. Радевича «Процесс шестнадцати» с главным объяснением: «...советское руководство прибегло к испытанному средству – организации политического процесса, на этот раз во внешнеполитической сфере»¹. С.С. Радевич отметил, что факт процесса над представителями польско-эмигрантских партий скрывали от мировой общественности почти 50 лет.

В Польском государстве с момента распада СССР и соцлагеря историки и общественные деятели также акцентировали внимание на том, сколько притеснений терпела их родина от восточного сосе-

¹ Радевич С.С. Процесс шестнадцати // Международная жизнь. 1991. № 5.

да за весь период истории. М. Пестковская в своей монографии «За кулисами польского правительства в эмиграции» («*Za kulisami rządu polskiego na emigracji*») упомянула о недовольстве мировой общественности действиями советского руководства, и особенно президента США Г. Трумэна. Можно предположить, что поскольку монография вышла в 2000 г., то на нее повлияло стремление Республики Польша тянуться вслед за Америкой, деятельность государства в составе НАТО и поддержка американской политики на международном уровне.

1945 г., весна. Прошло почти полгода после драматического поражения восстания в польской столице, организованного Армией Крайовой против немецких оккупантов. Советская сторона расценила эти действия и как направленные против себя. В польском эмигрантском правительстве к власти пришел ярый противник СССР Т. Арцишевский, и с этим правительством уже не могло быть никаких соглашений. На территории Польши с продвижением Красной Армии на запад формируются и действуют новые, просоветские органы управления: сначала Крайова Рада Народова, затем Польский Комитет Национального Освобождения, Временное польское правительство... Польское эмигрантское правительство в Лондоне теряет влияние на свою страну и союзников. Но подчиненная ему Армия Крайова после ее официального роспуска «ушла в леса». Бывшие солдаты готовили в основном диверсионные акты: налеты на советских партизан, приведение в негодность железных дорог, взрывы домов, отравление колодцев и т.п. Вооруженные банды мешали советским солдатам выполнять свой интернациональный долг.

И.В. Сталин был достаточно осведомлен о ситуации в Польше и помнил все неурядицы с польским эмигрантским правительством. «Прощать» нанесенное зло, забывать причиненный вред и неудобства было вовсе не в характере советского вождя. Случай представился в марте 1945 г. Советская сторона предложила польскому подпольному движению во главе с Армией Крайовой прислать в Москву делегатов для работы комиссии по формированию Временного польского правительства национального единства. Делегатам гарантировалась личная безопасность и неприкосновенность. В Прушкове, что под Варшавой, произошла встреча руководства Красной Армии во главе с вице-президентом Н. Яновским, командующим армией генералом Л. Окулицким, тремя членами

подпольного кабинета министров А. Бенем, С. Ясюкевичем, А. Пайдаком, лидерами наиболее влиятельных польско-эмигрантских партий – всего 16 человек. С этих переговоров никто из них не вернулся.

Далее мы встречаем письмо И.В. Сталину от британского корреспондента с просьбой разъяснить ситуацию. И.В. Сталин дает ответ, что поляки просто арестованы по закону об охране тыла Красной Армии, и с такими преступниками в СССР не намерены церемониться.

18 июня 1945 г. в Москве открылся процесс над шестнадцатью поляками, названный в прессе как «Процесс шестнадцати польских диверсантов», жертвами которых оказались более ста солдат и офицеров.

Союзники, наблюдая возросший авторитет СССР в результате его побед над фашистской Германией, не решились вступить за поляков и усугублять свои отношения с И.В. Сталиным и советским руководством. Узники Лубянки остались фактически без поддержки. Великобритания и США на всем протяжении войны поддерживали Польшу в основном дипломатически и лишь тогда, когда это затрагивало их самих непосредственно.

Побывав в руках органов НКВД, все поляки признали себя виновными. Л. Окулицкий был приговорен к 10 годам лишения свободы, Н. Яновский к 8, С. Ясюкевич, А. Бень, А. Пужак – к 5 и т.д.

Несмотря на то что с поляками, возможно, обошлись жестоко, военное время оправдывает это. Известно много рассказов красноармейцев – участников 1-го Белорусского фронта – о том, какой урон им наносили полубандитские формирования Армии Крайовой. Без их вредительства Польша была бы освобождена быстрее и с наименьшими потерями. К этому можно прибавить авантюру с восстанием 1944 г., устроенным без предупреждения СССР, а затем и обвиненного перед всем миром за отсутствие помощи. Враждебные действия польского эмигрантского правительства и Армии Крайовой, по мнению главы Советского государства и правительства, не могли оставаться безнаказанными. К тому же, видимо, нужно было продемонстрировать силу и власть. И процесс шестнадцати показал всему миру, что со своими противниками, особенно в военное время, Советский Союз не намерен церемониться.

Осужденные не вынесли заключения в суровых российских тюрьмах. Л. Окулицкий умер уже в декабре 1946 г., Н. Яновский – в марте 1953-го, С. Ясюкевич погиб при невыясненных обстоятельствах. Лишь незначительная часть из них вернулась домой с расшатанным здоровьем.

До апреля 1990 г. и власти, и историки этот эпизод обходили молчанием. Только во время «перестройки и гласности», когда с подачи М. Горбачева стала рушиться привычная внутренняя и внешняя политика Советского государства, об этих поляках вспомнили. По просьбе генпрокурора Польши пленумом Верховного Суда СССР была произведена отмена приговора в отношении всех шестнадцати польских осужденных и прекращены дела на них за отсутствием состава преступления. К этому времени почти уже никого из реабилитированных не было в живых. Полагаю, что это скорее дань моде, а не осмысление того, что эти деятели невиновны в гибели красноармейцев и в организации антисоветской деятельности в тылу Красной Армии.

Процесс шестнадцати был одной из «маленьких причин» поворота политики Польши в сторону Запада.

И.Ю. Киселев, А.Г. Смирнова

Репрезентация проблемы как фактор сотрудничества России и США в ходе иракского кризиса 2002 – 2003 гг.

Сотрудничество, поддержание партнерства по-прежнему остаются не только одной из важных задач практики международных отношений, но и актуальной темой научных исследований. После распада Советского Союза и трансформации биполярной системы международных отношений эксперты отмечали появление беспрецедентных возможностей для кооперации государств, тем более что изменившиеся характеристики международной среды, связанные с возрастанием взаимозависимости государств, все большей «интернационализацией» проблем, с которыми сталкивается современный мир, требуют от участников международных отноше-

ний не конфронтации, а сотрудничества. Как подчеркивает Дж. Най, «глобальное потепление приведет к увеличению уровня воды не только у берегов США, но и у других стран; финансовая нестабильность может поразить всю мировую экономику»¹.

Совместные усилия государств по борьбе с терроризмом также заставляют задуматься над проблемой сотрудничества. Террористическая атака на США 11 сентября 2001 г. привела к созданию глобальной антитеррористической коалиции государств. Долгое время в качестве своего рода «эталона» сотрудничества государств в рамках коалиции выступала проведенная США и союзниками антитеррористическая операция в Афганистане. Однако коалиция распалась. Военная операция в Ираке, проведенная в 2003 г. при военном и политическом лидерстве США, является ярким примером расхождения в позициях, занимаемых членами антитеррористической коалиции. Подход США к решению проблемы Ирака в 2002 – 2003 гг. не нашел поддержки и у российского политического руководства.

Логику нашего исследования направляли следующие вопросы. Почему операция, представленная мировому сообществу как «антитеррористическая», не нашла поддержки у российского политического руководства? Как стало возможно, что государства, которые всего лишь два года назад выступили единым фронтом в борьбе с данной угрозой, не смогли далее поддерживать сотрудничество? Какие факторы определяют возможность сотрудничества государств при разрешении международных проблем?

Начнем с обсуждения последнего вопроса. Результаты эмпирических исследований, посвященных изучению международного сотрудничества², позволяют сделать вывод, что потребность в совместном решении общих проблем, в том числе противодействие общей внешней угрозе, является наиболее важным фактором сотрудничества государств.

Насколько влиятельным является данный фактор при объяснении российско-американских отношений в период иракского кризиса 2002 – 2003 гг.? Согласно утверждению о том, что государства с большей вероятностью станут союзниками, если столкнутся с общей угрозой, сотрудничество России и США должно было бы

¹ Nye (Jr.) J. The American National Interests and Global Public Goods // International Affairs. 2002. Vol. 78. №. 2. P. 237.

² Stephen W.M. The Origins of Alliances. Itaca; NY; L., 1994.

только укрепиться в свете возникновения новых угроз, исходящих от международного терроризма. Однако на практике произошло совсем другое: антитеррористическая коалиция государств распалась.

Данное обстоятельство позволяет предположить, что наличие общей внешней угрозы является необходимым, но не достаточным условием для возникновения сотрудничества. У лидеров государств должно возникнуть разделяемое понимание решаемой проблемы.

Обоснованность данного предположения может быть подтверждена многочисленными исследованиями процесса принятия внешнеполитических решений, которые продемонстрировали, что представление проблемы в сознании является основой принимаемых решений³. Более того, с точки зрения когнитивного подхода к функционированию международных организаций процесс репрезентации лежит в основе взаимодействия государств при разрешении международных проблем. Основное положение данного подхода заключается в том, что организация возникает из существования несовпадающих целей. И ее основная функция состоит в примирении разногласий, возможности найти приемлемую трактовку проблемы, а не направить поведение конкретного государства в русло заранее оговоренных принципов.

Обобщение результатов эмпирических исследований, посвященных изучению влияния образа «Я» государства на внешнюю политику, реализуемую его лидером, позволяет рассматривать образ государства в качестве важного фактора представления проблемы в сознании лидера⁴. Определение основных составляющих образа государства позволяет построить иерархию приоритетов, которые влияют на предпочтения политика при принятии им внешнеполитических решений. Эмоциональная окрашенность образа влияет на представление решаемой проблемы с точки зрения ожидаемых потерь и выигрышей.

Сотрудничество между государствами возникает в том случае, если представление проблемы в сознании корректируется в резуль-

³ Problem Representation in Foreign Policy Decision-Making / Ed. by D.A. Sylvan, J.F. Voss. Cambridge, 1998.

⁴ Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Образ государства как фактор принятия внешнеполитических решений // ПОЛИС (Политические исследования). 2004. № 4. С. 116 – 125.

тате получения обратной связи от партнеров. Однако, как показывает практика международных отношений, к общему пониманию решаемой проблемы прийти очень трудно, и действия акторов при урегулировании международных проблем зачастую отражают существование несовпадающих точек зрения.

По нашему мнению, урегулирование иракского кризиса 2002 – 2003 гг. представляет собой пример подобного несовпадения репрезентаций проблемы в сознании президентов России и США и неготовности корректировать свои позиции с учетом получаемой обратной связи.

Данное предположение проверяется в ходе эмпирического исследования, основными задачами которого являются: во-первых, выявление особенностей репрезентации иракской проблемы в сознании президента России В.В. Путина и президента США Дж. Буша и, во-вторых, оценка возможности лидеров двух стран корректировать сложившиеся представления под влиянием получаемой обратной связи.

В ходе исследования с целью выделения основных составляющих образа России и США, а также образов политического мира, конструируемых президентами, был осуществлен контент-анализ 385 утверждений президента США Дж. Буша и 264 утверждений президента РФ В.В. Путина, характеризующих иракский кризис 2002 – 2003 гг.

Начнем с рассмотрения особенностей репрезентации иракской проблемы в сознании президентов России и США. Образ России и образ США характеризуются доминированием ролевого компонента. Это означает, что как президент России, так и президент США в своем сознании моделировали ситуацию по Ираку в контексте обязательств, которые данные государства избрали для себя на международной арене. Однако с точки зрения содержания представления об обязательствах России и США в мире существенно отличаются. Для российского президента урегулирование иракской проблемы сводилось преимущественно к обеспечению работы инспекторов ООН и разоружению Ирака, а после начала военных действий – по большей части к проведению гуманитарных операций. Для выполнения подобных задач наиболее эффективными представлялись политико-дипломатические методы в рамках резо-

люций СБ ООН, реализуемых при участии основных партнеров России на международной арене.

Основная задача США заключалась в свержении режима С. Хуссейна. При этом она была представлена (наряду с борьбой с международным терроризмом) обеспечением международной безопасности и безопасности США.

Детерминанты ролевых предпочтений России и США также существенно отличаются. Выбор США своих ролей в ходе иракского кризиса обусловлен угрозами, с которыми они столкнулись на международной арене. Источники угроз, в свою очередь, обусловлены содержанием идентификационного компонента образа США.

В выступлениях, посвященных иракской проблеме, президент Дж. Буш подчеркивает уязвимость США перед угрозами, которые преимущественно исходят от режима С. Хуссейна и международного терроризма. При этом данные угрозы часто воспринимаются как взаимосвязанные. Таким образом, в сознании американского президента был сконструирован образ врага, против которого США боролись в том числе и в ходе военной операции в Ираке.

Образ врага стал основой образа мира США. Враг – это тот, кто попирает ценности США. Ключевым элементом идентичности США можно назвать ценность свободы, которая зачастую идет в связке с «возможностями», «надеждой», «миром». В радиообращении Дж. Буша от 1 марта 2003 г. подчеркивается, что эти ценности мало значат для С. Хуссейна, но много – для США⁵. Поэтому «враг» должен быть свергнут. И в этом смысле знаковым становится утверждение президента, что ценности (идентичность) и интересы (роль) США ведут страну в одном направлении.

Репрезентация проблемы российским политическим руководством осуществлялась на совершенно иных основаниях. Выбор ролей, как и в случае США, осуществлялся на основе восприятия угроз. Содержание угроз, в свою очередь, определялось несоблюдением принципов построения международных отношений, которые президент России позиционировал в качестве основных. В заявлениях В.В. Путина подчеркивается, что угроза состоит в создании однополярного, унифицированного мира, непосредственным следствием которого станет распад сложившейся системы между-

⁵ Bush G.W. President's Radio Address. March 1, 2003. [http:// www.whitehouse.gov](http://www.whitehouse.gov)

народной безопасности. В этой связи, несмотря на то что Россия неоднократно подчеркивала существование угроз, связанных с возможностью существования в Ираке оружия массового уничтожения, она выступала против военных действий и за урегулирование всех проблем вокруг Ирака на основе резолюций СБ ООН. Принципы построения международных отношений, постулирующие многополярность, необходимость принятия коллективных решений, невозможность навязывать свой образ мира и ценности другим, привели к возникновению новой репрезентации проблемы, центром которой стали действия США и сил коалиции в Ираке, а не изначальная задача по разоружению Ирака и возвращению его в сферу действия резолюций СБ ООН.

Таким образом, политические лидеры России и США по-разному воспринимали суть иракской проблемы и наметили отличающиеся пути ее разрешения. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод, что основное условие сотрудничества государств, предполагающее создание разделяемого видения проблемы, не было реализовано. С точки зрения психологической перспективы в отношениях между Россией и США возникла ситуация, когда задачи самореализации, поддержания собственных образов «Я» значительно доминировали над процессами поиска разделяемого образа мира. Таким образом, во взаимоотношениях России и США в период иракского кризиса отсутствовали базовые условия возникновения сотрудничества. Результаты исследования также позволили рассматривать особенности репрезентации проблемы в сознании политиков в качестве фактора, определяющего возможность сотрудничества государств при урегулировании международных проблем.

В.И. Корнилов

Сущность механизма и принципов социального партнерства

Появление и становление партнерских отношений в России было обусловлено потребностью новых социально-экономических

отношений, которые возникли на рубеже конца XX – начала XXI в. Это было вызвано возникновением рыночных отношений, в рамках которых субъекты социально-экономических отношений – предприниматели, профсоюзы, государство – выступают юридически равноправными агентами. В основе такого рода отношений лежит идея необходимости согласования интересов в первую очередь представителей наемного труда и капитала при посреднической роли государства.

Содержание термина «социальное партнерство» в научной литературе определяется многозначно. Одни исследователи (А. Гордон, В. Клопов и др.) рассматривают его как метод и механизм регулирования социально-трудовых отношений, как средство разрешения противоречий между работниками и работодателями. Наиболее радикальные исследователи (М. Воейков, В. Бузгалин и др.) в рамках марксистского представления о неизбежности социальных конфликтов в производственной сфере считают, что интересы собственников-работодателей могут быть решены только за счет ущемления прав работников.

Думается, что эти суждения имеют право на существование, тем более что в реальной хозяйственной практике России вполне можно найти в качестве доказательства соответствующие те или иные факты или примеры. Мы полагаем, что наиболее приемлемое понимание сущности социального партнерства дается в монографии В.А. Михеева «Основы социального партнерства». В ней отмечается, что оно – «цивилизационная форма общественных отношений в социально-трудовой сфере, которая обеспечивает согласование и защиту интересов работников, работодателей, органов госвласти, местного самоуправления путем заключения договоров, соглашений и стремления к достижению консенсуса, компромисса по важнейшим направлениям социально-экономического и политического развития»¹.

Далее, В.А. Михеев правильно отмечает, что социальное партнерство связано с установлением и воспроизводством социально допустимой и социально мотивированной системы социального неравенства, обусловленной разделением труда, различием места и роли отдельных социальных групп в общественном производстве и отношением к собственности.

¹ Михеев В.А. Основы социального партнерства. М., 2001. С. 54.

Социальное партнерство как особый вид общественных отношений характеризуется следующими важнейшими чертами:

1. Наемные работники и предприниматели как субъекты социального партнерства имеют не только общие, но и принципиально различные, а подчас противоположные социально-экономические и политические интересы. Дело в том, что у тружеников, носителей рабочей силы, главный интерес заложен в получении заработной платы как денежной формы необходимых средств для своего жизнеобеспечения. Работодатель в качестве собственника капитала заинтересован в получении более высокого уровня прибыли и дохода.

2. Взаимоотношения работников, работодателей и властных структур покоятся на взаимовыгодной основе в целях достижения соответствующего баланса интересов в осуществлении главных вопросов путем цивилизованного между ними диалога. В основе последнего лежат разумные уступки, компромисс, а не диктат.

3. Отношения социального партнерства могут носить регрессивный и деструктивный, т. е. разрушительный, характер, если в их основе лежат силовые методы, «клановая солидарность» и т.д. Например, это в наибольшей степени проявляется в отношениях олигархической и бюрократической корпоративности, которая отстраняет от «дележа» другие социальные группы и слои общества.

Социальное партнерство как система взаимодействия заинтересованных субъектов развивается на базе выработанных ими и реализуемых принципов, которые обеспечивают достижение социального согласия в отношении жизненно важных интересов. Основные принципы, как отмечается в научной литературе, следующие: демократичность, законность и добровольность; гуманизм и социальная солидарность; социальный диалог на основе толерантности и обязательности выполнения условий договоров; социальная справедливость.

История социального партнерства свидетельствует о том, что выработка и закрепление этих принципов на практике социальных отношений – это довольно длительный процесс развития и осмысления сущности социального партнерства. Сегодня они юридически закреплены в международных законах и, прежде всего, в документах Международной Организации Труда (МОТ), созданной в 1919 г. из представителей правительств государств, профсоюзов и

предпринимателей. Так, принцип обязательности заключения и исполнения коллективных договоров и соглашений, осуществленных в ходе коллективных переговоров, сформулирован в рекомендациях МОТ «О коллективных договорах» в 1951 г. В соответствии с ним договоры между субъектами социального партнерства заключаются только в письменной форме, и их действие распространяется на всех работодателей и наемных работников независимо от форм собственности того или иного предприятия. Условия индивидуальных трудовых договоров, ухудшающие положение работника по сравнению с коллективным договором, должны признаваться недействительными.

Согласно данному закону, МОТ рекомендует государствам создавать комиссии соглашения, в которые на паритетных началах входят представители госвласти, профсоюзов и работодателей (система трипартизма) или – представители профсоюзов и работодателей (система бипартизма).

Важное значение для совершенствования и развития социального партнерства имеет принцип социальной справедливости. Он включает в себя определенные исторически конкретные представления о неотъемлемых правах и свободах человека. В него входят требования о вознаграждении тех или иных индивидов, социальных групп и классов в соответствии с их ролью и местом в трудовом процессе. Социальная справедливость – это не уравнильность. Она предполагает в первую очередь создание возможностей равного доступа к благам, необходимым для развития способностей человека, его достойного существования независимо от социального происхождения и положения, пола, национальности, политических убеждений и вероисповедания.

Социальная справедливость, являясь важнейшей чертой социального государства, не отвергает справедливость существования частной собственности, стремление увеличить свое благосостояние **законным путем**.

Государство объективно не может исключить социальное расслоение населения в силу неизбежности социально-экономических и природных особенностей положения и развития людей. Однако государство в целях создания общественной стабильности должно и может скорректировать стихийные процессы поляризации между богатством и бедностью, имея в качестве главной цели борьбу с

бедностью, а не с богатством. В данном случае социальное государство сосредоточивается на разработке программ, поощряющих расширение занятости населения и включение малоимущих в рыночную активность; реализации политики доходов и дифференцированного подхода к подоходному налогообложению и недвижимости; поддержке общественных фондов и развитию системы социального обеспечения.

Важнейший элемент системы социального партнерства – механизм партнерских отношений, т. е. способы, процедуры, формы, методы взаимодействия, контроль за выполнением принятых договоров и соглашений. Данный механизм характеризуется постоянно действующим переговорным процессом, политико-правовым обеспечением и нормативным установлением процедур согласования интересов, участием представителей общественных объединений в выработке договоров и соглашений. Механизм социального партнерства по иерархическим уровням делится *по территории*: федеральный, республиканский, региональный (краевой), муниципальный и *по отрасли*: внутриотраслевой – предприятие.

Критериями эффективности механизма социального партнерства на федеральном и республиканско-региональном уровнях выступают следующие: общественная стабильность, снижение социальной напряженности и конфронтации. На уровне предприятия в качестве критериев эффективности функционирования системы социального партнерства наряду с вышеназванными можно использовать: обеспечение занятости, доходность, рост производительности труда, степень интенсивности и т.д.

В заключение следует сказать, что механизм социального партнерства в России развивается в условиях не преодоленного пока общеэкономического и социального кризиса, возникшего в ходе реформ в начале 90-х гг. прошлого столетия. По этой причине многие элементы и принципы социального партнерства находятся в стадии становления.

С.А. Кудрина

Онтология против нравственного релятивизма

Как известно, философия в Древней Греции началась с вопроса: "Что есть безусловно сущее?". Этот вопрос для философов – людей, наиболее остро чувствующих и понимающих кратковременность и скоротечность человеческого существования, – вовсе не был праздным: ведь человек живет вполне осмысленно только тогда, когда отдает себе отчет в том, какова его иерархия ценностей, чему стоит служить, чему посвятить свою ничтожно короткую в сравнении с вечностью жизнь и чего следует избегать. Именно поэтому онтологический вопрос лежит в основании философского поиска. При всем многообразии учений философы искали единую, объективную и для всех общую истину. И поскольку изменчивый, чувственно воспринимаемый мир сущим быть признан не мог, древние философы уразумели, что знание о сущем требует особого, внутреннего нечувственного опыта и что добиваться его адекватности необходимо посредством особого внутреннего труда и нравственного очищения. Если бы мир не имел единого онтологического основания, то само по себе возникновение вопроса о вечном, неизменном бытии было бы невозможным. Да и весьма проблематично безосновное существование автономных субъектов: хотя бы внешнее сходство между людьми заставляет задуматься о едином источнике, не говоря уже о глубинных общих духовно-культурных корнях, коими являются вера, язык, мышление. «Где-то в глубине нашего собственного существа... в нас самих или на том пороге, который соединяет последние глубины нашего я с еще большими, последними глубинами бытия, есть Правда, есть истинное, абсолютное бытие; и оно бьется в нас и требует себе исхода и обнаружения, хочет залить лучами своего света и тепла всю нашу жизнь и жизнь всего мира, и именно это его биеие, это непосредственное его обнаружение и есть та неутоленная тоска по смыслу жизни, которая нас мучит» – так характеризовал это философское вопрошание русский философ XX в.

С.Л. Франк¹. Более того, он утверждал, что «об истинном бытии нельзя даже спрашивать, есть ли оно, ибо сам вопрос есть уже обнаружение его, и утвердительный ответ здесь предшествует самому вопросу как условие его возможности»².

Абсолютное бытие есть – есть и абсолютная истина. Следовательно, оправдана и надежда на то, что нравственность не может быть относительна. Укреплены в этой надежде были еще досократики. В частности, Парменид, по свидетельству Климента Александрийского, «говорит намеками о надежде, поскольку и надеющийся, подобно верующему, видит умом умопостигаемое и грядущее. Значит, если мы признаем реальной справедливость, признаем и красоту, да и истину признаем реальностью, однако ж ничего подобного мы никогда глазами не видели, а разве лишь одним умом»³. Таким образом, трудно не согласиться с Кантом: нормы этики не могут не быть абсолютными.

Итак, нравственный и онтологический вопросы глубоко сопряжены друг с другом: во-первых, постичь истинное бытие возможно лишь через нравственное очищение, а во-вторых, ответить на вопрос «что делать?» можно только тогда, когда определено, «что есть истинно сущее?». Для этого необходимо самопознание – единое движение собственной души, напряжение всех ее духовно-нравственных и творческих сил. Поэтому вопрос "что делать?" не сводится к изменению мира окружающего. Важно другое: как *мне* жить, чтобы не погубить душу? Как утверждал Франк, «единственная религиозно оправданная и не иллюзорная постановка вопроса "что делать?" сводится не к вопросу о том, как мне спасти мир, а к вопросу, как мне приобщиться к началу, в котором – залог спасения жизни»⁴.

Итак, если нравственный закон по сути своей абсолютен, возникает вопрос: как быть с многообразием этических учений? Предлагаем следующий критерий оценки философского учения с точки зрения духовно-нравственного содержания: это согласие «оценивающего» на то, что убежденный сторонник рассматриваемого учения станет его соседом, родственником, другом, супругом,

¹ Франк С.Л. Смысл жизни. Берлин, 1925.

² Там же.

³ Фрагменты ранних греческих философов. М., 1990. С. 287.

⁴ Франк С.Л. Указ. соч.

начальником и т.д., т. е. станет непосредственно взаимодействовать с ним. «А хотелось ли мне оказаться рядом с тем или иным философом, чтобы он непосредственно на мне продемонстрировал свои духовно-нравственные принципы?» Важно, чтобы «оценивающий» был именно объектом, а не субъектом нравственного действия, оправдываемого той или иной философской теорией. Именно объектом, поскольку восхищение философской теорией зачастую связано с ее эстетической привлекательностью, оригинальностью – тем более, если она дает веские основания для самооправдания. Если человек примеряет теорию на себя и представляет себя в качестве субъекта действий, оправдываемых рассматриваемой теорией, то действия, попирающие нормы нравственности, не будут с необходимостью различимы, поскольку страдания, ими приносимые, действующий не всегда сможет оценить адекватно. Именно для оправдания порока существует так называемый двойной стандарт: «Мне можно, но другому, тем более по отношению ко мне, – нельзя». В случае же, когда оценивающий сам страдает от действия, направленного на него и оправданного философской теорией, практические нравственные следствия рассматриваемой теории для него очевидны. Можно, подобно Диогену Синопскому, разгуливать по улице с фонарем и кричать: «Ищу человека!». Но можно и оказаться побитым палками тем же самым Диогеном. Весьма притягательно победно «посадить в лужу» собеседника, как это делали софисты, но стать объектом их манипуляции вряд ли кто сочтет приятным. Мнящий себя сверхчеловеком и его униженная жертва, несомненно, по-разному отнесутся к этике Ницше. Иначе говоря, «оценивающий» должен принять именно роль «другого» – того самого «другого», о котором, формулируя то или иное правило нравственности, можно было бы сказать: «Поступай с *другим* так...». Если нравственные следствия философской теории не дотягивают до золотого правила нравственности (которое, несмотря на уверения И. Канта, объяснимо лишь с точки зрения религиозной онтологии), то они всегда чреватны двойным стандартом. Относительность добра и зла вытекает из отрицания вечного и святого.

С.Н. Кузин

Проблемы образования и менталитет российского крестьянства (конец XIX – начало XX в.)

В пореформенной России были достигнуты значительные успехи в формировании образовательного потенциала российского крестьянства. Более чем в десять раз увеличилось число сельских школ, соответственно возрос и уровень грамотности сельского населения: с 8,7% (80-е гг. XIX в.) до 24,8% (1910 г.)¹. Этому способствовала деятельность различных структур – как государственных, так и общественных. Среди них несомненно лидирующую позицию занимали земства. Ежегодно на образовательные цели увеличивались расходы из земских бюджетов: с конца 60-х гг. XIX в. до 1906 г. они возросли более чем в 34 раза². Затраты земств значительно превосходили аналогичные со стороны Министерства народного просвещения (МНП). Так, в Ярославской губернии на 1906 г. земские расходы по содержанию начальных училищ составили сумму в 256 тыс. рублей, тогда как из казначейства для этого было отпущено всего лишь 56 тыс. Еще более разительным выглядело соотношение затрат по Тверской губернии: на 67 тыс. казенных рублей пришлось все по тому же 1906 г. 654 тыс. земских.

Уже в конце XIX в. в целом ряде губерний земства выступили с инициативой введения всеобщего начального обучения, для чего разрабатывались проекты школьной сети по уездам. Были определены школьные районы, где ставилась задача создать все возможные условия для получения детьми 8 – 11 лет законченного начального образования. Реализация этой цели требовала новых источников финансирования, поэтому повсеместно организуются кредитные операции с использованием средств из запасных зем-

¹ Миронов Б.Н. Грамотность в России 1797 – 1917 годов // История СССР. 1985. № 4. С. 145 – 146.

² Днепров Э.Д. Современная школьная реформа в России. М., 1998. С. 447.

ских капиталов. Наглядным примером может служить опыт Ярославского губернского земства, образовавшего в 1895 г. особый школьно-ссудный капитал, из которого выдавались кредиты нуждающимся крестьянским обществам на постройку и ремонт школьных зданий под ручательство уездных земских собраний сроком на 5 лет и при 4% годовых. С 1902 г. ссуда стала беспроцентной, а размер ее увеличился вдвое (с 2 тыс. рублей до 4 тыс. на уезд)³. Аналогичным образом действовали и местные органы самоуправления в Рязанской, Тамбовской, Тверской и других губерниях.

С 80-х гг. XIX столетия активность в деле народного образования стало проявлять и духовное ведомство. За сравнительно короткий срок количество церковно-приходских школ (ЦПШ) заметно выросло и достигло по этому показателю уровня земских. Здесь сказывалось и отсутствие ограничений при организации ЦПШ (зачастую нужно было только желание местного священника), и материальная помощь со стороны властей. По данным Н. Чехова, в 1902 г. казна давала на каждую ЦПШ 232 рубля, что в два с лишним раза превышало смету расходов на начальную школу МНП. Более того, Синод добивается издания правительственного циркуляра, воспрепятствующего земству и МНП открывать свои школы без согласия епархиального ведомства во всех тех селениях, где числятся учебные заведения данного ведомства, даже если это были лишь примитивные школы грамоты. При подобном прямом попустительстве официальных властей общественно-земские училища в целом ряде случаев переводились в статус церковно-приходских. Иногда это происходило в форме открытого произвола, как это, например, было в д. Голицыно Ярославской губернии, когда местный священник, пользуясь отсутствием учителя, занял помещение земской школы и открыл в нем приходское училище⁴.

Во многом определяющим состояние образования на селе являлось отношение к нему самого крестьянства. В пореформенные годы в среде российской интеллигенции господствующим было мнение об искреннем стремлении крестьян, вопреки позиции правительства, преодолеть безграмотность. Земская общественность рассчитывала на помощь сельского населения в организации

³ Очерк деятельности Мологского уездного земства по народному образованию. Ярославль, 1905. С. 52.

⁴ Чехов Н.В. Народное образование в России. СПб., 1912. С. 102.

школьного дела. Однако далеко не всегда такие надежды оправдывались. Даже, казалось бы, столь важное обстоятельство, как предоставление годичной льготы по отбыванию воинской повинности окончившим начальную школу, не меняло консервативной позиции крестьян в сфере образования. Согласно данным земской статистики в лучшем случае лишь половина поступивших в сельскую школу мальчиков проходила полный (трехгодичный) курс начальной ступени. Часть новобранцев получала грамотность вне школы: по Ярославской губернии, например, таковых в 1909 г. насчитывалось 18 из 100⁵. В этих случаях отчетливо проявлялась психология крестьян, рассматривавших образование только как умение читать, считать и писать.

Для большинства сельского населения гораздо важнее были вопросы доступности школы в плане удаленности учебного заведения и материальных затрат на обучение. Достижимые успехи в просвещении крестьян были прямо связаны с капитализацией деревни. В этом случае заметно выделялись те районы, где высока была степень предпринимательской деятельности сельского населения. Средства на строительство и содержание начальных школ выделялись как отдельными крестьянами, занимавшимися коммерцией, так и сельскими сообществами с большим процентом отходников. Занятые на отходных промыслах выходцы из села предпочитали не ограничиваться элементарным курсом начальной школы, но дать своим детям специальные углубленные знания или даже среднее образование. В таких случаях крестьянские наказаы выражали просьбу организовать школу, «которая учила бы детей не только грамоте и счету, но и полезным в крестьянстве знаниям и умениям, сельскохозяйственным и ремесленным».

Между тем в большинстве случаев устойчиво-традиционной по-прежнему оставалась тенденция сокращения крестьянских расходов на нужды образования. Согласно отчету школьной комиссии Ярославской губернии в 1903 г. из 262 предполагаемых учебных районов в 82 отрицалась нужда в особой школе, а в 86% ответов местного сельского населения на запросы указывалось на невоз-

⁵ Начальное народное образование в Ярославской губернии за 1909 год. Ярославль, 1913. С. 73.

возможность устройства учебного заведения за собственный счет⁶. Повсеместно в земских отчетах фиксировались случаи, когда сельские общества, соглашаясь содержать школы, в скором времени отказывались от уплаты. Причем в общей смете по содержанию начальных учебных заведений доля крестьян не превышала 15 – 20%. Объяснялась подобная реакция крестьянских обществ прежде всего их бедностью. При отсутствии необходимых наличных средств для постройки училищных зданий крестьянским обществам приходилось брать деньги в долг у частных лиц на тяжелых условиях – из 8 – 10% годовых. Именно с недостаточностью крестьянских хозяйств было связано то предпочтение, которое сельские жители оказывали земским школам по сравнению с ЦПШ. В первом случае содержание учебного заведения, а также оказание материальной помощи учащимся производилось за счет земского бюджета, во втором – расходы несло местное население. В этой связи настроение крестьян как нельзя лучше соответствовало стремлению местных органов самоуправления взять всецело на свои средства постановку школьного дела в уездах.

Развитие народной школы сдерживалось не только по причине бедности, но и другими факторами. Действительно, вряд ли бедностью были вызваны многочисленные ходатайства крестьян перед земскими органами о выдаче пособий для получения среднего, а то и высшего образования. Так, в своде постановлений земских органов Ярославской губернии за 1912 г. отмечены запросы: крестьянина Новикова (Ярославский уезд) о назначении стипендии на обучение дочери в Любимской гимназии, крестьянки А.А. Смирновой о пособии на обучение на высших курсах в Санкт-Петербурге, крестьянина И.И. Касаткина об оказании ему материальной помощи для продолжения образования в Границкой сельскохозяйственной школе в Австрии⁷. Скорее всего здесь сказывалось своеобразное социальное иждивенчество.

В процессе оказания помощи крестьянству в деле увеличения его образовательного потенциала возникала и такая проблема, как

⁶ Свод отзывов местного населения о проекте нормальной сети училищ по Ярославской губернии, составленной школьной комиссией губернского земства. Ярославль, 1904. С. VI.

⁷ Краткий систематический свод постановлений по народному образованию уездных и губернских земских собраний Ярославской губернии за 1912 год. Ярославль, 1913. С. 242.

действенность и эффективность используемых средств. Нередкими были случаи злоупотребления в расходовании сумм, выделяемых для сельских школ. Земские органы отмечали случаи, когда крестьяне, взяв ссуды на строительство школьных зданий, не выполняли своих обязательств по срокам, а произведенные постройки нередко оказывались непригодными. Нарушались и условия контракта по возврату беспроцентных пособий, выделяемых на эти цели. Причем суммы оказывались весьма существенными (до 2 тыс. рублей) сроком на 10 – 15 лет. Если же учесть, что источниками погашения служила плата земств за найм в течение указанного периода школьного помещения, то становится очевидным, насколько доходным для крестьян являлся подобный подряд. Сельские жители – собственники помещений, сознавая безвыходное положение органов местного самоуправления, не стеснялись требовать повышения арендной платы, отказывались исполнять свои обязанности по ремонту и отоплению школ. Как указывалось в отчете Вятского земства, «случалось, что хозяева помещений, проживая с семейством в том же здании, вмешивались в школьную жизнь, мешали занятиям, загромождали школьные комнаты, занимали их летом для своих надобностей, невозможно грубым отношением с учителями оскорбляли их»⁸. Не лучшим образом обстояли дела и с собственными земскими училищными зданиями: выбитые стекла, прогнившие полы, сломанная мебель и при этом отказ сельских обществ принимать участие в ремонте. Аналогичная ситуация складывалась и с выдачей земских стипендий, которые подлежали возврату с рассрочкой. Некоторые устроители школьного дела в деревне предлагали усилить контроль за использованием материальной помощи, поставив в качестве обязательного условия, чтобы лица, ее получившие, закончили учебное заведение. Однако сделать это было крайне затруднительно, и единственным выходом оставалось принять на земский счет все долги крестьянских сообществ по школьному строительству.

Тем самым, поскольку капитализация сельского населения шла крайне медленно, это непосредственно отразилось на его образовательном уровне. При нулевом экономическом росте, а то и при убыточности хозяйства у большинства крестьян сохранялась патриар-

⁸ Деятельность Вятского земства по народному образованию // Журнал МНП. 1907. Ноябрь. Отдел народного образования. С. 38.

хальная ментальность, которая ориентирует человека на индифферентное или даже враждебное отношение к образованию, ибо обучение требует средств и дает экономический эффект, что далеко не всегда нужно в данной ситуации. Длительное господство подобной ментальности объясняет и достаточно скромные успехи в повышении образовательного потенциала населения в первые советские десятилетия: всеобщая грамотность в стране была достигнута лишь в 1950-е гг.

А.В. Ломтева

Механизм категоризации как фактор формирования установок на сотрудничество в системе международных отношений

В наши дни наблюдается повышение интереса к изучению проблемы международного сотрудничества. Это обусловлено такими явлениями в международной среде, как возрастание взаимозависимости мира, массовый выход на мировую арену транснациональных акторов, возникновение и обострение глобальных проблем. Международное сотрудничество, которое часто оказывается на периферии исследования, выступая лишь в качестве стратегии конфликтного поведения, является неотъемлемой частью современного процесса глобализации. Именно от успешности сотрудничества зависит успех решения задач, требующих совместных усилий государств, и усиление интеграционных процессов, которые наиболее четко наметились в мировом сообществе. Особенно актуальной проблема сотрудничества представляется в рамках процессов, происходящих на территории СНГ, которое за 10 лет своего существования показало малую эффективность: из 1 200 документов, подписанных в рамках СНГ, в лучшем случае 4 – 5% воплотились в жизнь. В этой связи представляется целесообразным выявление основных политико-психологических установок, лежащих в основе продуктивного кооперативного взаимодействия государств,

а именно предполагается рассмотреть влияние процессов категоризации, осуществляемой государством, на сотрудничество.

Формирование отношений сотрудничества может быть рассмотрено как в контексте процессов интегративного характера, так и процессов, направленных на дифференциацию. Процессы дифференциации влияют на поддержание и укрепление границ государства. Интегративные процессы, в свою очередь, способствуют формированию отношений сотрудничества и призваны помочь государствам избежать изоляции и самоизоляции, обеспечивая их вхождение в международные организации и способствуя установлению эффективной коммуникации между ними. При этом можно выявить ряд интегративных феноменов, одновременное наличие которых необходимо для формирования установок на сотрудничество. В качестве наиболее значимых из них следует отметить:

1) обращение к «значимым другим» государствам, которые либо выступают как носители определенных ценностей и норм, либо исполняют роль «зеркала», отражающего данное государство и окружающий его мир;

2) стремление государства к вхождению в международные организации и сообщества;

3) стремление государства получать «обратную связь», т. е. разного рода воздействия и оценки со стороны некоторых других государств.

Страны могут определять себя по нескольким критериям: например, с точки зрения политического устройства, религиозной принадлежности, географического расположения, членства в определенном политическом союзе или военном блоке. При этом значимость того или иного признака может быть различной на разных этапах исторического развития государства. Так, в основе самокатегоризации Грузии в конце XVIII – начале XIX в. лежал религиозный признак. Не исключено, что именно самоопределение Грузии в качестве христианской страны как «форпоста христианства» при наличии ряда других признаков (например, «наше место не здесь») явилось на тот момент наиболее значимым. В данном случае религиозный признак сыграл дифференцирующую роль, выделив Грузию среди других стран закавказского региона.

Но в то же время наряду с процессами построения границ и отделения «себя» от «других» на основе определенных критериев по

тем же критериям происходит и поиск себе подобных. В результате осуществляется интеграция со «своими» и образование некой общности, группы. Именно в процессе объединения акторов на основе общего для них признака и проявляется интегративный характер категоризации.

По такому же принципу происходит объединение акторов в международные сообщества. Ведь только в том случае, когда государство способно определять себя в рамках общих категорий при наличии ряда существенных различий, сотрудничество становится возможным. Отсюда следует, что именно в контексте явлений пересекающейся категоризации, когда государство классифицирует других участников международных отношений по значимым признакам, выявленным в процессе самокатегоризации, может быть рассмотрен такой важный интегративный феномен, как обращение к «значимым другим» государствам. Например, вполне возможно, что самокатегоризация Грузии по религиозному признаку в качестве «форпоста христианства», способная сыграть дифференцирующую роль в отношениях Грузии с азиатскими странами, привела к тому, что Грузия стала рассматривать Россию в качестве авторитетного государства. Этому способствовало то, что Грузия, воспринимая Россию, обнаружила у нее значимые для себя признаки.

В настоящее время существует немало примеров реализации данного интегративного феномена. Так, в высказываниях президентов бывших союзных республик часто наблюдается потребность в реализации многостороннего сотрудничества в рамках СНГ. Если рассмотреть страны Закавказья, то своей историей, географией, геополитикой эти государства обречены на то, чтобы жить и развиваться вместе. В последнее время руководители Азербайджана, Армении и Грузии на официальном уровне отдают приоритет углублению регионального сотрудничества и созданию единого экономического пространства. Вместе с тем данные государства продолжают активно сотрудничать и с Россией. Этот феномен можно объяснить тем, что, несмотря на обилие общих признаков у закавказских государств, именно признаки, по которым проявляется пересечение с Россией, являются наиболее значимыми на современном этапе развития этих стран.

С точки зрения процессов пересекающейся категоризации может быть рассмотрен следующий интегративный феномен, заклю-

чающийся в стремлении государств к вхождению в международные организации и сообщества. Следует отметить, что такое стремление изначально присуще любому государству, но только возникновение пересекающейся категоризации, позволяющее выявить авторитетное государство, задает направление этому стремлению. Так определение Грузией России в качестве авторитетного государства явилось основанием для формирования предпосылок к вхождению Грузии в состав России в 1801 – 1804 гг.

При этом чем больше возникает значимых признаков, по которым возможна пересекающаяся категоризация, тем более выраженным является стремление к вхождению в одно сообщество с авторитетным государством и, соответственно, повышается вероятность сотрудничества. Наибольшее количество таких признаков можно обнаружить у стран, входящих в состав ЕС. Здесь пересечение возможно во многих направлениях: по религиозному и географическому признакам и, что самое главное, по экономическому и политическому признакам.

Но в то же время существование интегративных феноменов в пределах одного государства является обязательным, но недостаточным условием для сотрудничества, которое возможно лишь при одинаковой направленности стремления государств образовывать сообщества. Это достигается на основе возникновения взаимной пересекающейся категоризации, которая проявляется в предоставлении государству «обратной связи». Таким образом, для установления сотрудничества необходимо, чтобы авторитетное государство, в свою очередь, подтвердило ту категоризацию, которую берет на себя предполагаемое государство-партнер. Так, возможно, именно подтверждение Россией категоризации Грузии в качестве христианской страны, при значимости религиозного признака для обоих государств, обеспечило вхождение Грузии в состав России в 1801 – 1804 гг.

Однако возможен вариант, когда наличие даже одного весьма значимого признака, по которому взаимная пересекающаяся категоризация не может быть осуществлена, приводит к тому, что государство получает отрицательную «обратную связь», противоречащую его самовосприятию. В результате возникает ситуация, при которой одно государство сохраняет направленность на сотрудничество, а другое такой направленности не формирует. Подобное

несоответствие отрицательно сказывается на сотрудничестве. Так, если рассмотреть возможность сотрудничества США и России, то следует отметить существование неразделенной пересекающейся категоризации со стороны Соединенных Штатов, которые далеки от признания за Россией статуса демократического государства – одного из основных признаков в самокатегоризации США.

При этом получение отрицательной «обратной связи» может способствовать активизации действий государства со сформированными интегративными тенденциями по устранению факторов, обуславливающих несоответствия в восприятии. Так, отсутствие признания за государством статуса страны с рыночной экономикой обуславливает появление барьеров на пути вступления этого государства в ВТО. Однако численность стран-участниц ВТО постоянно растет. Одним из условий для этого является корректировка самоопределения, которая становится возможной на основе отрицательной «обратной связи», получаемой со стороны авторитетных государств. В результате такой корректировки категоризация государства становится более адекватной реальной ситуации. Таким образом, определив свой реальный статус, государство способно вносить изменения на объективном уровне по подгонке своего статуса под критерии, полученные в результате «обратной связи».

Проанализировав соотношение интегративных феноменов, способствующих установлению сотрудничества, и категоризации, можно сделать вывод об обусловленности появления интегративных феноменов явлением пересекающейся категоризации. При этом вероятность сотрудничества зависит от количества и значимости тех критериев, по которым обнаруживается пересечение. В свою очередь, обязательным условием для возникновения сотрудничества является наличие интегративных феноменов у обеих сторон предполагаемого взаимодействия. Это достигается на основе возникновения взаимной пересекающейся категоризации, отсутствие которой препятствует сотрудничеству, но не исключает его полностью, что обусловлено способностью государств корректировать свое самоопределение.

Многообразие подходов к определению государства

Феномен государства можно рассматривать в разных аспектах, с различных точек зрения, что во многом обусловлено многообразием его проявлений. С одной стороны, государство можно рассматривать с позиций международного права, международных отношений. С точки зрения «внешнего» взгляда «государство – это совокупность людей, проживающих на определенной территории и объединенных публичной политической властью»¹. С этой позиции оно рассматривается как субъект международного права по отношению к тем субъектам, которые не входят в данную публично-властную ассоциацию.

С другой стороны, определение государства дается как бы изнутри, с точки зрения стороны человека, находящегося с государством в отношениях «господства – подчинения», и, как следствие, государство понимается как особая форма взаимодействия властвующих и подвластных².

В третьем аспекте государство можно понимать как аппарат государственной власти, как сложную систему органов государственной власти и их должностных лиц. В частности, в контексте конституционного права государство и рассматривается как система государственных институтов, органов законодательной, исполнительной, судебной власти.

Разнообразные научные концепции предлагают различные определения государства.

Первое определение дано еще древнегреческими философами. Они определяют государство как особый способ организации и управления обществом. Согласно Платону, «государство – это создание общего порядка». В этот же период зарождается и этическая концепция государства, когда оно отождествляется со справедли-

¹ Мамут Л.С. Государство в ценностном измерении. М., 1998. С. 54.

² Проблемы общей теории государства и права / Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 2001. С. 516.

востью. «Государство есть торжество справедливости»³, – считал Аристотель.

Выдающийся мыслитель эпохи Возрождения Н. Макиавелли определял государство через общее благо, которое должно получаться от выполнения реальных государственных интересов. Известный английский философ XVII в. Т. Гоббс, сторонник абсолютистской власти, представлял государство как «единое лицо, верховного владыку, суверена, воля которого вследствие договора многих лиц считается волей всех, так что оно может употреблять силы и способности всякого для общего мира и защиты»⁴.

В период становления либеральной идеологии, в эпоху великих революций получает распространение либеральное определение государства, когда оно трактуется через свободу. Таковую концепцию государства обосновывали, в частности, И. Кант и Г.В.Ф. Гегель. Но даже у авторов немецкой классической философии понимание свободы разное. Кант считал, что «государство – это объединение множества людей, подчиненных правовым законам»⁵. Причем под правовым законом он понимал законы, закрепляющие свободу человека. Таким образом, по Канту, государство есть способ реализации свободы человека. Г.В.Ф. Гегель под свободой понимал не свободу отдельного индивида, а свободу нации. Поэтому для него государство – выражение свободы нации, которая в качестве составного элемента включает свободу отдельных личностей.

Либеральное определение права нашло отражение в современной российской науке в так называемом юридическом определении государства, которое, в частности, обосновал В.С. Нерсисянц. Согласно его концепции, «государство – это правовая форма организации и функционирования публичной политической власти»⁶. При этом необходимым условием является ограничение власти правом и подчинение государства основному принципу права – принципу свободы.

Логической противоположностью либеральной концепции государства становятся легистское и марксистское определения го-

³ Антология философской мысли. М., 1991. С. 34.

⁴ Там же. С. 121.

⁵ Там же. С. 186.

⁶ Проблемы общей теории государства и права. С. 532.

сударства. Легистская концепция государства возникла в Германии во второй половине XIX в. и доведена до логического завершения в теории Г. Кельзена в XX в. Сегодня она распространена в государствоведении в Западной Европе. В этой концепции феномен государства отождествляется с содержанием законов о публичной политической власти. Легистская концепция государства предполагает «оформленный законами аппарат политической власти, его законную организацию и функционирование, законную компетенцию властных органов»⁷.

Фактически в рамках данной концепции государство отождествляется с предписаниями конституционного и административного законодательства, законодательства о судеустройстве. При этом не делается различия между фактически реализуемыми и фиктивными конституциями, законами. Фиктивными были, например, советские Конституции. Они провозглашали демократию, власть рабочего класса, полномочия Советов, принципы федерализма, что фактически не было реализовано. К сожалению, фиктивны некоторые положения и действующей российской Конституции, в первую очередь нормы о социальном государстве, социальных правах человека. Таким образом, легистская концепция государства оказывается явно несостоятельной применительно к политическим режимам с фиктивными конституциями. В. Нерсисянц считает, что легистская концепция не может объяснить и феномен правового государства⁸. Вместе с тем считаю, что данная концепция верно указывает, что государство и его органы должны действовать в рамках, определенных законом, и своевременно должны принимать законы, определяющие статус органов государственной власти.

Согласно марксистской концепции, государство появилось только после разделения общества на классы, и оно является политической организацией экономически господствующего класса и управляет так, как выгодно и удобно господствующему классу, не считаясь с волей других классов, социальных групп. «Государство есть машина в руках господствующего класса для подавления сопротивления своих классовых противников»⁹.

⁷ Четвернин А.Л. Понятие права и государства. М., 1997. С. 23.

⁸ Проблемы общей теории государства и права. С. 531.

⁹ Ленин В.И. О государстве // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 175.

В рамках марксистской концепции дается определение государства и некоторыми современными российскими государствоведами. Так, например, В.М. Сырых считает, что «государство представляет собой аппарат, машину для управления делами классового общества и по преимуществу в интересах экономически господствующего класса»¹⁰. Такой подход отрицает и правовую государственность, и возможность создания общенародного государства.

Весьма широкое распространение получили определения государства через его признаки. Такое определение государства дает, например, основоположник школы солидаристов Л. Дюги: «Государство – это множество человеческих индивидов, проживающих на определенной территории и представленных органами суверенной власти»¹¹. Определение государства через признаки характерно и для современной отечественной науки. Так его определяет, например, М.Н. Марченко.

В XX в. в отечественной литературе большое распространение получило определение государства через его роль в системе общественных отношений.

«Государство – это политическая организация общества, осуществляющая суверенную власть, управление делами общества через систему государственного аппарата, придающая праву общеобязательное значение, охраняющая общественный порядок, закрепляющая и гарантирующая права и свободы человека»¹². Можно считать такое определение наиболее адекватным, так как оно раскрывает сущность государства именно как объективно необходимого общественного института и, по сути, раскрывает функции государства.

¹⁰ Сырых В.М. Теория государства и права. М., 1998. С. 17.

¹¹ История политических и правовых учений. М., 2001. С. 376.

¹² Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М., 2002.

Содержание и виды перераспределения доходов

Категория перераспределения в экономических исследованиях вплоть до настоящего времени пользуется недостаточным вниманием. Обычно она упоминается как элемент распределения, которое является фазой воспроизводства. При этом содержание трактуется исходя из этимологического значения слова: перераспределить – это разделить заново¹. Зачастую указываются ступени – вторичное, третичное распределение.

Другой вариант – трактовка перераспределения с позиций теории факторов производства. В этом смысле процесс перераспределения есть дораспределение по факторам производства – труду, капиталу, земле, предпринимательским способностям. Причем вторично распределяется не весь доход, а лишь его часть.

Развитие институциональной теории способствовало появлению третьего варианта – перераспределение благ в соответствии с правами собственности². Соответственно усиливается внимание к таким проблемам, как передача прав собственности на доход, право на возмездность, на коррекцию доходов субъектов собственности, на ответственность в виде взысканий за несвоевременный или неполный платеж. В связи с этим анализируются различные нормы и правила – формальные и неформальные.

В процессе анализа институциональной среды особое внимание обращалось на перераспределительные функции государства. Последнее учитывает не только все общественные интересы, но и более узкие интересы олигархических кланов, которые стремятся эксплуатировать сравнительные преимущества государства в осуществлении насилия. Результатом такой политики становится перераспределение ресурсов, материальных и финансовых³.

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1953. С. 460.

² Проблемы новой политической экономии. 2004. № 2. С. 29.

³ Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. 3-е изд. М., 2002. С. 509 – 510.

В соответствии с таким подходом ряд зарубежных исследователей считают перераспределение политикой государства. Так, например, в известном словаре утверждается следующее: «Перераспределение доходов – политика, связанная с изменением структуры личного распределения дохода в экономике. Эта политика преследует в основном социальные, а не экономические цели. Основной задачей такой политики является как достижение более равномерного распределения дохода между различными слоями общества, так и обеспечение каждому индивиду, по крайней мере, минимально приемлемого уровня жизни. Перераспределение доходов между различными слоями населения достигается преимущественно посредством системы прогрессивного налогообложения и разнообразных социальных выплат...»⁴.

Не отрицая важности такого подхода, мы считаем его недостаточным и предлагаем свой вариант с точки зрения экономической. Перераспределение выражает экономические отношения по вторичному, третичному переливу (открытому и скрытому) части доходов между субъектами с различными целями, в том числе дораспределение по факторам производства, удовлетворение социальных и общественных потребностей, содержание институтов гражданского общества, а также в целях криминального обогащения. Но даже такое обширное определение не раскрывает всех элементов этого сложного процесса. Поэтому предлагаем авторскую классификацию видов перераспределения доходов в зависимости:

а) от ступеней: вторичное, третичное и т.д.; завершение перераспределения происходит при передаче средств конечному потребителю;

б) от степени удовлетворения потребности: недостаточное перераспределение (недоперераспределение), называемое иногда недофинансированием; избыточное перераспределение (сверхперераспределение), называемое иногда избыточным финансированием;

в) от законности: легальное (открытое), латентное (скрытое), криминальное (уголовно наказуемое);

г) степени симметричности: асимметричное, когда наблюдается устойчивый процесс нарушения оптимальных денежных пото-

⁴ Словарь по экономике Коллинза / К. Пасс, Б. Лоуз, Л. Девис. СПб., 1998. С. 381.

ков и народнохозяйственных пропорций, а также симметричное перераспределение;

д) от субъекта хозяйствования: федеральное государство, межгосударственные организации (СНГ и др.), регион, муниципалитет, фирма, домашнее хозяйство, гражданин;

е) от сроков: краткосрочное, среднесрочное, долгосрочное;

ж) от результатов: эффективное и неэффективное;

з) от возмездности: безвозмездное, возмездное, частично возмездное;

и) от целей: удовлетворение социальных потребностей, содержание институтов гражданского общества, уход от налогообложения, криминальное обогащение и т.д.

Даже такой общий перечень видов перераспределения дохода показывает, что процесс этот охватывает практически все сферы жизнедеятельности. Он имеет позитивные и негативные последствия. Поэтому обеспечение более эффективного институционального регулирования имеет важное значение для благосостояния страны.

М.З. Мусин

Метафизика смерти

*Созерцай умом отсутствующее
как постоянно присутствующее*
Парменид

МЕТАФИЗИКА и СМЕРТЬ неразлучно связаны. Смерть всегда метафизична, а метафизика – это всегда о смерти. И то и другое

кажется невозможным¹, но это случается не как противоположность необходимости, а как неожиданно произошедшее событие.

СОБЫТИЙНОСТЬ метафизики и смерти выражается в их соотнесенности с бытием сущего, познающего свою конечность². Собственно знание смертного сущего (Я) о конечности своего существования и есть смерть как таковая³. Это знание и есть метафизика, как прыжок в ИНОБЫТИЕ, как радикально ИНОЕ бытию.

ИНОБЫТИЕ не есть **НЕБЫТИЕ**, которое, неся в себе отрицание, тем самым соотносилось бы с **БЫТИЕМ**.

АБСОЛЮТНО ИНОЕ ЕСТЬ СМЕРТЬ. Она ничего не отрицает и не утверждает. Она молчит. Она всегда присутствует своим отсутствием, она и есть **ОТСУТСТВИЕ**. Если присутствие есть само бытие, то отсутствие есть его **ИНОЕ**.

МЕТАФИЗИКА возникает, когда **ИНОЕ** являет себя. Можно сказать, что метафизика есть явление **ИНОГО**.

ИНАКОВОСТЬ ИНОГО состоит в его радикальной беспредметности. Беспредметность состоит не столько в «трансцендентности», сколько в безосновности, которая сама является основой для трансцендирования. Можно свести сам акт трансцендирования к каким-либо эмпирическим условиям (более того, он и возможен только при определенных условиях), но сама интенция к **ИНОМУ** не может быть объяснена, она не имеет оснований.

ОСНОВАНИЯ – это то, что подвергается главному сомнению в метафизике. Метафизика есть собственно исчезновение основания, а в этом «растворении» основания и являет себя **ИНОЕ**.

ИНОЕ не имеет эмпирических свойств, не находится ни в какой связи с пространством и временем, **ИНОЕ** – неумопостигаемо, оно – **НЕТ, НИГДЕ И НИКОГДА**⁴.

НЕТ, НИГДЕ И НИКОГДА есть важнейшие опознавательные знаки **СМЕРТИ**. Смерть, безусловно, есть событие эмпирического

¹ Смерть кажется мне невозможной, так как я не могу представить себя несуществующим, а метафизика кажется мне невозможной, так как я не могу представить ее предмет.

² Иначе говоря, встреча со смертью и метафизикой изменяет способ бытия человека.

³ Смерть (впрочем, как и жизнь) в данном тексте рассматривается не в биологическом, психологическом или каком-либо ином значении, а исключительно в онтологическом смысле: смерть – это конец человеческого бытия.

⁴ В данном тексте утверждение о том, что **ИНОГО** нет, нигде и никогда, есть *только* указание на беспредметность **ИНОГО**. Беспредметность **ИНОГО** не означает тождественности **ИНОБЫТИЯ** **НЕБЫТИЮ**.

плана: некто умирает в каком-то месте и в какой-то час, но метафизичность этого события в том, что *меня нигде и никогда не будет*. В «будет» всегда заключено БЫТИЕ, которое и есть будущее.

БУДУЩЕЕ – единственное основание бытия, то, «откуда» бытие, отсутствие будущего есть конец бытия и первый шаг к метафизике. МЕТАФИЗИКА есть пробуждение от гипноза будущего – будущего нет. «Будущего нет» для Я означает смерть, узнавание своей смертности.

УЗНАВАНИЕ СВОЕЙ СМЕРТНОСТИ есть прыжок от какого-либо эмпирического представления или абстрактного понятия о смерти (либо от отсутствия таковых) к опыту смерти.

ОПЫТ СМЕРТИ не имеет отношения к эмпирическому опыту, который всегда предполагает будущее; в опыте смерти открывается настоящее.

НАСТОЯЩЕЕ внеременно (не было, не будет, а есть); настоящее есть отсутствие времени. Вневременность настоящего проявляется во внезапном.

ВНЕЗАПНОЕ есть неожиданное, в непредвиденности которого мне открывается ИНОЕ.

ИНОЕ ВНЕЗАПНОСТИ открывается в смерти в неготовности к ней ⁵, в метафизике ИНОБЫТИЕ открывается в метафизическом пробуждении.

МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ, с одной стороны, есть абсолютная инаковость времени, чистая дискретность ⁶, с другой – есть открытие БЫТИЯ как представления.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ в метафизике имеет не «гносеологический», а «онтологический» смысл, это означает, что представление есть откровение ИНОГО. ИНОЕ в представлении открывается указанием на условность представляемого, бытие которого заключено в его данности относительно времени и пространства (оно где-то появляется и где-то исчезает), относительно самого представляющего (который, собственно, и представляет, т. е. отделяет себя от предмета).

ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЙ – это не теоретическая позиция и уж тем более не эмпирическое Я, а указание на способ мышления.

⁵ Никто не может быть готов к смерти, ибо не представляет, что это такое.

⁶ То есть как молния застигает неожиданно, внезапно.

СМЫСЛ МЫШЛЕНИЯ как такового состоит в его обращенности на себя, его *для-себя* бытие есть в той же степени *в-себе* бытие. Бытие мышления не может быть представлено: если представленное наличествует (мыслится), то мышление отсутствует.

ОТСУТСТВИЕ соотносится с мышлением, поскольку последнее полагает принцип реального – «тождество мышления и бытия».

ТОЖЕСТВО МЫШЛЕНИЯ И БЫТИЯ означает, что **СУЩЕЕ** есть в сознании, точнее, есть сознание.

СОЗНАНИЕ – это форма сущего: то, что есть, есть определенным образом (звук слышится, цвет видится, мысль мыслится, чувство чувствуется), в том числе и само сознание (сознание сознается, т. е. рефлектирует), поэтому сознание означает быть, а быть – значит означать что-то.

ОЗНАЧАТЬ ЧТО-ТО (ЗНАЧИТЬ) выражает соотносительность всего представленного в формах сознания сущего, его целесообразность, «значит» есть **НЕОБХОДИМОСТЬ** сущего. Сущее, таким образом, тождественно значимому, т. е. представляется как очевидность.

ОЧЕВИДНОСТЬ (чувственная, аподиктическая, «мистическая» или какая-либо другая) есть **СУЩНОСТЬ** в сущем. Сущее, теряя очевидность, лишается своей сущности.

СУЩНОСТЬ не есть бытие сущего, поскольку полагается **ИНЫМ** – несущественным.

НЕСУЩЕСТВЕННОЕ не означает незначимое – несущественное ничего не означает, не входит ни в какие отношения с **ИНЫМ**. **ИНОЕ** поэтому являет себя в несущественном как абсолютно **НЕОЧЕВИДНОМ**.

НЕОЧЕВИДНОЕ не есть то, что входит в противоречие с очевидным, неочевидное никак не относится к очевидному. Очевидность, будучи **ИНЫМ** неочевидного, как принцип реального не предполагает вопроса о реальности, она не есть вопросительность.

ВОПРОСИТЕЛЬНОСТЬ – способ бытия неочевидного, явление **ИНОГО** в сущем. Сущее являет **ИНОЕ** в полагании смысла.

СМЫСЛ – это то, что соотносит то или **ИНОЕ** сущее не с **ИНЫМ** сущим, а с самим собой. «**САМО СЕБЯ**» как единственность (инаковость) представленного сущего есть обнаружение в себе **ИНОГО**, есть вопрошание смысла. **ВОПРОШАНИЕ** есть вы-

ражение отсутствия смысла в представленном сущем самом по себе, ВОПРОШАНИЕ ЕСТЬ МЕТАФИЗИКА.

МЕТАФИЗИКА как вопрошание есть внезапное обнаружение СМЕРТИ – отсутствия смысла в сущем самом по себе. Сущее само по себе НИЧТО – *это* является в метафизике, СМЫСЛ БЫТИЮ сущего полагает ИНОЕ – СМЕРТЬ.

«Кто знает, может, жизнь есть смерть, а смерть есть жизнь».

Еврипид.

И.Г. Переломова

Особенности информационного продукта как товара

Отметим основные особенности информационного продукта, которые кардинально отличают информацию от других товаров. Во-первых, информация не исчезает при потреблении, а может быть использована многократно. Информационный продукт сохраняет содержащуюся в нем информацию независимо от того, сколько раз она была использована. К. Эрроу отмечает: «Тот факт, что вы продали мне информацию, не мешает вам продавать ту же информацию другим – ведь университетский профессор из года в год читает одну и ту же лекцию. А мне этот факт не мешает перепродавать то, чему меня научили, при условии соблюдения законов об интеллектуальной собственности; этим в конечном итоге и занимаются журналисты»¹. Таким образом, одна из особенностей информации как товара состоит в том, что информация не убывает и не исчезает в процессе ее использования (потребления), как, например, обычный материальный продукт.

Во-вторых, производство информации, в отличие от производства материальных товаров, требует значительных затрат по срав-

¹ Эрроу К. Восприятие риска в психологии и экономической науке // Теория и история экономических и социальных институтов и систем: Альманах. 1994. № 5. Вып. 5. С. 98.

нению с затратами на тиражирование. Копирование того или иного информационного продукта обходится, как правило, намного дешевле его производства. Это свойство информационного продукта – трудность производства и относительная простота тиражирования – создает, в частности, немало проблем в связи с определением прав собственности в рамках сферы информационной деятельности².

Это свойство информации предопределяет еще одну особенность информационных товаров. Дело в том, что распространители (производители) информационных продуктов в рыночной экономике оказываются в своеобразном монопольном положении. Какую бы единую, постоянную цену распространитель информации ни назначил на свой продукт, ему не удастся продать максимальное количество копий информационного продукта. А стремление продать именно максимальное количество копий вполне естественно, поскольку каждая копия практически ничего не стоит. Затраты на копирование чрезвычайно малы. Если назначить высокую цену, покупателей будет мало. При низкой цене покупателей будет много, но выручка может оказаться меньше, чем при высокой цене. Понятно, что в условиях необходимости назначить единственную цену распространитель знания стремится определить такую цену, при которой он получает максимальную прибыль. Эффективность достигается тогда, когда используются дискриминационные цены, т.е. цены, зависящие от конкретного потребителя (от категории потребителей). Система дискриминации по времени покупки, по юридическому статусу покупателя (коммерческая фирма, правительственная структура, университет), усложнение самого продукта (версии программы, подписка, пакетное обслуживание, обновление) в конечном счете приводят к максимальному удовлетворению потребностей в знаниях и информации.

В-третьих, из первых двух черт следует, что информация не ограничена пространством. Однако она ограничена законами об интеллектуальной собственности. Т. Стюарт отмечает: «Знания (информация) существуют вне зависимости от пространства. Подобно квантовым частицам, они могут находиться в нескольких местах одновременно. Продайте мне пирог, и у вас его больше не будет. Продайте мне рецепт пирога, и он будет у нас обоих. В цар-

² Знания на службе развития: Отчет о мировом развитии. 1998/99. М., 1999. С. 30.

стве интеллектуальных активов и неосязаемой продукции "пирога" не становится меньше, сколько его ни ешь. Но вы не можете забрать его назад. Продавец может вернуть себе, предположим, автомашину, но, сообщив покупателю какую-либо информацию, он не может забрать ее обратно. В информационной экономике есть одна уловка, касающаяся и покупателя, и продавца: покупатель не может судить, стоит ли платить за информацию до тех пор, пока ее не получит, но, как только он завладел ею, ему больше не нужно ее покупать»³.

В связи с этим возникает проблема качественного представления информационного товара, т. е. искоренения деятельности по распространению пиратских копий. В процессе совершенствования рынка нелегальный сектор будет уменьшаться и в перспективе «сойдет на нет», поскольку его функционирование станет неэффективным.

Авторское право является чрезвычайно широким и, с другой стороны, тонким инструментом регулирования отношений собственности в сфере так называемых неосязаемых (intangible) благ, к которым относится информация. Там, где информация публична, т. е. может быть использована всеми без каких-либо условий и ограничений, тем не менее авторское право играет существенную роль. В частности, в этой порой весьма тонкой области существует так называемое неформальное авторское право, то есть такое право, которое не регулируется национальным или международным законодательством.

В этом контексте авторское право тесным образом связано с понятием репутации. Репутация получает рыночную оценку, в частности, в форме уровня заработной платы ученого, а также в форме спроса на труд ученого со стороны различного рода организаций.

В-четвертых, информационный продукт со временем подвергается своеобразному «моральному износу». Хотя информация и не изнашивается при употреблении, но она может терять свою ценность по мере того, как предоставляемое ею знание перестает быть актуальным. Это означает, что информация зависит от факто-

³ Стюарт Т. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 383.

ра времени. Некоторые ее виды быстро стареют. «Если знания в целом не ограничены пространством, некоторые их формы чрезвычайно чувствительны к фактору времени — даже в большей степени, чем материальные активы. Это происходит постепенно и медленно, тогда как совет, на какую лошадь ставить, который до забега потенциально стоил тысячи долларов, теряет всякую цену, как только закрывается окошко тотализатора. Чувствительность к фактору времени вызвала к жизни целые отрасли, основанные на желании предвосхитить будущие формы знаний: службу погоды, опросы общественного мнения по политическим вопросам, фондовую биржу»⁴.

В-пятых, разным потребителям информационных товаров и услуг удобны разные способы предоставления информации, ведь потребление информационного продукта требует затрат и усилий. Ценность информации носит субъективный характер, зависит от цели, которую преследует ее потребитель. Если поставленная задача решена, то использованная информация для него уже не представляет интереса, она утрачивает ценность. Таким образом, в обществе, помимо информации, обладающей ценностью, присутствует информация, которая не имеет ценности либо обладает отрицательной ценностью на данный момент времени. Кроме того, ценность информации зависит от потребителя информации. Очевидно, что одно и то же сообщение для одного человека является информацией, для другого же оно будет абсолютно неинформативным. В этом состоит свойство адресности информации.

В-шестых, понятие симметричности информации означает равное распределение информации между участниками; прозрачность подразумевает открытость информации. Однако возможности получения и распространения информации у разных потребителей неодинаковые. Информация распространяется неравномерно, «асимметрично». Асимметрия информации является одним из аспектов несовершенства информации, возникающего из-за того, что разные участники рыночных операций обладают разными сведениями. Поэтому тот, кто обладает преимуществами в информации, обладает и известными конкурентными преимуществами.

Неравномерное распределение информации на рынке, ее неодинаковая доступность для различных агентов рынка, наличие

⁴ Стюарт Т. Указ. соч. С. 390.

неценовых информационных сигналов приводят не просто к тому, что одни участники рынка получают информационное преимущество перед другими. Можно утверждать нечто большее. Если информационное преимущество определенных индивидов или групп устойчиво во времени, то оно постепенно трансформируется в экономическое, социальное и политическое преимущество. Информационное преимущество становится важным фактором, способствующим перераспределению экономических ресурсов.

Таким образом, в настоящее время информация стала активнейшим элементом рыночной инфраструктуры, фактором производства и товаром. Наличие или отсутствие рыночной информации определяет успех или неуспех компании в производстве и сбыте продукции.

М.С. Попов

Реформа по усилению вертикали власти и отношение к ней россиян

Конец минувшего года ознаменовался весьма важным событием в политической жизни России – принятием закона, предусматривающего кардинальные изменения в порядке наделения властными полномочиями руководителей исполнительной власти в регионах. Взамен ранее существовавшей системы выборов губернаторов областей и глав иных субъектов РФ обновленное законодательство предусматривает процедуру их назначения на должность. Отныне руководители органов исполнительной власти будут назначаться на должность законодательными органами соответствующих субъектов РФ по представлению Президента РФ.

Очевидно, что подобные изменения, предложенные Президентом, призваны способствовать выстраиванию действенной вертикали исполнительной власти. Исходя из нынешних реалий, подобное стремление главы государства представляется вполне обоснованным. Сильная вертикаль власти – это политическая и

управленческая реальность любого современного государства. От того, насколько умело она выстроена, напрямую зависит эффективность функционирования всех звеньев исполнительных органов, а значит, и эффективность функционирования политической системы страны в целом. А какой власти быть – сильной или слабой – выбирать сейчас не приходится. Серьезные проблемы, в той или иной степени затрагивающие интересы любого государства, важнейшей из которых на сегодняшний день является международный терроризм, диктуют свои (и весьма жесткие) условия. К тому же подобные негативные тенденции для такой страны, как Россия, опасны вдвойне, ведь помимо прочих факторов мы не должны забывать об огромных территориальных масштабах нашего государства.

Многие политологи сходятся во мнении, что к 2000 г. государство оказалось в состоянии глубокого кризиса всей системы власти. В связи с этим был предпринят ряд мер, которые позволили снять непосредственную угрозу потери управляемости России. Среди них – создание института полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах, меры по приведению конституций, уставов, законов субъектов Российской Федерации в соответствие с Конституцией РФ, федеральными законами и другие.

Вместе с тем жизнь показала, что сделанного недостаточно. Ведь некоторые губернаторы по-прежнему могут позволить себе практически не считаться с федеральными и региональными законами, игнорировать нужды регионов, населения, работать спустя рукава, и при этом ни у центра, ни у избирателей нет безотказных рычагов влияния на их деятельность. Федеральной власти не остается ничего другого, как искать выход в сужении компетенции регионов и их глав, а это не лучшим образом сказывается на развитии как регионов, так и страны в целом. При таком положении дел было весьма сложно наладить эффективное управление страной, обеспечивать и ее единство, и высокую динамику экономического и социального развития, и благополучие и безопасность граждан. Учитывая все это, можно предположить, что реформа, предложенная Президентом осенью 2004 г., выглядит вполне закономерно. Между тем сейчас весьма непросто разобраться в том, насколько хорошо она была подготовлена и проработана. Как это часто случается, о ней можно будет судить лишь по истечении определенно-

го периода времени, и нам остается только надеяться на то, что данная реформа власти на уровне регионов все же даст тот эффект, на который рассчитана.

А пока мы можем взглянуть на то, как относятся к подобным изменениям россияне. Исследовательский холдинг ROMIR Monitoring провел исследование, посвященное отношению граждан России к предложениям Президента о новом порядке выборов глав региональных администраций. Опрос проводился в сентябре 2004 г., было опрошено 1 500 человек в 102 городских и сельских населенных пунктах России во всех федеральных округах.

Респондентам был задан вопрос: «В какой степени вы поддерживаете или не поддерживаете предложение В.В. Путина о замене выборов губернаторов краев, областей, президентов республик РФ их населением на их избрание местными парламентами по предложению Президента РФ?»

Ответы на него распределились так:

полностью поддерживаю – 21 %;

скорее поддерживаю, чем нет – 34 %;

скорее не поддерживаю – 23 %;

полностью не поддерживаю – 13 %;

затрудняюсь ответить – 9 %.

Таким образом, больше половины опрошенных (55 %) в той или иной степени поддерживают предложение Президента об изменении порядка избрания глав региональных администраций. Показательно, что затруднились с ответом на данный вопрос всего 9 процентов опрошенных, что позволяет говорить о большом внимании, которое уделило российское общество предложениям Президента.

Анализ социально-демографических характеристик респондентов показывает, что в наибольшей степени склонны поддержать главу государства жители Северо-Западного и Дальневосточного федеральных округов РФ.

Участникам исследования было также предложено высказать свое мнение о том, как повлияет реализация предложения Президента на уровень коррупции в стране.

Респондентам был задан вопрос: «Как, с вашей точки зрения, фактическое назначение губернаторов Президентом скажется на

уровне коррумпированности региональной власти и масштабах коррупции в регионах?»

Ответы на этот вопрос распределились так:

останутся на прежнем уровне – 43 %;

значительно возрастут – 9 %;

незначительно возрастут – 7 %;

незначительно уменьшатся – 23 %;

значительно уменьшатся – 10 %;

затрудняюсь ответить – 8 %.

Таким образом, в массовом сознании складывается умеренно-позитивная оценка влияния предложения Президента РФ на уровень коррумпированности региональной власти, при этом уровень позитивной оценки возрастает с ростом уровня доходов респондентов.

Подводя своеобразный итог, можно отметить, что в целом реакция российского общественного мнения на предложения Президента РФ об изменении порядка выборов глав региональных администраций характеризуется как позитивная.

Н.В. Попова

К вопросу о кризисе идентичности в сознании российского общества

В последние годы в отечественной научной литературе все чаще поднимается вопрос о кризисе идентичности в российском обществе. Причем большинство исследователей, рассматривающих данную проблему, связывают изменения идентичности с глобальными процессами трансформации, затронувшими все сферы общества. В то же время на настоящий момент нет единого мнения относительно наблюдаемого явления. Во многом подобное положение объясняется новизной изучаемой проблемы и отсутствием фундаментальной научной базы, которая позволила бы с большей определенностью судить о происходящих в общественном сознании изменениях. Поэтому представляется важным проанализиро-

вать само понятие «кризисная идентичность» в свете наблюдаемых трансформационных процессов.

Понятие «идентичность» в настоящее время довольно широко используется не только в социологии, но и в философии, психологии, политической теории и других общественных науках, причем зачастую это понятие рассматривается с разными значениями и в разных контекстах. В самом общем понимании под идентичностью подразумевают «осознание принадлежности объекта (субъекта) другому объекту (субъекту) как части и целого, особенного и всеобщего. Главным характерным признаком и основанием понятия является тождественность самому себе»¹.

Разумеется, данное определение является слишком абстрактным для описания взаимоотношений индивида и группы (или общества в целом) и нуждается в уточнениях. На практике принятие человеком собственной идентичности осуществляется в три этапа: 1) социальная категоризация (стереотипизация), т. е. упорядочивание социального окружения в терминах группировки личностей способом, который имеет смысл для индивида; 2) социальная идентификация, т. е. процесс, посредством которого индивид помещает себя в ту или иную категорию; 3) социальная идентичность – полное социальное отождествление личности².

Фактически это означает то, как индивиды объединяются в группы. При этом процесс идентичности может утратить свой смысл, если не обеспечивает человеку ощущение тождества индивидуального я-образа и группового мы-образа. Проблема тождества и уникальности идентичности выражается в понятии социального габитуса. По определению П. Бурдьё, каждый индивид или группа занимают в обществе определенную позицию, для которой характерен соответствующий объем капитала: экономического, культурного, социального и символического. Причем символический и культурный капитал включают соответственно тот престиж, репутацию, признание, культурный багаж, которыми индивид или группа располагают в данном обществе³. Как отмечал Н. Элиас, всякий отдельный человек, при всех его отличиях от других людей,

¹ Смирнова А.Г., Киселев И.Ю. Идентичность в меняющемся мире. Ярославль, 2002. С. 7.

² Андреева Г.М. Психология социального познания: Учеб. пособие для студентов вузов. М., 2000. С. 184.

³ Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 48 – 58.

несет на себе также отпечаток, общий для всех членов общества, к которому он принадлежит. Этот характерный склад и есть социальный габитус индивидов. Он образует ту «почву», на которой вырастают те личные признаки, благодаря которым отдельный человек отличается от других членов своего общества. Таким образом, проблема национального характера – это проблема социального габитуса⁴.

В сегодняшних условиях необходимо помнить, что классики социологии и психологии трактуют социальную идентичность с позиций освоения индивидом ценностей и норм в относительно стабильном социуме. Социальные идентификации в этом случае подвержены прямому воздействию определенной нормативной, институциональной системы (процессам социального расслоения и др.). В современных высокодинамичных обществах упомянутые детерминанты социальной идентификации, конечно, сохраняются. Вместе с тем их воздействие утрачивает свойства стабильно структурированной системы, как утрачивают прежнюю определенность образы социального пространства. Люди оказываются в ситуации непростого поиска ответов на вопросы «Кто я?», «Кто мы?» и «Кто они?»⁵. Именно неспособность человеческой психики мгновенно адаптироваться к происходящим в обществе изменениям и порождает феномен, получивший название «кризис социальной идентичности». Кризис социальной идентичности россиян принято считать следствием радикального реформирования общества и его базисных институтов, результатом «культурной травмы» (П. Штомпка). Этим понятием обозначается состояние сознания населения посткоммунистических стран, особенно характерное для первого этапа коренных преобразований в политике и других сферах общественной жизни. Р. Дарендорф подчеркивал, что состояние «пост» содержит в себе противоборство двух тенденций – давление прошлого и, напротив, его публичное отрицание⁶.

С точки зрения П. Штомпки, культурная травма связана с негативными последствиями быстрых социальных изменений и их коллективным осознанием. Он трактует культурную травму как

⁴ Смирнова А.Г., Киселев И.Ю. Указ. соч. С. 12.

⁵ Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социс. 2004. № 2. С. 27.

⁶ Данилова Е.Н., Ядов В.А. Указ. соч. С. 28.

столкновение исконных ценностей социума с «чужим», чуждым, враждебным. Придавая заимствованному из психиатрии понятию «травма» социальный смысл, Штомпка подчеркивает способность социального агента через осознание справиться с негативными переменами и, реагируя на них, сформировать коллективные стратегии их преодоления⁷. Социум может поразить биологическо-демографическая травма (эпидемия, голод, резкий рост смертности, падение рождаемости и т.п.), социально-политическая травма (анархия, крах рынка, революция, смена политического режима) и культурная травма (падение основополагающих ценностей и поведенческих моделей). Причем наиболее опасной Штомпка считает культурную травму, обладающую «самой сильной инерцией»⁸. И именно с социально-политической и культурной травмами пришлось столкнуться российскому обществу.

Неустойчивое, лабильное состояние социальной идентичности становится нормой большинства современных обществ. Специфика России заключается в том, что она переживает «спрессованный исторический период», когда драматические внутренние трансформации сопряжены с быстрыми и фундаментальными изменениями в миросистеме. В динамичном мире принципиально невозможна стабильная социальная идентичность. И тогда то, что мы называем «кризисом идентичности», выступает как нормальное состояние индивидов, принуждаемых объективными условиями перманентных социальных изменений «отслеживать» (рефлектировать) свои ориентации в пространстве «Мы – Они» – в своем социальном самоопределении и общественном статусе⁹.

Трансформации гражданской идентичности – процесс особенно сложный. Идентичность «советского человека» была надэтнической и утверждала становление новой исторической общности «советский народ». Кризис идентичности часто связывают с распадом Советского Союза: в один момент люди превратились из советских граждан в граждан нового Российского государства. Становление новой идентичности происходит небезболезненно, немалая доля россиян до сих пор переживает травму распада СССР.

⁷ Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1 – 2.

⁸ Там же. № 1. С. 9.

⁹ Данилова Е.Н., Ядов В.А. Указ. соч. С. 27.

Около половины населения даже в поздние 1990-е гг. отмечала: «Мы – это советские люди». Драматизм утраты великого, по сути имперского, государства во многом объясняет трудности формирования собственно российской гражданской идентификации. Граждане новой России только начинают сейчас осознавать свою этничность, вглядываясь в «других» – народы Балтии и Средней Азии, в кавказцев. Однако само название "россияне" кажется мало-приемлемым как для правящих элит национальных субъектов Российской Федерации, так и для русских этнонационалистов. Поэтому вопрос о гражданской и государственной идентичности для большинства населения до сих пор остается открытым.

Л.Д. Руденко

Современные этнокультурные процессы в Ярославской области

В настоящее время в России проживает более 40 млн. человек нерусского населения ста шестидесяти национальностей (около 20 %). В связи с этим на региональном уровне важной задачей является анализ и формирование общественного мнения о национальных меньшинствах: аналитическими отделами областных администраций и научными центрами проводятся социологические исследования по изучению отношений коренного населения к национальным меньшинствам. Сегодня в России можно отметить ряд тенденций по формированию и функционированию диаспор.

Во-первых, растет численность и укрепляется структура старейших диаспор (татарской, еврейской, армянской, китайской, греческой). Так, по данным Т. Полосковой, только в одной Москве действует около 30 армянских организаций, выполняющих социальные, культурные и экономические функции¹.

Во-вторых, распад Советского Союза, ряд локальных межнациональных конфликтов, сложное экономическое положение стран Содружества спровоцировали появление и формирование диаспор

¹ Полоскова Т. Современные диаспоры. М., 1999. С. 68.

нового типа, а именно народов стран СНГ. Межнациональные войны, на наш взгляд, привели к активизации деятельности грузинской и азербайджанской диаспор, важнейшими функциями которых являются защита прав своих соотечественников и помощь им. Здесь необходимо отметить и заметное «помолодение» современной иммиграции, что свидетельствует о ее экономических причинах: в основном граждан Украины, Азербайджана, Армении, Молдавии привлекает относительно стабильный российский рынок труда. В современных российских условиях, когда миграция имеет недостаточно регулируемый характер и мигранты вынуждены сами разрешать все трудности адаптации, именно диаспоры и их общественные объединения могут выступить реальной поддержкой беженцев.

В-третьих, в ряде крупных регионов России, в том числе и в Ярославской области, функционируют диаспоры коренных российских народов, проживающих за пределами своих национальных территориальных образований (например, чеченская, осетинская, народов Дагестана). На наш взгляд, их основная задача сводится к сохранению и поддержанию национальной духовной культуры.

К вышеотмеченным функциям диаспор можно также добавить следующие. Диаспора, обладая экономическими, демографическими и административными ресурсами, через свои общественные объединения способна представлять в России интересы своей национальности, а также лоббировать их в политических институтах и органах власти всех уровней. Так, например, Н.Ф. Бугай и А.М. Гонов выделяют следующие направления политической деятельности общественных объединений национальных меньшинств: взаимоотношение с органами власти, урегулирование возникших и возникающих административно-территориальных споров, совершенствование международных отношений, выявление обязанностей перед государством и т.д.²

Не менее важна роль диаспоры в сохранении культурного наследия своего народа, пропаганде национальных традиций и ценностей, дальнейшем развитии национальной самобытности через сохранение родного языка, поддержании социокультурных связей со своей исторической Родиной. Объединенные этнические мень-

² Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики. М., 2004. С. 273.

шинства способны создавать и развивать оптимальные условия для взаимодействия с коренным населением, распространять идеи социального, политического и культурного единства и межнационального согласия.

Таким образом, можно сделать вывод, что диаспоры являются активным общественным институтом, способным содействовать адаптации и защите прав соотечественников, сохранять национальную идентичность, психологию и культуру на федеральном, региональном и местном уровнях.

Стоит отметить, что исторически Ярославская область отличается значительным преобладанием русскоязычного населения. Так, анализ данных Всероссийской переписи населения 1989 г. показал снижение удельного веса русских в области с 97,7% (1959 г.) до 96,4% (1989 г.). Однако было бы ошибкой представлять этот регион полиэтничным. Находясь на стыке миграционных потоков, Ярославская земля сформировала многообразие этнических групп: в 2002 г. наиболее многочисленными в порядке убывания были украинцы, татары, белорусы, азербайджанцы, евреи, цыгане, чувашаи, армяне, мордва, грузины, а также немцы, поляки, болгары, финны.

По оценке Ярославского областного комитета государственной статистики, по предварительным итогам Всероссийской переписи населения 2002 г., численность коренного населения Ярославской области на 1 декабря 2003 г. составила 1 354,5 тыс. человек³. Анализ демографической обстановки Ярославской области показывает, что идет процесс уменьшения численности населения. В период 2000 – 2001 гг. – на 0,2%, 2001 – 2002 гг. – на 0,9%, а по сравнению с началом 2003 г., она уменьшилась на 10,1 тыс. человек – 0,7%. Сокращение численности населения происходит по причине его естественной убыли, в основном за счет смертности от болезней органов пищеварения, системы кровообращения, случайных отравлений алкоголем.

В обстановке данного демографического кризиса положительное влияние на ситуацию оказывают миграционные процессы, которые, однако, выполняют лишь частичную компенсационную функцию. Так, например, в 2002 г. в области число умерших соста-

³ Справка по результатам оказания практической помощи Управления по делам миграции УВД Ярославской области и проверки деятельности рабочей группы УВД Ярославской области по исполнению “ШТ” № 203 от 22.04.04 г. в части компенсационных выплат за утраченное жилье и/ или имущество гражданам, пострадавшим в результате разрешения кризиса в Чеченской Республике.

вило более 25 тыс. человек, а прибывших – 15 тыс. человек (число родившихся – менее 11 тыс.). Приток иммигрантов в область в 2003 г. продолжал сохраняться и составил более 12 тыс. человек. В основном в Ярославскую область прибывают иммигранты из других регионов России и стран СНГ (Узбекистан, Таджикистан, Грузия, Украина, Казахстан). Однако, по данным статистики, работать в область приезжают иностранцы из 27 стран, которых привлекает тот факт, что средняя зарплата здесь самая высокая в Центральном регионе после Москвы и Подмосковья⁴.

В 2003 г. по сравнению с 2002 г. в 2 раза сократился приток мигрантов из Казахстана; в 1,6 раза – с Украины. В то же время наблюдался рост числа прибывших из республик Закавказья (2003 г. – 188 человек, 2002 г. – 126 человек) и Средней Азии (2003 г. – 421 человек, 2002 г. – 368 человек). Число прибывших из Грузии увеличилось почти в 2 раза (2003 г. – 59 человек, 2002 г. – 29 человек). Стоит отметить, что приток мигрантов зафиксирован только по городской местности области, численность сельского населения продолжает миграционно убывать, что является следствием сохраняющегося оттока сельских жителей в города и рабочие поселки области.

На наш взгляд, значительные иммиграционные потоки в области несут ряд положительных моментов. Во-первых, мигранты помогают стабилизировать демографическую обстановку в области. Во-вторых, в условиях развитой промышленности города они восполняют нехватку рабочей силы. В-третьих, элементы их национальной культуры привносятся в русскоязычную среду.

⁴ <http://yaroslavl.rfn.ru/rnews.html>

Н.А. Соловьева, Е.В. Седунова

Роль библиотек в социальной реабилитации инвалидов по зрению

Социальная реабилитация людей с ограниченными возможностями предполагает получение безбарьерного доступа к информации для обеспечения равных возможностей в профессиональном и духовном развитии. В Конституции Российской Федерации указывается, что "каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям". Права инвалидов на равный и свободный доступ к информации получили отражение во многих международных документах. В Манифесте ЮНЕСКО о публичных библиотеках (1994 г.) говорится о том, что "обслуживание в публичной библиотеке предоставляется на основе равного доступа для всех, независимо от возраста, расы, пола, вероисповедания, национальности, языка или общественного положения. Особые виды услуг или материалов должны предоставляться тем потребителям, которые по какой-либо причине не могут пользоваться обычными услугами и материалами, например, представителям языковых меньшинств, инвалидам или лицам, находящимся в больнице или в местах заключения"¹. На 48-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1993 г. были приняты "Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов". В частности, предписывается предоставление информационных услуг и документов в приемлемых для инвалидов формах; для людей с ограниченными возможностями "должны применяться шрифт Брайля, фотографические записи, крупные шрифты и другие соответствующие технологии с тем, чтобы лица с дефектом зрения имели доступ к письменной информации и документации".

Идеи равного и свободного доступа к информации, общедоступности библиотечного обслуживания характерны и для правово-

¹ Манифест ЮНЕСКО о публичных библиотеках 1994 // Библиотека. 1995. № 6. С. 6.

го поля библиотечного дела в России, которые были определены в отечественном законодательстве в Федеральном законе "О библиотечном деле" в 1994 г.

В целях реализации Федерального закона "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации" было издано Постановление Правительства Российской Федерации от 7 декабря 1996 г. "О мерах по обеспечению беспрепятственного доступа инвалидов к информации и объектам социальной инфраструктуры". В нем предусматривается выделение необходимых средств на поддержку периодических изданий для инвалидов, а также предлагается принятие ряда мер по укреплению материально-технической базы редакций, издательств и предприятий полиграфии, выпускающих специальную литературу для инвалидов. В постановлении говорится о финансовом обеспечении выпуска научной, учебно-методической, справочно-информационной и художественной литературы (включая литературу, записанную на магнитофонную ленту и изданную с использованием рельефно-точечного шрифта Брайля).

Новые информационные технологии обеспечивают большую независимость читателям, которые лишены возможности читать стандартный печатный текст в связи с дефектами зрения. Специализированные библиотеки для слепых в настоящее время обеспечивают читателей литературы разного вида: на бумажных носителях, на Брайле, на кассетах, компакт-дисках, дискетах. Такие библиотеки оснащены компьютерами со специальными дисководом и программами для считывания данных с лазерных компакт-дисков, программами обеспечения для монитора, такими, как регенерирующий дисплей Брайля, дающий возможность читать информацию на экране компьютера, или увеличитель для монитора, позволяющий различным образом менять величину и тип шрифта на экране, или же считывающим устройством, оборудованным синтезатором для воспроизведения информации с экрана компьютера при помощи голоса, станком Брайля или лазерным принтером для распечатывания материала шрифтом Брайля или крупным шрифтом.

В специализированных библиотеках для слепых имеются также оптические сканирующие устройства распознавания символов, которые снимают "картинку" с печатного текста, переносят ее в

компьютер, затем переводят изображение в текстовые знаки, которые могут быть прочитаны синтезатором речи или переведены в шрифт Брайля или крупный шрифт. Наличие компьютерного обеспечения в специализированных библиотеках позволяет использовать огромный информационный потенциал международной сети Интернет. Согласно законодательству, каждая государственная библиотека должна гарантировать свободное обращение к своим фондам всем гражданам, включая инвалидов по зрению. Для выявления лиц с ограниченными возможностями пользования библиотекой, проживающих в зоне ее обслуживания, библиотечные работники устанавливают контакты с управлениями социального обеспечения, с центрами социального обслуживания, социальной и профессиональной реабилитации инвалидов, с общественными организациями, занимающимися проблемами лиц с ограничениями в жизнедеятельности, их социальной поддержки – обществами Красного Креста, инвалидов (ВОИ, ВОС, ВОГ), советами ветеранов и др.

Особой трудностью в деятельности библиотечных работников является то, что не все инвалиды с готовностью пойдут навстречу библиотеке и станут ее абонентами, так как среди них есть люди, читательские вопросы которых удовлетворяются домашней библиотекой, подпиской на периодические издания, покупкой книг в киосках или же потребность в чтении у них вообще отсутствует.

Ярославской областной библиотеке для слепых в 2004 г. исполнилось 50 лет. За годы своей работы она обслужила тысячи читателей. Библиотека оказывает услуги только инвалидам по зрению, специалистам по тифлопедагогике и психологии, социальным работникам и социальным учреждениям, взаимодействующим с инвалидами, работникам школы-интерната для слепых детей в г. Гаврилов-Яме, а также сотрудникам детских садов, в которых открыты коррекционные группы для детей с ограничениями по зрению. В настоящее время библиотека обслуживает около двух тысяч читателей.

Филиал библиотеки открыт в г. Рыбинске, где работу с читателями осуществляет сотрудник областной библиотеки. В остальных районных центрах роль библиотекаря на общественных началах выполняет секретарь первичной местной организации ВОС, кото-

рый собирает заявки на литературу; востребованную литературу доставляет курьер из г. Ярославля.

Среди штатных сотрудников в библиотеке есть психолог, который проводит психологическое консультирование детей-инвалидов по зрению и их родителей. Он оказывает помощь в решении вопросов, связанных с проблемами в межличностном общении, в адаптации детей к школе и школьному социуму.

Огромное внимание библиотека уделяет работе с детьми-инвалидами по зрению. Так, для обучения их работе на компьютере и соответствующим программам еженедельно проводятся занятия сотрудниками библиотеки, где дети осваивают азы работы на компьютере через инновационные технологии, специально разработанные для этой категории детей.

Важную роль библиотека играет в процессе социально-педагогической реабилитации инвалидов-школьников, студентов и преподавателей вузов, обеспечивая их доступом к новейшей научной и учебно-методической литературе. Студенты и преподаватели ярославских вузов, имеющие серьезные ограничения по зрению, при помощи работников библиотеки могут получить интересующую их информацию на различных носителях, используя МБА и ресурсы Интернет.

Таким образом, специализированные библиотеки для слепых, а также их филиалы и государственные и муниципальные библиотеки являются важным звеном в осуществлении социальной реабилитации инвалидов, успешной их интеграции в социум, освоении, в частности, для инвалидов по зрению профессий интеллектуального труда: репетитор, переводчик, социальный работник, специалист по компьютерам и преподаватель вуза.

Именно библиотеки предоставляют возможность людям с особыми потребностями и ограничениями жизнедеятельности стать равноправными, активными и конкурентоспособными личностями в современных условиях жизни российского общества.

Т.С. Аконова, А.В. Соколов

Процесс становления института представительства в субъектах Российской Федерации

Современная модель института представительства, представляющая собой законодательный орган, в субъектах Российской Федерации начала формироваться с июня 1990 г. В это время были заложены основы законодательной базы для построения органов государственной власти по принципу разделения властей. 22 августа 1991 г. Президент подписал Указ № 75 «О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти РСФСР»¹, который ввел в действие систему власти, во многом сохранившуюся до 1996 г. Согласно ему исполнительно-распорядительные функции государственного управления в субъектах Федерации осуществлялись главами администраций, которые назначались Президентом с согласия соответствующего Совета. Была построена вертикаль, где органы исполнительной власти подчинялись главе администрации, а не региональному Совету.

И уже в октябре 1991 г. Верховный Совет России принимает закон «О выборах главы администрации»², который закрепляет реализацию принципа разделения властей в наиболее важном направлении – формировании органов исполнительной власти. Согласно закону выборы глав исполнительной власти должны были проводиться на основе равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Тенденция разделения представительных и исполнительных органов получила дальнейшее свое закрепление в законе «О некоторых вопросах правового регулирования деятельности краевых,

¹ «О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР»: Указ Президента РСФСР от 22 августа 1991 г. № 75 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 34. Ст. 1146.

² «О выборах главы администрации»: Закон РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1803-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 45.

областных Советов народных депутатов»³. В соответствии с законом региональные исполнительные органы были подчинены вышестоящим исполнительным органам.

В результате произошел окончательный отход от главенства региональных парламентов во взаимодействии региональных властных институтов. К 1993 г. в большинстве регионов России сложились системы институтов, в основном характеризовавшиеся относительным равновесием полномочий глав регионов и автономных законодательных органов в условиях схемы разделения властей, близкой к президентско-парламентской.

Сосуществование же системы Советов с «исполнительной вертикалью» оказалось непрочным, и кризис сентября-октября 1993 г., завершившийся насильственным роспуском представительных органов предопределил переход к полностью или частично подчиненным законодательным органам и увеличение полномочий региональных исполнительных органов власти в условиях сохранения практик «исполнительной вертикали».

Основанием для данных изменений послужили указы Президента России. Наиболее существенными трансформациями, введенными указами, в сравнении с предшествующими нормами, установленными законом «О краевом, областном Совете и краевой, областной администрации» (от 5 марта 1992 г.), являются следующие:

- резкое (в 4 – 15 раз) сокращение численности депутатского корпуса;
- значительное снижение доли депутатов, работающих на профессиональной основе; право на совмещение депутатской деятельности с работой в органах исполнительной власти;
- иерархическая численность исполнительной власти и неспособность ассамблей контролировать состав кабинетов;
- ограничение нормотворческих полномочий ассамблей;
- невозможность применения санкций ассамблеями к кабинетам и главам регионов⁴.

³ «О некоторых вопросах правового регулирования деятельности краевых, областных Советов народных депутатов»: Закон РСФСР от 10 октября 1990 года // Там же. 1990. № 30.

⁴ Гельман В.Я. Региональная власть в современной России // Полис. 1998. № 1. С. 97.

Таким образом, президентские указы 1993 г. обозначали переход от автономных к подчиненным региональным законодательным (представительным) органам и от смешанной модели разделения властей к президентской.

Значительное влияние на формирование регионального института представительства оказали выборы. В ходе первого электро-рального цикла 1993 – 1994 гг. по формированию региональных законодательных органов в региональные ассамблеи прошли в первую очередь чиновники и директора предприятий, составившие до 2/3 депутатского корпуса. А это снизило политическое влияние законодательной власти.

Вместе с тем Центр в лице Президента, закрепив мораторий на выборы глав регионов, предоставил им возможность свободно реформировать системы региональных политических институтов. На практике это повлекло за собой серьезную диверсификацию порядка формирования региональных законодательных (представительных) органов, их структуры и норм функционирования. Например, в ряде регионов была введена двухпалатная структура парламента, что объяснялось отчасти стремлением к внедрению атрибутов «настоящей» государственности, а отчасти – намерением ослабить новоизбранные законодательные органы. Верхние палаты в Карелии, Татарстане, Башкортостане и других регионах действовали на непостоянной основе и формировались по принципу представительства административных единиц. В результате спектр политических возможностей парламентов колебался от полной подчиненности в Калмыкии (1/3 депутатов ассамблеи избиралась по безальтернативному списку, выдвинутому главой региона) до автономии в Свердловской области (где сложилось устойчивое большинство, оппозиционное главе региона и в конечном итоге летом 1995 г. добившееся его смещения по результатам выборов)⁵. До половины региональных представительных органов если и не сумели добиться автономного статуса, то во всяком случае избежали прямого подчинения главам регионов. Немалую роль в этом сыграла преемственность состава законодательного органа, нередко достигавшая 50%.

⁵ Горфинкель И. Свердловская область // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1997. № 1. С. 67.

Основными причинами конфликтов между законодательной и исполнительной властями стали определение региональных бюджетов (Санкт-Петербург), формирование систем местного самоуправления (Волгоградская область), но главным образом – принятие Уставов и губернаторские выборы. Обладая хотя бы некоторой легитимностью (в отличие от значительной части назначенных глав регионов), парламенты не без основания претендовали на правовое закрепление контроля над исполнительным органом, а их председатели нередко являлись реальными претендентами на пост главы региона в случае выборов. Так, на губернаторских выборах 1995 – 1997 гг. победу одержали председатели парламентов Алтайского края, Владимирской, Воронежской, Калужской, Курганской, Свердловской, Тамбовской областей.

Однако в регионах сформировались в основном президентский и президентско-парламентский типы взаимодействия представительного и исполнительного органов. Этому способствовал и закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов субъектов Федерации» (1999 г.), который заблокировал возможность доминирования представительных органов путем закрепления парламентских режимов в тех субъектах, в которых они не существовали до его принятия. А если учесть, что по результатам референдума (2000 г.) в Удмуртии был введен пост избираемого населением Президента, то Дагестан остался единственным регионом, сохранившим парламентскую модель разделения властей. Указанный закон способствовал и усилению парламентов, так как закрепил минимальный уровень их полномочий, до этого не всегда соблюдавшийся в региональном законодательстве.

В 2004 г. были приняты изменения и дополнения к законам «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Эти нововведения следует рассматривать как значительный этап реформирования института представительства в субъектах. Законы кардинальным образом изменили процедуру замещения поста главы региона. Процедура всенародных выборов руководителя региона заменяется простым согласованием законо-

дательным органом субъекта Федерации безальтернативной кандидатуры, представленной Президентом России. Региональный парламент в течение 14 дней «оформляет решение» о наделении гражданина России соответствующими полномочиями. Решение принимается простым большинством голосов депутатов (в двухпалатном парламенте – большинством голосов каждой из палат).

В результате кардинально меняется соотношение региональных политических институтов. Высшее должностное лицо субъекта Федерации становится фактически назначаемым, в то время как представительный институт приобретает дополнительные полномочия по согласованию назначения высшего должностного лица. При этом предусматривается возможность роспуска Президентом регионального парламента.

Федеральным законом «Об общих принципах...» в редакции от 29 июля 2000 г. роспуск законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ допускался только на основании специального, принимаемого по конкретному случаю федерального закона. Основанием для внесения Президентом в Государственную Думу такого закона и его принятия могло стать только неисполнение региональным парламентом в 6-месячный срок судебного решения об устранении допущенного нарушения Конституции РФ или федерального закона. Теперь же представительный орган предполагается распускать указом Президента и не за нарушение Конституции, а за отказ в даче согласия на «оформление решения о назначении», т. е. за наличие у депутатов своего мнения по кадровому вопросу.

Таким образом, можно выделить несколько этапов трансформации института представительства в субъектах Федерации: 1) июнь 1990 г. – октябрь 1993 г.; 2) октябрь 1993 г. – 1999 г.; 3) 2000 г. – лето 2004 г. Началом четвертого этапа трансформации можно считать инициативы Президента страны, передоложенные на расширенном заседании Правительства в сентябре 2004 г. и связанные с изменением процедуры замещения должности главы региона. В результате реализации данных нововведений в России будет восстановлена исполнительная вертикаль, практически идентичная вертикали начала 1990-х гг.

В.В. Томашов

Экзистенциальная антропология США и современный цивилизационный кризис

Почти сорок лет назад известный американский пропагандист и популяризатор идей европейского экзистенциализма в США Уильям Барретт так определил суть этого направления: «Экзистенциалистская философия – ... продукт буржуазного общества в состоянии распада. Марксисты установили это... Распад – это факт, но не экзистенциализм и не модернистское искусство породили его»¹.

Сегодня, в ситуации эйфории от стремительного процесса деидеологизации индивидуального и общественного сознания, подобная оценка звучит чересчур жестко и даже несколько архаично. Тем более удивительно, что принадлежит она, в общем-то, совсем не радикальному западному либеральному интеллигенту. И все же, если отбросить (применительно к «буржуазному» обществу) мрачно-финалистский диагноз «распад», вряд ли придется подвергать сомнению суть этой давно традиционной оценки экзистенциализма как явления западной духовной культуры XX в.

Несомненно, не экзистенциализм породил «болезнь» (назовем это так) человека и современного общества. Это – во-первых. А во-вторых, болезнь эта, как выяснилось, носит глобальный характер. Ее название – «экзистенциальное отчуждение», а симптомы – не-свобода и безответственность псевдосоциализированного (а по сути, одинокого) индивида.

Если взять шире, рассуждая не в индивидуально-антропологическом, а в социально-философском контексте, то это цивилизационный кризис, вызванный несовершенством (а в чем-то и порочностью: негуманностью, безнравственностью) самой парадигмы духовной культуры, на основе которой цивилизация развивается, по крайней мере, последние три века.

Когда-то, в середине прошлого столетия, когда теоретики экзистенциализма, эти "свежеиспеченные" европейские классики,

¹ Barrett W. Irrational Man. A study in existential philosophy. N.Y., 1958. P. 30.

были в большой моде, экзистенциалистское "предупреждение" казалось смелым и весьма актуальным. Оно действительно по праву воспринималось как гуманистический всплеск, призыв. Тогда Сартр имел все права назвать свой памфлет «Экзистенциализм – это гуманизм».

Но уже к концу 1950-х – началу 1960-х гг. стало ясно, что глубоких и, самое главное, новых философских идей этот культурный феномен не принес.

Тогда, чтобы поддержать свою жизненность, он стал «опрокидываться» на проверенную философскую почву: теологии, персонализма, рационализма, «критического реализма», прагматизма и т.п. Это вскоре привело к явному расширению предметных рамок традиционных философских школ и направлений: приняв «философию существования» в свои «объятия», они в сильной степени экзистенциализировались, т. е. обратились к более внимательному и, как ни странно, более конкретному анализу человеческого бытия, понимаемого как «напряженная экзистенция».

Так рождалась экзистенциальная антропология с ее пристальным интересом к человеку, от рождения «заброшенному» в онтологизированный мир выбора, свободы, ответственности, страха, тревоги, заботы и т.п.

После того как этот процесс начался в Европе, американским преемникам экзистенциальной культуры пришлось по необходимости учесть достаточно широкий философско-методологический диапазон импортируемого духовного продукта.

Что касается форм рефлексивной лексики, то этот диапазон всегда был исключительно широк: от традиционного «трактатного» теоретизирования – до эссеистики, новеллистики, драматургии и кинематографа.

Конечно же, общая прагматическая направленность американской духовной культуры, ее своеобразная менеджерская функция существенно повлияли на характер восприятия и содержательной трансформации экзистенциального философствования.

В США экзистенциальная философия приобрела ярко выраженный прикладной характер. Эта тенденция, наиболее отчетливо реализовавшаяся в экзистенциальной психиатрии, экзистенциальной драматургии и беллетристике, нашла отражение и в явном смещении философствования из онтологической или чисто антро-

пологической области в более конкретные сферы философской рефлексии: этику, эстетику, социальную философию, политологию, литературу.

Однако, проявив значительную подвижность и способность к модернизации, широко реализовав свои аппликативные возможности, экзистенциальная антропология в Америке в решении конкретных проблем впала в «порочный круг» противоречивости, явного несовмещения исходных намерений и постулируемых ею выводов. Сказалась слабость ее теоретико-методологической базы.

С одной стороны, ее представители предлагают «лечить» болезнь отчуждения-несвободы поисками смысла существования человека и в этом видят его «величайшее призвание» на пороге второго и третьего тысячелетий².

Но, с другой стороны, они же, понимая истинность выбора как реализацию «индивидуальных проектов», как абсолютно индетерминированную «духовную рефлексию» (а если и детерминированную, то только «изнутри»), теоретически изолируют человека от общества, а стало быть, утверждают его в его же тотальном атомарном отчуждении.

Неудивительно, что за пределами характерной формулы: «сущность бытия – в отчужденном существовании» остаются общественное самоопределение, свободный выбор профессии, работы, друзей, наконец, самого образа жизни.

Нельзя не отметить, что господствующая объективная тенденция “выдавливания” человека из социальных структур, естественно, осуществляется под традиционным флагом гуманизации, спасения целостности субъекта, сохранения его собственного уникального “Я”. В какой-то степени именно ради камуфляжа издержек этого процесса и создаются многочисленные концепции индивидуализма, в том числе оперирующие и понятиями свободы выбора и ответственности. Иначе говоря, объективная индивидуализация (далеко не всегда совпадающая с творческой самоактуализацией человека) находит субъективные (идеологические) формы своего объяснения и оправдания.

Как отмечает профессор социологии Стэнфордского университета Джон Мейер, «западная культурная идеология нуждается в действительном индивидуализме как своей основе, и в то же время

² Murchland B. The age of alienation. N.Y., 1971. P. 4.

она требует, чтобы постоянно менялись концепции индивидуализма. Таким образом, реконструкция индивидуализма (на уровне общественного бытия и на уровне теоретико-философского его обоснования. – *В.Т.*) – это перманентный процесс»³.

Зафиксированная американским социологом ситуация объясняет, между прочим, живучесть в США экзистенциального (а точнее – экзистенциалистского) философствования. Сколько раз историки современного экзистенциализма и его критики теоретически объявляли о его смерти. Но этот тип мышления (кстати, не такой уж новый в философии, если учесть «предтеч» экзистенциализма) оказывается постоянно востребованным объективным ходом развития цивилизации и положением человека в современном обществе.

Для США такая ситуация весьма показательна и, так сказать, естественна, поскольку здесь индивидуалистический национальный стереотип образа жизни давно стал чуть ли не «категорическим императивом».

На фоне такой жизненной реалии, которую могла бы опровергнуть лишь сама жизнь, но никак не пропаганда, по меньшей мере романтически выглядят никак не «зацепляющиеся» за действительность (стереотипизированную общественным мнением и господствующей «свободной» идеологией) теоретические постулаты антропологов 1980-х гг. типа: «Личная свобода требует, чтобы каждый индивид имел осознанную им сферу своего бытия, в которой принимается во внимание только свое предпочтение, и оно определяет также выбор социальной сферы»⁴.

Свобода как теоретический принцип, возможно, и требует осознанного выбора социальной сферы. Но сама эта социальная сфера никак не способствует свободе такого выбора.

Несомненно, обозначенное противоречие между несвободным бытием безответственного (или малоответственного) человека и экзистенциальной устремленностью к свободе глобально, общечеловечно. Оно, как уже было сказано, симптом общей болезни. А формы ее социально-исторического проявления конкретны.

³ Meyer J. Myths of socialization and of personality // *Reconstructing Individualism. Autonomy, Individuality, and the Self in Western thought* / Ed. by T. Heller. Stanford, 1986.

⁴ Sen A. Liberty and social choice // *The Journal of philosophy*. 1983. Vol. 80. № 1. P. 7.

В России периода постперестроечного исторического выбора – своя «ситуация воли». В такой, самой что ни на есть экзистенциальной ситуации «социальное пространство не структурировано. В нем, как шары в барабане, вращаются самозванцы со своими идеями, наскакивают друг на друга, отскакивают друг от друга. Шум, грохот до тех пор, пока не появится суперсамозванец, который встряхнет всех и выстроит по ранжиру... Поэтому нынешний дрейф российского общества к политическому авторитаризму неизбежен, как восход солнца завтра. Следует только помнить, что нигде и никогда переход к демократии *не предшествовал* (выделено мною. – В.Т.) переходу к рыночной экономике, которой необходима политическая стабильность. Но зато весь исторический опыт свидетельствует о том, что по мере становления и созревания рыночной экономики в обществе устанавливается адекватный ей демократический строй»⁵.

Может быть, вышеприведенная характеристика переживаемого нами исторического момента кому-то может показаться спорной. Не в этом суть. А в том, что вся история Отечества как бы соткана из подобных «ситуаций воли», чаще всего – драматических, а нередко и трагических. «Ситуация» же «свободы», «ответственности» всегда «брезжит», всегда впереди. И, как мы выяснили, не только для нашего социума – для всего человечества.

Что же касается экзистенциальной философии, то она все же теоретически прозревает «ситуацию свободы» не столько в будущем политики или экономики, сколько в будущем сегодняшнего человека, в его духовно-нравственном потенциале, который следует пробудить. И в этом экзистенциальная рефлексия проявляет (хотя бы в виде тенденции) свою несомненную гуманистическую значимость, тем более что марксистская антропологическая альтернатива так и не смогла реализовать наметившийся было в раннем марксизме острый интерес к человеческой субъективности.

⁵ Тульчинский Г.Л. Российский потенциал свободы // Вопросы философии. 1997. № 3. С. 20.

Мотивация в структуре человеческого капитала

В эпоху научно-технической революции и преобразований в структуре производительных сил фактором экономического роста становится непосредственно сам работник. Эффективность использования основных ресурсов все больше зависит от того, насколько работники морально и материально заинтересованы в достижении высоких конечных результатов.

Структурные изменения в совокупной рабочей силе, интерес к факторам экономического роста и экономической динамике явились причиной возникновения и развития теории человеческого капитала.

На стадии зарождения капитализма базовым для развития производства было понятие "рабочая сила", или способность к труду, "совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости" ¹.

Человеческий капитал понимается шире, чем труд, включая и количество, и качество. Согласно Г. Беккеру, «человеческий капитал» состоит из трех компонентов: здоровья, знаний и мастерства, мотивации. Эти три компонента полностью отличаются от материальных форм богатства. Человеческий капитал – это форма выражения производительных сил человека на постиндустриальной стадии развития общества с социально ориентированной экономической рыночного типа ². По мнению Т. Стоуньер, человеческий капитал – важнейший ресурс постиндустриального общества. Техника, создающая богатства, приходит в жизнь через технологические знания и организационные усовершенствования. И только опытная квалифицированная рабочая сила способна управлять высокотехнологическим процессом.

¹ Маркс К. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 178.

² Добрынин А.И., Дятлов С.А., Цыренова Е.Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. СПб., 1999. С. 42.

Принимая во внимание нематериальный характер и многомерность человеческого капитала, различные авторы свободно формулируют понятие человеческого капитала и делают неоднозначный упор на его отдельные составные элементы: одни склонны акцентировать внимание на функциональной стороне человеческого капитала, т. е. на его способности приносить доход, другие дают его сущностную характеристику как форму личного фактора производства³. Практически во всех определениях после 60-х гг. в XX в. соблюдается принцип расширительной трактовки человеческого капитала: не только реализуемые знания, навыки и способности, но и потенциальные (в том числе и возможность их приобретения); не только внешнее стимулирование, но и внутренняя мотивация работника, что, в сущности, не меняет экономического содержания человеческого капитала.

Человеческий капитал, являясь частью совокупного капитала, представляет собой сочетание составляющих его элементов, т. е. имеет свою внутреннюю структуру.

Большинство экономистов формируют структуру человеческого капитала по затратному принципу, на основании различных видов инвестиций в человеческий капитал.

И.В. Ильинский выделяет вследствие этого ряд составляющих: капитал образования, капитал здоровья и капитал культуры⁴. Ф. Нойманн к основным составляющим человеческого капитала относит комбинацию следующих четырех компонентов: культурно-этнические особенности; общее образование; профессиональное образование; ключевые квалификационные качества⁵. В.Е. Ванкевич выделяет образование и профессиональную подготовку, информированность; физиологические характеристики личности и состояние здоровья; профессиональную и географическую мобильность; психологические характеристики личности, движущие потребности, мотивацию, ценности⁶.

³ Человеческий капитал как фактор европейской экономической интеграции. <http://beljournal.by.ru>.

⁴ Ильинский И. В. Инвестиции в будущее: образование в инновационном производстве. СПб., 1996. С. 30.

⁵ Нойманн Ф. Методика экономической оценки человеческого капитала. <http://beljournal.by.ru>.

⁶ Ванкевич В.Е. Экономические отношения занятости: закономерности развития и регулирования. Минск, 2000. С. 15.

Таким образом, в понятие «человеческий капитал» включается приобретенный запас знаний, умений, навыков. При этом необходимо учитывать ряд принципов:

– что этот запас целесообразно использовать в той или иной сфере общественной деятельности, и это способствует росту производительности труда и производства;

– что использование данного запаса приводит к росту зарплат (доходов) данного работника в будущем путем отказа от части текущего потребления;

– что увеличение доходов способствует заинтересованности работника, и это приводит к дальнейшему инвестированию в «человеческий капитал»;

– что человеческие способности, дарования, знания и т.д. являются неотъемлемой частью каждого человека;

– мотивация является необходимым элементом для того, чтобы процесс воспроизводства (формирование, накопление, использование) человеческого капитала носил полностью заверченный характер.

Наряду со способностью к работе (здоровьем и квалификацией) структура человеческого капитала любого работника предполагает и наличие мотивации.

В настоящее время мотивация как явление трактуется по-разному:

1) как совокупность факторов, поддерживающих и направляющих, т. е. определяющих поведение;

2) как механизм, определяющий возникновение, направление и способы осуществления конкретных форм деятельности;

3) как побуждение, вызывающее активность организма и определяющее ее направленность.

В связи с этим как компонент инвестиций в человеческий капитал необходимо рассматривать и затраты, связанные с мотивацией работника к повышению качества своего труда. Мотивацию в данном случае стоит понимать не как систему неких стимулов, которые применяет работодатель для повышения производственной результативности.

Механизм управления персоналом как капитальным ресурсом предполагает другое определение мотивации – движущая сила, присутствующая внутри индивида, побуждающая его к активности,

направленной на удовлетворение потребностей или оправдание каких-либо ожиданий. Не стоит понимать момент подталкивания и стимулирования такой движущей силы только как элемент внутренней, душевной и интеллектуальной мотивации. Она, как и всякая другая, также взаимосвязана и с материальным поощрением. Фиксированная часть заработной платы (как и социальный пакет) – базовые элементы, т. е. гигиенические факторы (по Герцбергу). Но значимость их состоит в том, что без них не работают все остальные стимулы. Результаты зарубежных исследований свидетельствуют о возрастании важности внутренних стимулов (возможность самореализации, удовлетворенность делом, которым занимается работник, ощущение собственного успеха и т.д.) в сравнении с внешними, особенно для высококвалифицированного персонала. В этой связи значительная часть работы с персоналом в компаниях сегодня основана на косвенном воздействии на внутренние стимулы (проектирование рабочих мест, возможность обучения, а также участие в принятии решений и социальная среда на рабочем месте).

П.Г. Уткин

Специфика молодежной субкультуры современного российского общества

Под культурой понимаются убеждения, ценности и выразительные средства, которые являются общими для какой-то группы людей и служат для упорядочения опыта и регулирования поведения членов этой группы. Воспроизводство и передача культуры последующим поколениям лежат в основе процесса социализации – усвоения ценностей, верований, норм, правил и идеалов предшествующих поколений.

Система норм и ценностей, отличающих группу от большинства обществ, называется субкультурой. Она формируется под влиянием таких факторов, как возраст, этническое происхождение, религия, социальная группа или местожительство. Ценности суб-

культуры не означают отказа от национальной культуры, принятой большинством, они обнаруживают лишь некоторые отклонения от нее. Однако большинство, как правило, относится к субкультуре с неодобрением или недоверием.

Под молодежной субкультурой понимается культура определенного молодого поколения, обладающего общностью стиля жизни, поведения, групповых норм, ценностей и стереотипов.

Субкультура молодежи формируется под непосредственным воздействием культуры "взрослых" и обусловлена ею даже в своих контркультурных проявлениях. Формальная молодежная культура базируется на ценностях массовой культуры, целях государственной социальной политики и официальной идеологии. Рассмотрим их состояние и роль в формировании мировоззрения молодежи, выделив следующие специфические черты российской молодежной субкультуры.

Наряду с коммуникативной (общение с друзьями, досуг) она выполняет в основном рекреативную функцию (около одной трети старшеклассников отмечают, что их любимое занятие на досуге – "ничего неделание"), в то время как познавательная, креативная и эвристическая функции не реализуются вовсе или реализуются недостаточно. Рекреативные досуговые ориентации подкрепляются основным содержанием теле- и радиовещания, распространяющим ценности преимущественно массовой культуры.

Ценности национальной культуры, как классической, так и народной, уже много лет вытесняются схематизированными стереотипами – образцами массовой культуры, ориентированными на внедрение ценностей "американского образа жизни" в его примитивном и облегченном варианте. Любимыми героями и в определенной степени образцами для подражания становятся, по данным опроса, для девушек – героини "мыльных опер" и бульварных романов о любви, а для юношей – непобедимые супергерои триллеров. В реальной жизни все это проявляется в таких чертах, как прагматизм, жестокость, неумеренное стремление к материальным благам ("вещизм") и т.д.

Выбор тех или иных ценностей молодежи связан чаще всего с групповыми стереотипами ("принцип селедки в бочке") достаточно жесткого характера. Групповые стереотипы и престижная иерархия ценностей обусловлены половой принадлежностью, уровнем обра-

зования, в определенной мере местожительством и национальностью, однако в любом случае их суть одна: культурный конформизм в рамках неформальной группы общения и неприятие других ценностей и стереотипов – от более мягкого в среде студенческой молодежи до более агрессивного в среде учащихся средней школы. Крайним направлением этой тенденции молодежной субкультуры являются так называемые "команды" с жесткой регламентацией ролей и статусов их членов.

Данные исследования показывают, что досуговая самореализация молодежи осуществляется, как правило, вне учреждений культуры и относительно заметно обусловлена воздействием одного лишь телевидения – наиболее влиятельного институционального источника не только эстетического, но и в целом социализирующего воздействия.

Народная культура (традиции, обычаи, фольклор и т.п.) большинством молодых людей воспринимается как анахронизм. Попытки внесения этнокультурного содержания в процесс социализации в большинстве случаев ограничивается пропагандой древнерусских обычаев и православия.

В наше время молодежь быстро продвинулась в овладении новыми стереотипами, молодые люди свободны от тоталитарного страха. Как правило, они рассматривают свободу не в соответствии с необходимостью, а в "связке" с принуждением и насилием. Невмешательство государства в частную жизнь человека молодежь считает важнейшим признаком свободы. Молодые люди признают демократическую форму правления, учитывая даже негативные стороны современного социального развития общества.

Усугубляется и межпоколенческое отчуждение, включающее широкий спектр неприятия – от разрушения внутрисемейных контактов (по критериям взаимопонимания и взаимного доверия) до противопоставления «нас» (как ценностного, так и деятельностного) всем предшествующим, «советским» поколениям.

Наблюдается тенденция к дегуманизации и деморализации в содержании искусства, что проявляется прежде всего в принижении, деформации и разрушении образа человека. В частности, это фиксируется в эскалации сцен и эпизодов насилия и секса, в усилении их жестокости, натуралистичности (кинематограф, театр, музыка, литература, изобразительное искусство), что противоречит

законам человеческой нравственности и оказывает негативное воздействие на молодежную (в частности) аудиторию. Это воздействие подтверждается многочисленными исследованиями.

Большинство российских студентов современный этап развития общества определяют как кризисный. Отрицательные оценки кризиса сопровождались обозначением спада в экономике, анархией в социальной структуре, судорожными действиями в политике и свободой в нравах. Некоторые представители молодежи утверждают, что развал преобладает во всем, «начиная с души и кончая экономикой». Отмечается ожесточение людей из-за отсутствия возможности удовлетворить свои основные потребности. Меняются отношения в кругу родственников, идет более осторожное планирование семьи.

Возникновение такой субкультуры обусловлено целым рядом причин, среди которых наиболее значимыми представляются следующие.

1. Молодежь живет в общем социальном и культурном пространстве, и поэтому кризис общества и его основных институтов не мог не отразиться на содержании и направленности молодежной субкультуры. Именно поэтому не бесспорна разработка специально молодежной субкультуры, за исключением социально-адаптационных или профориентационных программ. Любые усилия по коррекции процесса социализации неизбежно будут наталкиваться на состояние всех социальных институтов российского общества и прежде всего системы образования, учреждений культуры и средств массовой информации. Каково общество – такова молодежь.

2. Кризис института семьи и семейного воспитания, подавление индивидуальности и инициативности ребенка, подростка, молодого человека как со стороны родителей, так и педагогов, всех представителей «взрослого» мира не может не привести, с одной стороны, к социальному и культурному инфантилизму, а с другой – к прагматизму и социальной неадаптированности и к проявлениям противоправного или экстремистского характера. Агрессивный стиль воспитания порождает агрессивную молодежь, самими взрослыми приготовленную к межпоколенческому отчуждению, когда выросшие дети не могут простить ни воспитателям, ни обществу в целом ориентации на послушных, безынициативных ис-

полнителей в ущерб самостоятельности, инициативности, независимости, лишь направляемых в русло социальных ожиданий, а не подавляемых агентами социализации.

3. Коммерциализация средств массовой информации, в какой-то мере и всей художественной культуры, формирует определенный «образ» субкультуры не в меньшей степени, чем основные агенты социализации – семья и система образования. Ведь именно просмотр телепередач наряду с общением – наиболее распространенные виды досуговой самореализации. Во многих своих чертах молодежная субкультура просто повторяет телевизионную субкультуру, которая лепит под себя удобного (читай: выгодного) зрителя.

Таким образом, молодежная субкультура есть искаженное зеркало взрослого мира вещей, отношений и ценностей. Рассчитывать на эффективную культурную самореализацию молодого поколения в больном обществе (а общество, бесспорно, больно) не приходится, тем более что и культурный уровень других возрастных и социально-демографических групп населения России также постоянно снижается, что еще более усугубляет проблему.

А.Е. Чистяков

Актуальные вопросы трактовки налога и его признаков

В современной литературе налог понимается как принудительно изымаемые государством или местными властями средства с физических и юридических лиц, необходимые для осуществления государством своих функций¹.

В.Г. Пансков дополняет данное определение еще двумя признаками: безвозмездность (означающая, что налоги изымаются у налогоплательщика государством без каких-либо конкретных обя-

¹ Экономическая теория / Под ред. В.И. Видяпина. М., 2002.

зательств перед ним) и индивидуальность². С первым принципом, на мой взгляд, нельзя согласиться, так как практика налогообложения (наличие социальных налогов) и теория получаемых выгод говорят об обратном. В то же время в отличие от покупки у государства каких-то благ при уплате налога плательщик получает, как правило, неэквивалентный объем услуг. Связано это с тем, что налог распадается на финансирование услуг общественного сектора и перераспределяемую часть, поэтому зачастую налогоплательщик уплачивает либо большую сумму, чем получает, либо сам становится получателем трансфертов. Зачастую в современной практике существуют налоги, индивидуальная возмездность которых установлена законодательно (накопительная часть ЕСН). Отсюда вытекает вывод, что характеристику налога как “индивидуально безвозмездный платеж” необходимо заменить на “возмездный, безэквивалентный платеж”.

Упоминание “индивидуальной безвозмездности” несет скорее извинительную нагрузку, оставшуюся “от возмездности – возвратности” советских налогов³. Вместе с тем присутствует довольно расширенная трактовка налогов: любые виды обязательных платежей государству и его институтам⁴. Представляется, что сюда могут входить и штрафы, которые нельзя причислить к налогам.

Современная практика, на мой взгляд, вносит коррективы в определение налога, прежде всего в платеж, уплачиваемый государству. Например, накопительная часть ЕСН может быть уменьшена на накопительную часть, уплачиваемую в негосударственные пенсионные фонды. Таким образом, средства, уплачиваемые частным структурам, можно причислить к налогам (сюда можно отнести также обязательное автострахование, установленное государством, но уплачиваемое негосударственным компаниям). Но даже в случае если деньги собирает государство, оно расходует их на оплату частным компаниям, т. е. выступает посредником. Поэтому, если налогоплательщики будут переводить налоги не на счета казначейств, а непосредственно на счета компаний по указанию государства, суть от этого не изменится. И современное налогообло-

² Пансков В.Г. Налоги и налогообложение в Российской Федерации. М., 2002.

³ Горский И. О признаках налога в Налоговом кодексе Российской Федерации // Финансы 2004. № 9.

⁴ Экономическая теория / Под ред. И.П. Николаевой. М., 2001.

жение идет именно по этому пути с целью повысить мотивацию налогоплательщиков и перевести чистые общественные блага в разряд частных. В связи с этим в определение налога необходимо внести корректировку: это платеж, установленный государством и уплачиваемый как государственным институтам, так и частным структурам.

Вопрос о функциях налогов и налоговой системы, несмотря на устоявшиеся подходы, носит противоречивый характер. В большинстве изданий выделяют две основные функции налогов: фискальную и регулируемую⁵. Регулирующая функция может при этом, как правило, подразделяться на регулирование экономики и регулирование социальных процессов. В рамках этой же функции можно выделить и регулирование других процессов: в частности, корректировку отрицательных внешних эффектов с помощью налогов Пигу⁶. Зачастую под регулирующей функцией понимается только регулирование экономики. Социальная же представлена третьей функцией⁷. Здесь необходимо отметить, что налоги могут регулировать и другие процессы, а также то, что регулирование экономики неизменно предполагает регулирование и социальных процессов и наоборот. В дополнение к вышеперечисленным функциям выделяют контрольную функцию. Механизм этой функции проявляется, с одной стороны, в проверке эффективности хозяйствования и, с другой стороны, в контроле за действенностью проводимой экономической политики государства⁸.

В Налоговом кодексе РФ, устанавливающем законодательное определение налога, не указано, куда поступают налоги, что является более важной характеристикой налогов, чем указание, для чего они взимаются. По мнению ряда авторов, причины, обуславливающие его взимание, нарушают принцип разделения налоговых и бюджетных отношений. Хотя налоговые и бюджетные отношения входят составными частями в структуру финансовых отношений, тем не менее их отличает направленность движения денежных средств. Налоговые отношения подразумевают направленность денежных средств в бюджет, тогда как бюджетные отношения в ос-

⁵ Экономическая теория / Под ред. И.П. Николаевой. М., 2001.

⁶ Мэнкью Г. Принципы экономикс. СПб., 2003.

⁷ Макроэкономика. Теория и российская практика / Под ред. А.Г. Грязновой, Н.Н. Думной. 2004.

⁸ Пансков В.Г. Указ. соч.

новном сконцентрированы на целевом расходовании из бюджета поступивших налоговых и неналоговых доходов⁹.

Данный подход является весьма односторонним, так как без указания на то, куда и зачем поступает налог, невозможно определить его смысл, размер и принцип взимания. Прежде всего, это относится к специальным налогам. Без указания, на что идет платеж, сам налог теряет смысл (например, платежи в накопительную часть пенсии).

Наиболее интересный и спорный из принципов налогообложения – принцип справедливости. Этот принцип, на мой взгляд, должен быть дополнен рядом соответствующих моментов. Прежде всего, необходимо указывать, что одинаковые налоги должны уплачивать налогоплательщики, находящиеся в одинаковом экономическом положении, а не только имеющие одинаковый уровень дохода. Важна сама возможность получения дохода. Но наиболее важным является понятие справедливости. Уплата налогов может производиться в соответствии с принципом получаемой выгоды, тогда справедливым будет считаться уплата только за себя в рамках Парето-улучшений (покупка общественных благ только для себя). В данном случае имеет место принудительное распределение, в то время как перераспределение (уплата за других) будет несправедливым. Данный принцип должен относиться прежде всего к специализированным налогам (транспортный, социальные налоги). Обязанность уплаты сверх полученных благ нарушает смысл данного налога (например, обязательное автострахование весьма похоже на налог, но при этом никто не обязывает состоятельных автовладельцев уплачивать страховку сверх необходимого для себя в пользу других автовладельцев). В литературе указывалось, что в отличие от налогов не разработаны принципы обязательных страховых платежей¹⁰. Как мне представляется, страховые платежи имеют одинаковую налоговую природу со специализированными налогами и поэтому в отношении них должен действовать принцип уплаты пропорционально полученной выгоде, т. е. перераспределение должно отсутствовать (либо быть сведено к минимуму).

⁹ Березин М. Ю. Состав и экономическое содержание функций налогов // Финансы и кредит. 2003. № 19.

¹⁰ Игнатов А. В. Пенсионный оборотный налог // ЭКО. 2002. № 11.

М.С. Чудакова

**«Я, нижеподписавшийся,
даю честное слово...»
(жандармские чины после февраля 1917 г.)**

В условиях революционного подъема Временное правительство осознавало необходимость упразднения старого полицейского аппарата. 15 июня 1917 г. постановлением Временного правительства на базе «Комиссии по разбору дел бывшего Департамента полиции» создается «Особая комиссия по обследованию деятельности бывшего Департамента полиции и подведомственных ему учреждений (районных охранных отделений, охранных отделений, жандармских управлений и розыскных пунктов)». Рамки ее деятельности были существенно расширены. В постановлении Временного правительства четко определялись задачи «Особой комиссии...». Они заключались в исследовании всех дел, имеющих отношение к политическому розыску в архивах Департамента полиции и подведомственных ему учреждений. Комиссия должна была поддерживать связь с исполнительными комитетами и комиссиями, работающими на местах. В случае отсутствия таковых комиссия принимала меры к охране и разработке местных архивов. Она имела право обращаться за получением соответствующих материалов и сведений ко всем правительственным и общественным учреждениям. Комиссия должна была отвечать на запросы, относящиеся к политическому розыску, если таковые исходили из правительственных органов и общественных учреждений. Основными направлениями Особой комиссии являлись: 1) выяснение состава секретной агентуры розыскных органов империи; 2) розыск документов, их подбор для Чрезвычайной следственной комиссии. Материалы Департамента полиции передавались в ведение Министерства юстиции. В регионах контроль над деятельностью комиссий осуществляли должностные лица, подотчетные Министерству юстиции.

Одним из направлений деятельности местных исполкомов и созданных при них комиссий являлось выявление и задержание

бывших жандармских офицеров, а также разоружение полиции. Нерехтский временный исполнительный народно-революционный комитет сообщал в Губернский комитет общественной безопасности следующее: «Разоружение полиции проведено почти повсеместно в уезде, отчасти самим народом, частью же с согласия самой полиции». «В настоящее время комитетом арестованы и представлены в городскую тюрьму Нерехтский уездный исправник М.М. Кулябко, помощник исправника Н.С. Ошанин, пристав г. Нерехты Н.А. Красовский» и еще 6 человек. Аресты, по свидетельству комитета, были вызваны тем, что «исправник позволял себе отзывать о настоящем торжестве народа как о недолговременном». Временное исполнение обязанностей исправника было возложено на члена Комитета Муравьева. Согласно приказу Командующего войсками Московского военного округа подполковника Грузинова, было разослано «распоряжение о домашнем аресте и регистрации всех жандармских офицеров по Москве и по всем железным дорогам и городам, прилегающим к железным дорогам Московского военного округа...». Исполнение возлагалось на «комендантов железнодорожных станций при содействии в городах комиссаров и представителей новой власти». Каждый из офицеров должен был дать обязательство следующего содержания: «Я, нижеподписавшийся, даю честное слово, что вполне подчиняюсь Временному правительству и с моей стороны не последует никаких попыток к подрыву престижа и власти существующего ныне государственного строя и буду находиться под домашним арестом впредь до получения по сему распоряжений от Штаба Московского гарнизона». Домашнему и тюремному аресту подверглись чины жандармского и полицейского управлений в Костроме. «Согласно постановлению Костромского Объединенного Комитета от 3 марта 1917 г., мы не имеем права показываться на улицах города Костромы. Ввиду изложенного и, принимая во внимание все обстоятельства настоящего события, (мы), нижеподписавшиеся унтер-офицеры местного ЖУ, признаем вновь образовавшееся правительство и подчиняемся всем требованиям такового», – отмечали они. Особо подчеркивалось, что признание это ими «было высказано бывшему Начальнику ЖУ полковнику Семигановскому». Авторы заявления сомневались, «переданы ли последним эти заявления Костромскому Объединенному Комитету общественной безопасности», и потому

доводили их до сведения представителей вышеназванного комитета. 5 марта 1917 г. с заявлением в Объединенный Комитет обратился бывший Начальник КГЖУ полковник Семигановский. Он свидетельствовал: «С чистым сердцем и спокойной душой исполню просьбу Великого князя Михаила Александровича о безусловном подчинении Временному правительству...».

О присоединении к «общему народному движению» заявили чины наружной полиции г. Костромы, которые отметили, что «разделяют его (народа. – М.Ч.) стремление к обновлению строя». В своем письме они обращаются к заведующему полицией г. Костромы, присяжному поверенному Н.А. Козлову. Многие из них были арестованы, когда явились в исполком для сдачи оружия. Некоторые из отпущенных домой «подверглись аресту впоследствии из своих квартир при помощи патрулей чинами народной милиции». В ночь с 4 на 5 марта арестованные были препровождены в тюрьму. Об отсутствии четкости и единого подхода к бывшим жандармам свидетельствует тот факт, что чины полиции, явившиеся непосредственно к заведующему народной милицией, были только обезоружены и не подверглись аресту. Более того, они получили удостоверения «о нечинении над ними никакого насилия». А некоторые даже были привлечены к работе в народной милиции. Изложив эти факты, арестованные чины наружной полиции обратились с просьбой «рассмотреть причины задержания и войти с представлением в Губернский комитет об освобождении». Прошение подписали 10 человек.

«Приверженцами обновленного строя» просили считать их содержащиеся в губернской тюрьме классные чины полиции. В прошении (подписали 16 человек), адресованном в Костромской ГИК, они заявили, что «готовы не за страх, а за совесть послужить обновленной Родине и народу». О переходе на сторону народа заявила команда Костромской конной полицейской стражи. Костромской губернский объединенный комитет общественной безопасности постановлением от 8 марта 1917 г. предложил «немедленно освободить всех содержащихся в тюрьме классных и нижних чинов городской и уездной полиции».

Весьма примечателен ход расследования деятельности бывших жандармских офицеров. Присяжным поверенным Н.А. Козлову и В.И. Постникову Костромским объединенным комитетом было

предложено ускорить производство дознания о степени виновности жандармского полковника Семигановского, ротмистров Архангельского и Парфенова. Козлов и Постников 24 марта доводили до сведения Комитета, что им «неизвестно, в каких пределах должна быть исследована деятельность этих лиц и какие определенные деяния вменяются им в вину». Уже 28 марта последовало распоряжение Объединенного комитета начальнику Костромской губернской тюрьмы: «Немедленно освободить содержащихся под стражей ... бывшего помощника Начальника ГЖУ ротмистра Архангельского и ротмистра Парфенова и об исполнении доложить». 22 апреля костромской уездный воинский начальник получил депешу от Объединенного комитета. В ней отмечалось следующее: «Ввиду отсутствия данных для привлечения к уголовной ответственности бывшего Начальника КГЖУ полковника Семигановского, Костромской Губернский Комитет общественной безопасности ... постановил передать полковника Семигановского в Ваше распоряжение». Далее Комитет доводил до сведения воинского начальника «о недопустимости полковника Семигановского на службу как во внутренних губерниях, так и на фронте».

В марте 1917 г. были допрошены ротмистры Парфенов и Архангельский. Полковник Семигановский был подвергнут этой процедуре следственной комиссией Костромского комитета 17 апреля 1917 г. Он показал, в частности, что Костромская губерния «не представляла особого интереса ввиду полного спокойствия. Только рабочее движение более или менее интересовало Департамент полиции, ввиду сосредоточения в губернии довольно крупных фабричных районов, как-то Кинешемский, Середской, Костромской». На допросе бывший Начальник КГЖУ назвал имена 18 секретных агентов, многие из которых впоследствии также были допрошены. 25 августа 1917 г. Костромской губернский комиссар Временного правительства Козлов издал постановление о заключении В.К. Семигановского под стражу и о передаче дела прокурору Костромского окружного суда.

Временное правительство не оставляло планов возрождения полиции. В составе МВД было образовано Временное управление по делам общественной полиции и по делам личной и имущественной безопасности граждан, переименованное лишь 15 июня в Главное управление по делам милиции и по обеспечению личной и

имущественной безопасности граждан. 15 марта 1917 г. Временное правительство предоставило губернским комиссарам право решать вопрос о приеме на службу в милицию «достойных из числа бывших чинов полиции и корпуса жандармов».

С.Д. Шокин

Россия, год 1993-й: этапы политического кризиса

После памятного VII съезда народных депутатов РФ (декабрь 1992 г.) казалось, что между законодательной и исполнительной властью наконец-то достигнут шаткий компромисс. Однако события первой половины 1993 г. быстро развеяли эту иллюзию. Весной политический кризис в стране вступил в новую фазу. Состоявшийся в начале марта VIII съезд народных депутатов аннулировал декабрьское соглашение, восстановив поправки к Конституции РФ¹, и принял ее 104-ю статью, суть которой можно выразить в трех словах: вся власть съезду. 12 марта Б. Ельцин демонстративно покинул зал заседания. Вслед за ним съезд покинула часть депутатов и членов правительства.

Вечером 20 марта Президент выступил по телевидению с Обращением к народу. Он сказал, что подписал Указ, согласно которому не имеют юридической силы решения органов и должностных лиц, направленные на отмену указов и постановлений исполнительной власти. Этим же Указом на 25 апреля назначался референдум по вопросу о доверии Президенту и по проекту новой Конституции РФ². Смысл Указа был ясен: если на референдуме граждане поддержат Президента и проект Конституции, то съезд и Верховный Совет РФ автоматически лишаются своих полномочий.

¹ Принятые VII съездом народных депутатов РФ поправки и дополнения к Конституции лишали Президента его полномочий по формированию Правительства и утверждали право съезда на отстранение Президента от должности.

² История современной России. 1985 – 1994. М., 1995. С. 178.

Собравшийся ночью 22 марта Конституционный Суд признал действия Президента незаконными. Возникла сложная с юридической точки зрения ситуация. В течение нескольких дней Суд и его Председатель В. Зорькин стали объектами ожесточенных нападок сторонников Президента и правительства. В. Зорькин был обвинен в грубейших нарушениях законности. Обвинения сводились к следующим пунктам: 1) не получив официального, подписанного Президентом текста Указа, Конституционный Суд принял дело к производству; 2) В. Зорькин до решения Суда позволил себе высказаться по этому делу в парламенте. На эти обвинения Председатель Конституционного Суда вполне резонно ответил, что обсуждался не Указ, а конституционность действий Президента.

Несмотря на сильное давление противоборствующих сторон, Суд выступил с инициативой их примирения. 24 и 25 марта состоялись встречи Б. Ельцина, Р. Хасбулатова и В. Зорькина, но обе они закончились неудачей. В конце марта собрался чрезвычайный IX съезд народных депутатов, который едва не привел к импичменту Президента, но для принятия этого решения не было набрано необходимых двух третей голосов. Съезд лишь пригрозил Б. Ельцину отстранением от должности и принял ряд новых постановлений, урезающих его полномочия. Вместе с тем, признав Обращение Президента недействительным, съезд санкционировал проведение 25 апреля всенародного референдума³. Вопросы в бюллетенях формулировались так:

- доверяете ли вы Президенту Ельцину?
- одобряете ли вы социальную политику, осуществляемую Президентом и правительством с 1993 г.?
- считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов Президента?
- считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов РФ?

В развернувшейся широкой пропагандистской кампании голоса оппозиции практически не были слышны. Находившиеся под контролем исполнительной власти средства массовой информации настраивали россиян на голосование по формуле «да, да, нет, да». На улицах городов расклеивались и раздавались листовки с указаниями, как и что нужно зачеркнуть в бюллетене и с призывами ти-

³ История современной России. 1985 – 1994. С. 178.

па: «Чтоб не попасть в ловушку хасбулатовского съезда, отвечайте "нет" лишь на третий вопрос»⁴. И все-таки итоги референдума нельзя было назвать однозначными. Всего в нем приняли участие около 64 % граждан. По первому и второму вопросам решения были приняты: «да» сказали более половины россиян, принявших участие в голосовании. По третьему и четвертому вопросам решения не состоялись, так как по ним проголосовало менее половины участвовавших в опросе. Таким образом, каждая из сторон имела основания истолковывать результаты референдума в свою пользу. Комментируя итоги всенародного волеизъявления, специалисты отмечали, что такая неопределенность ситуации – бомба, заложенная под политический процесс в стране, и что развязка конфликта – впереди.

Выступая по телевидению в связи с итогами референдума, Б. Ельцин в числе главных задач, наряду с продолжением решительной реформы в экономике, отметил необходимость ускорить процесс государственного строительства и принятия новой Конституции РФ.

30 апреля ее проект был опубликован в печати с тем, чтобы после обсуждения (оно должно было длиться до 20 мая) вынести его на Конституционное совещание с участием всех субъектов Федерации. Одновременно вышел в свет проект закона о выборах в Федеральный парламент. Предполагалось, что они состоятся не ранее осени 1993 г.

Конституционное совещание начало свою работу 5 июня 1993 г. в Кремле, и уже на пленарном заседании стало ясно, что конфликт между законодательной и исполнительной властями входит в новый виток.

В докладе на совещании Б. Ельцин заявил о прямой преемственности между нынешними событиями и событиями 1917 – 1918 гг. Он сказал, что принятие новой российской Конституции – продолжение процесса, начатого Временным правительством, провозгласившим демократическую республику. Главный тезис доклада Президента состоял в доказательстве изначальной незаконности советской власти, поскольку большевики установили свою диктатуру путем разгона Учредительного собрания в январе 1918 г. Советский тип власти, подчеркнул Б. Ельцин, не поддается реформи-

⁴ См.: Листовка ярославского отделения движения «Демократическая Россия».

рованию, а раз так, то единственный выход – полный отказ от этой системы и построение новой российской государственности. Далее Президент обрисовал следующую схему. Конституционное совещание окончательно согласовывает текст Конституции. Его утверждают субъекты Федерации. После этого съезд народных депутатов **должен одобрить документ в целом**. На этом советская власть свое существование прекращает. Если же съезд воспрепятствует такому ходу событий, то, заявил Б. Ельцин, «будут **использованы другие возможности**». Это был ультиматум съезду.

В свою очередь, спикер парламента Р. Хасбулатов выдвинул несколько условий, при выполнении которых Верховный Совет согласился бы принять участие в совещании. Среди них главное: отказ Президента от тезиса «Советы и демократия – несовместимы». Услышав категорическое «нет», Хасбулатов демонстративно покинул пленарное заседание совещания. Таким образом, на фоне продолжения конфликта определился главный, ключевой вопрос о выборе президентской или парламентской республики.

По мысли учредителей Конституционного совещания текст Основного Закона должен был вобрать в себя все лучшее, что было в проектах и Президента, и Верховного Совета. Однако в ходе обсуждения проекта выявились серьезные разногласия по следующим группам вопросов.

Каковы президентские полномочия? Было подвергнуто критике положение о праве Президента распускать Федеральное Собрание. Урезаны полномочия Совета Безопасности при Президенте. Не была одобрена и содержащаяся в президентском проекте идея создания Высшего судебного присутствия.

Каков статус субъектов Федерации? Республики РФ настаивали на провозглашении своего суверенитета, собственной государственности и категорически выступали против приравнивания их к краям и областям. Последние желали прямо противоположного – поднятия своего статуса до республиканского.

Кто должен принять Конституцию? Высказывались разные варианты. Одни предлагали Предпарламент как временный переходный орган на период до вступления в силу новой Конституции, другие – Учредительное собрание, третьи – всенародный референдум или съезд народных депутатов.

Конституционное совещание прервало свою работу, так и не решив спорных вопросов. Однако Президент заявил, что вновь созовет его в сентябре.

Лето 1993 г. характеризовалось усилением активности партий и их лидеров, готовившихся к предстоящим выборам. Однако по большому счету политическая борьба разворачивалась не между партиями как таковыми, а между двумя большими лагерями – президентским и парламентским.

В июле 1993 г. соперничавшие стороны пустили в ход такой козырь, как борьба с коррупцией. Эту кампанию начал вице-президент А. Руцкой еще в апреле, непосредственно перед референдумом, обвинив ряд сторонников Президента в сомнительных сделках с отечественными и иностранными фирмами. Но палка оказалась о двух концах, и один из них больно ударил вице-президента. В печати появились сведения о якобы «швейцарском счете» А. Руцкого. Разумеется, эти взаимные обвинения имели мало отношения к разоблачению злоупотреблений в коридорах власти. Сторонам нужны были головы не коррупционеров, а политических противников.

Новый обмен ударами последовал в августе. Главным политическим событием этого месяца стало выступление Б. Ельцина в Доме прессы. Он твердо заявил, что выборы в новый парламент должны состояться не позднее осени 1993 г. и что если депутаты не примут решение о самороспуске, то его примет сам Президент. Реакция Р. Хасбулатова была адекватной. «Никаких выборов в сентябре, конечно, не будет», – сказал он в одном из интервью. Вслед за этим парламентский комитет по законодательству принял решение об упразднении президентства и о медицинском освидетельствовании Б. Ельцина на предмет выполнения им своих государственных обязанностей.

Все это дало исполнительной власти повод для раздувания в обществе недовольства парламентом. Полностью контролируемая ею пресса и телевидение стали выставлять Верховный Совет чуть ли не посмешищем в глазах народа. В этих условиях парламент становился последним убежищем оппозиции в рамках конституционности, а давление исполнительной власти на Верховный Совет выталкивало оппозицию в зону насильственных действий. Весьма показательна в этом отношении фигура вице-президента РФ

А. Руцкого. На протяжении 1993 г. он неизменно подчеркивал свою приверженность центру. В политическом плане он выглядел весьма привлекательно: сравнительно молод, не принадлежит к партийной номенклатуре, за плечами героическое военное прошлое, умеет говорить то, что нравится слушателям. Еще больший политический вес он приобрел, выдвинув летом 1993 г. в общем-то не новую идею создания коалиционного правительства народного доверия. Но к осени от центризма Руцкого не осталось и следа. Достаточно напомнить некоторые его высказывания о правительстве: «преступники, которые должны отвечать по закону», «фанатики, осуществляющие политику экономического геноцида против российского населения», «теоретики большого рывка и большого хапка» и т.п. В конце концов вице-президент сближается с неприимой оппозицией.

В сентябре 1993 г. Б. Ельцин отстранил Руцкого от должности вице-президента. В ответ на это последний объявил Указ Президента антиконституционным и отправился в Воркуту искать поддержки у шахтеров.

Политический кризис развивался на фоне ухудшающейся экономической ситуации. Падение темпов производства в ведущих отраслях промышленности приняло катастрофический характер. Долги предприятий и колхозов достигали сотен миллиардов рублей. Начались первые банкротства. Все большую роль в экономике стали играть мафиозные структуры. По данным Министерства экономики РФ, летом 1993 г. преступность контролировала более 35 тыс. предприятий, из них 1,5 тыс. – в государственном секторе. Самым уязвимым местом в экономике продолжали оставаться финансы. Страна подходила к черте гиперинфляции. Август 1993 г. дал такой скачок цен, который не наблюдался с начала гайдаровской реформы. Их уровень поднялся более чем на 26%⁵.

Положение усугублялось тем, что противостояние двух властей происходило и в сфере экономической политики. Правительство старалось уменьшить рост денежной массы – парламент принимал закон о повышении минимальной зарплаты и пенсии. Парламент разрабатывал бюджет – Президент твердил, что все равно его подписывать не будет. Экономические процессы вновь оказались заложниками политического противостояния. В итоге кон-

⁵ См.: Свободная мысль. 1993. № 13, 16; 1994. № 1; 1995. № 3, 4.

троль за экономикой утрачивался. Стороны неумолимо шли к конфликту с непредсказуемыми последствиями.

Шаткое равновесие в противостоянии законодательной и исполнительной властей было взорвано 21 сентября 1993 г. опубликованием президентского Указа № 1400 о проведении поэтапной конституционной реформы, согласно которому вся существовавшая система законодательной власти объявлялась недействительной⁶. На следующий день парламент решительно отверг президентский Указ, отстранив Б. Ельцина от власти, объявил исполняющим обязанности Президента А. Руцкого и постановил немедленно созвать съезд народных депутатов. Конституционный Суд также признал Указ № 1400 антиконституционным⁷.

Ситуация в стране сразу же накалилась. По данным Верховного Совета РФ, на 24 сентября 82 республиканских, областных и краевых Советов и часть глав администраций осудили действия Президента и поддержали парламент. Часть региональных органов заняла выжидательную позицию. Возникли первые прецеденты раскола власти на местах по линии Совет – мэрия. Так произошло, например, в Москве и Петербурге⁸. В ответ последовали угрозы со стороны президентских структур уволить руководителей региональных органов, если они не подчинятся Указу. 23 сентября в 22 часа в Белом доме начал работу чрезвычайный X съезд народных депутатов. Стремясь расколоть съезд, Президент пообещал депутатам в случае, если они откажутся от своих полномочий в течение 24 часов, сохранить за ними постоянное проживание в московских служебных квартирах, а также 75-процентное ежемесячное денежное содержание. Это возымело определенный эффект: за рамки съезда удалось вывести около 100 депутатов⁹.

Тактика обещаний сочеталась с прямым давлением на Верховный Совет. Еще 23 сентября в Белом доме были отключены городская телефонная связь, энергообеспечение, горячая вода. Затем была осуществлена блокада телефонной связи ряда общественных организаций, выразивших поддержку Верховному Совету. Силами

⁶ См.: Независимая газета. 1994. 21 сент.; Зевелев А., Павлов Ю. Расколота власть. М., 1995. С. 10 – 11.

⁷ См.: Москва. Осень-93: Сб. документов. М., 1994. С. 11 – 17; Независимая газета. 1994. 21 сент.

⁸ Свободная мысль. 1993. № 15. С. 14 – 15.

⁹ Свободная мысль. 1993. № 15. С. 19.

ГАИ блокировано передвижение автотранспорта к зданию. Одновременно в СМИ развернулась истерическая кампания по поводу «бандитского образа Верховного Совета». Почти все центральные телеканалы и радиостанции перешли к формулировкам типа «бывший парламент» или «засевшие в Белом доме экстремисты». Было прекращено издание парламентской печати.

Усилению давления исполнительной власти на Верховный Совет способствовали три фактора. Во-первых, политическая и пропагандистская поддержка Б. Ельцина со стороны стран «большой семерки», ЕЭС и НАТО, признавших «особый режим» Президента РФ де-факто. Во-вторых, все три силовых министерства (обороны, внутренних дел и безопасности) отказались подчиниться Верховному Совету и съезду. В-третьих, сильное давление на Б. Ельцина оказывали близкие к нему радикально-демократические группировки, препятствовавшие достижению компромисса.

В свою очередь, среди определенной части депутатов Верховного Совета зрела мысль о решительных действиях с подключением уличной массы. 27 сентября спикер парламента в категорической форме заявил, что ни о каких переговорах с федеральными властями не может быть и речи и что из Белого дома есть только два выхода: либо через переизбрание Президента, либо через физическое устранение депутатов. Р. Хасбулатову вторил А. Руцкой, поклявшийся, что с 30 – 40 сторонниками будет защищаться до последнего патрона.

Между тем благодаря действиям центристских сил определились два варианта условий для возможных переговоров: 1) так называемый «нулевой вариант» – проведение одновременных выборов как парламента, так и Президента до конца 1993 г. на основе отмены президентских указов, вышедших с 21 сентября, и передача недавно созданному Совету Федерации полномочий законодательной власти до начала работы нового парламента (Ю. Скоков, В. Зорькин); 2) досрочное переизбрание и парламента, и Президента, но с разрывом в полгода. На период до выборов оставить в силе существующий режим, определенный сентябрьскими указами (часть умеренного окружения Б. Ельцина, связанная с правительственными кругами).

К концу сентября в среде центристских сил и в столице, и на местах перевес сложился в пользу первого варианта. Однако по-

пытки В. Зорькина убедить стороны пойти на переговоры успеха не имели. Безрезультатно закончилась и попытка прийти к компромиссу при посредничестве Патриарха Всея Руси Алексия II в ходе встреч в Свято-Даниловом монастыре 1 и 2 октября¹⁰.

В этих условиях президентская сторона **демонстративно** начала подготовку к избирательной кампании в новый российский парламент. В спешном порядке была создана Центральная избирательная комиссия, объявлены основные принципы и дата выборов – 12 декабря. Одновременно Президент продолжал действия по «выкупу» депутатов у парламента. 30 сентября был опубликован Указ Б. Ельцина о повышении зарплаты сотрудникам местных Советов, судов и прокуратуры¹¹. Резко усилились моральное и политическое давление на Белый дом и региональных руководителей, цензура на государственном телевидении и радио. Таким образом, имея позиционные преимущества, исполнительная власть явно переигрывала парламент.

1 – 2 октября обстановка в столице накалилась до предела. На блокаду Белого дома было брошено более 5 тыс. бойцов ОМОНа и местной милиции, однако их настроения были неустойчивы. Силы же защитников здания, по разным оценкам, насчитывали от 400 до 500 человек (главным образом офицеры из подразделений, имевших опыт действий в Карабахе, Абхазии, Приднестровье, группа бойцов Рижского ОМОНа, казаки). Кроме того, несмотря на блокаду, еженощно в Белый дом прорывалось по несколько десятков добровольцев. В числе защитников оказался отряд боевиков правоэкстремистской организации Русское национальное единство (лидер А. Баркашов).

2 октября активизировались и действия толпы. Днем и вечером этого дня на Смоленской площади произошла рукопашная схватка активистов «Трудовой России» с ОМОНОм и милицией с применением арматуры, камней, бутылок с горючей смесью. Под влиянием этих событий в Белом доме обсуждалось предложение организовать «партизанскую войну». В тот же день X съезд народных депутатов приостановил действие ст. 11 закона о Москве, запрещающей проводить митинги в центре столицы. Тем самым была создана правовая основа для развертывания «движения сопротивления».

¹⁰ Зевелев А., Павлов Ю. Указ. соч. С. 59 – 61.

¹¹ Там же. С. 54.

Вечером 3 октября кровопролитная схватка произошла у здания радиотелекомплекса «Останкино».

Решительность и бескомпромиссность тех, кто находился в Белом доме, во многом объяснялись надеждами на поддержку армии, и они не были беспочвенными. После трагических событий начала октября станет известно, что настроения в воинских частях выглядели далеко не однозначно. Армия колебалась и не решалась поднять оружие против оппозиции. Такое поведение военнослужащих можно было спрогнозировать. Еще совсем недавно, в феврале 1993 г., произнося слова воинской присяги, подписанной, между прочим, Б. Ельциным, солдаты и офицеры клялись «строго соблюдать Конституцию и законы РФ». Судя по опросам независимой социологической службы, проведенным в начале 1993 г., популярность Президента в Вооруженных Силах была невелика: его поддерживали около 30% опрошенных, а Правительство – лишь 19%. В то же время в пользу национально-патриотического блока высказалось 70% офицеров. Не менее 1/3 офицерского корпуса выступало за воссоздание СССР, 2/3 – за введение режима «твердой руки», но не в лице Б. Ельцина¹². Возможно, именно поэтому и молчал Президент в первые дни октября. Возможно, именно поэтому Е. Гайдар необдуманно призвал безоружных людей выйти на улицы и защищать Президента. Власть была не в состоянии защитить и саму себя, и мирных граждан, а потому призвала на свою защиту безоружных людей. Лишь вечером 3 октября Б. Ельцин ввел в Москве чрезвычайное положение и обратился к гражданам России с заявлением, что вооруженный фашистско-коммунистический мятеж в Москве будет подавлен в самые кратчайшие сроки¹³. Вместе с тем, по оценкам специалистов, еще 2 октября Верховный Совет имел определенные возможности с помощью центристских сил добиться компромисса в рамках «нулевого варианта». На 4 октября планировалось заседание Совета субъектов Федерации, который в большинстве своем разделял эту идею. Под его давлением противоборствующие ветви власти могли бы самоограничить свои полномочия и создать правительство на переходный период. И самое главное – после взаимного разоружения можно было бы обойтись без жертв и побоища в центре Москвы. Но такой поворот событий

¹² Новое время. 1993. № 13.

¹³ История современной России. С. 189.

не устраивал радикальные группировки и в президентском окружении, и в парламенте. Радикалы с обеих сторон подталкивали лидеров к конфликту. А массы? Массы выступали лишь орудием в руках горстки «мастеров власти», опытных «кукловодов». Сама же по себе толпа, как показали октябрьские события, слепа и безответственна.

К утру 4 октября столица полностью контролировалась федеральными властями. В полдень Белый дом был плотно окружен верными Президенту войсками, которые заняли два нижних этажа здания. Начался вынос из него раненых, а к 16 часам – и массовый выход людей. Однако в здании еще оставалась небольшая группа защитников (примерно 100 человек), оказывавшая сопротивление. Вот тут-то и начался расстрел верхних этажей Белого дома из бронетехники, крупнокалиберных пулеметов и скорострельных авиационных пушек. Как выразился один из хорошо информированных людей, «боеприпасов не жалели». Это была уже ничем не оправданная акция мести.

События 3 – 4 октября явились трагедией и для российского парламента, и для столицы, оказавшейся в состоянии локальной гражданской войны. Впрочем, и сам Президент не избегал подобного определения¹⁴. Остается добавить, что среди погибших и раненых наших соотечественников не значилось ни одного депутата, ни одного сотрудника федеральных властей. В числе жертв оказались военнослужащие, милиционеры, журналисты, рядовые граждане. Те, кому поставлен памятный крест перед Белым домом, никогда не обладали реальной политической властью. В целом же общество было достаточно индифферентным по отношению к гражданскому столкновению в Москве. Опыт столицы напугал местные власти последствиями применения силы.

Каковы же главные итоги и уроки сентябрьско-октябрьского кризиса? До сего дня мы слышим самые противоречивые ответы на этот вопрос. Тем не менее со всей определенностью можно сказать, что завершился первый этап в посткоммунистическом развитии России. Некоторые политологи называют его этапом «либерального революционаризма». Этот мудреный, но довольно точный политический термин содержит вполне очевидный и простой смысл. В 1992 – 1993 гг. была сделана попытка создать на российской почве

¹⁴ Ельцин Б. Записки Президента. М., 1994. С. 369, 378, 380.

процветающий капитализм при помощи Запада, причем одним махом. По существу, имела место очередная кампания «сверху», проводившаяся в привычном большевистском духе. Ее главная черта – революционный натиск и безоглядная ломка.

Столь же очевидны и главные уроки «черного октября 1993 г.», которые, к несчастью, нельзя признать для нас, россиян, новыми: насилие не должно быть средством разрешения политических противоречий, а кровь, пролитая во имя политических амбиций, какими бы благими намерениями они ни диктовались, со страниц истории не смывается. Вновь с горечью приходится констатировать непопулярность центризма в России. По старой российской традиции арена политической борьбы вновь достается партиям гражданской войны, а победитель в ней вновь получает власть, которой ни с кем делиться не собирается.

С.А. Шубина

Новые материалы о подготовке к отправлению в Китай 11-й Российской духовной миссии

Исключительное значение в истории российско-китайских отношений занимала Российская духовная миссия в Пекине. Деятельность православных миссионеров в Китае на протяжении XVIII, XIX и XX вв. распространялась на политическую, торгово-экономическую, научную и культурную сферы.

Административно-правовое оформление миссии осуществлялось в соответствии с внутри- и внешнеполитическими задачами правительства. Деятельность миссионеров была строго регламентирована и опиралась на инструкции, разрабатываемые Министерством иностранных дел России и Синодом и утверждаемые императором. К началу XIX в. были определены структура и штаты миссии, материальное положение и занятия ее сотрудников. Однако вопрос об избрании и подготовке кандидатов в члены миссии оставался открытым.

В 1823 г., в связи с подготовкой к отправлению в Китай очередной 11-й духовной миссии (1830 – 1841), министр иностранных дел К.В. Нессельроде составил «Предположения МИД об усовершенствовании Пекинской Миссии». Во вводной части документа раскрывались причины необходимости преобразований. Во-первых, так как миссия составляет «для государства предмет довольно значительных заграничных расходов», то необходимо подготовить заранее «таких членов, кои бы обращением с иностранцами, своими духовными подвигами, учеными трудами и ревностию к пользам Отечества в полной мере оправдали ожидания правительства». Во-вторых, несмотря на уже столетнее пребывание духовной миссии в Китае, в России не хватало квалифицированных переводчиков. Это объяснялось тем, что «не всегда падал выбор на людей, имеющих полную к тому охоту, и способности, и соединяющих в себе строгую нравственность с тою степенью ученого воспитания, которое открывало бы им способы к совершенному достижению цели высокого назначения миссии». По мнению министра, успех зависел от того, «коль скоро членами сей миссии будут посланы люди, известные по своим успехам в отечественной словесности, в языках иностранных, и науках, и, наконец, опытные в правилах учения вообще или педагоги. Люди с такими качествами, при благородном рвении жертвовать на пользу отечества всем, могут поистине оправдать волю правительства и дать китайцам настоящее понятие о степени образования, о достоинстве характера россиян».

Основу «Предположений» составили 10 пунктов, в которых предлагались средства для «улучшения» состава миссии. В пункте 1-м говорилось о том, что если начальник миссии мог быть назначен в любое время, то светских и духовных ее членов «надлежало бы приличным образованием приготовить к будущим их обязанностям».

Согласно 2-му пункту, духовные лица должны избираться из «отличнейших молодых студентов человек пять». Из них трое приняли бы монашеский сан (2 иеромонаха и 1 диакон), а два других заняли бы должность причетника, «которая... не ограничивалась бы одним только исполнением обязанностей церковнослужителей». Один из причетников мог бы заниматься в Пекине «собираением сведений о сельском хозяйстве китайцев, о домашней их

жизни, земледелии и проч.», другой – «исключительно юриспруденцией Китайского государства, во всем пространстве оной». При этом им назначалось содержание, одинаковое со студентами миссии. По возвращении в Отечество в зависимости от приобретенных знаний причетники могли быть определены «с повышением в чинах к делам гражданским или почетными местами в духовном звании».

3-й и 4-й пункты «Предположений» касались назначения и обязанностей четырех светских членов миссии – студентов. Одно из студенческих мест предназначалось «сведущему и опытному воспитаннику Медико-хирургической Академии», который назначался в члены миссии за год до выезда ее из Петербурга. В его обязанности входило изучение терапии, хирургии и фармакологии, а также ботаники и зоологии Китая. На три остальные вакансии предполагалось пригласить «человек пять из лучших своекоштных или казенных студентов» Петербургского университета. Студенты с момента принятия их МИДом в кандидаты, продолжая учиться в университете, занимались бы одновременно изучением китайского и маньчжурского языков. Лучшие из них отправлялись бы в Пекин «для усовершенствования и для исследований» в следующих областях: первый – маньчжурской и китайской словесности, философии, правоведения, второй – истории, географии и статистики, третий – астрономии, физики и техники Китая. «Весьма полезно было бы, – отмечал автор документа, – сверх того, если бы хотя один из них знал хорошо живописное искусство, столь редкое в Китае». Кандидаты, не попавшие в состав миссии, принимались на службу в МИД «сообразно их способностям».

Пункты 5 – 9-й определяли предметы, место, время и организацию занятий духовных и светских кандидатов в члены миссии. Преподавание «первоначального учения» китайскому и маньчжурскому языкам должно было осуществляться переводчиками Азиатского департамента. Предметами «упражнений» были «чтение и писание грамматическое, истолкование смысла и свойств обоих языков, обучение правильному и чистому разговору на оных». Обучение предполагалось проводить в здании Коллегии иностранных дел или в каком-либо из домов, состоящих в ведении Министерства народного просвещения. Духовные и светские кандидаты должны были заниматься два раза в неделю по три часа («сим спо-

собом они лучше сблизятся друг с другом и утвердятся в единодушии, коего недостаток был главнейшим источником беспорядков Пекинской Миссии»). Раз в полгода Азиатский департамент был обязан представлять в Министерство народного просвещения ведомости об успехах студентов в изучении языков. В свою очередь, последнее докладывало об оценках и поведении студентов в университете. Кроме кандидатов, предполагалось допускать к занятиям вольнослушателей, желающих обучаться языкам, «кои в новейшее время сделались для многих английских и французских ученых предметом ревностных и более счастливых изысканий».

Светские студенты могли быть зачислены пенсионерами МИД и, в зависимости от способностей, получать от 300 до 500 рублей в год «сверх содержания их по учебному ведомству». Студент-медик перед отправлением в Пекин должен был получить от МИД единовременное денежное вознаграждение. Поводом к увольнению могла служить «неизлечимая болезнь», «сомнительная нравственность» или смерть. На открывшуюся вакансию назначались из университета новые студенты.

В 10-м пункте рассматривались обязанности пяти духовных лиц в Пекине. Кроме церковной службы, студенты духовного ведомства должны были изучать китайский и тибетский языки и религиозно-философские учения Китая (буддизм, даосизм, конфуцианство). Назначение, смена и содержание духовных кандидатов ставились в зависимость от «усмотрения и способов духовного начальства».

Данные «Предположения» были взяты за основу при составлении инструкции 11-й духовной миссии. Впервые российское правительство обратило внимание на подготовку миссионеров перед отправлением в Китай и предложило конкретный план учебных занятий, определило преподавателей, предметы и организовало учебный процесс как для светских, так и для духовных кандидатов в члены миссии.

Византизм и русская культура

Жизнь нашей страны теснейшим образом связана с некогда духовно могучей и высокой в культурном отношении Византией. Этот факт из всемирной истории стран как бы знаком. Но долгое время (это время продолжается и сейчас) традиции России рассматривают в свете взаимоотношений Запада и Востока. Даже говоря об истории Европы в средневековье, забывают, что не она была передовым регионом того времени и ни в каком отношении не превосходила Древнюю Русь, а что на развалинах античного мира существовала совершенно иная передовая держава византийцев, от которой в духовном и культурном отношении зависел Рим. Историческая Византия просуществовала до 1453 г., до захвата Константинополя турками, и все свое наследие передала России. Этот факт, например, констатирует известный западный историк А. Тойнби, не выделяя ее в своей типологии цивилизации в самостоятельный национальный тип. В России он видит вариант византийско-православной культуры¹. В отличие от западной традиции, которая хотя и именуется себя католической, т. е. всемирной, но постоянно имеет в виду свои частные, национальные интересы романо-германского мира, Россия в духовно-культурном отношении воплощает вид вселенской универсальности, совершенно забывая о своих корыстных, эгоистических целях. Это небывалое и почти исключительное явление национальной жизни и общечеловеческого служения:

«О Русь! В предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса или Христа?»
*(Вл. Соловьев)*².

¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991.

² Соловьев В. С Востока свет, с Востока силы! // Русская философская поэзия. Четыре столетия. СПб., 1992.

Свою ответственность перед миром и высоту предназначения Россия осознала в формуле «Москва – третий Рим». В первую очередь это именно отношение к Константинополю как учителю и наставнику, а потом уже к продолжению его духовных дел.

Каждая нация по своей сути природна. Она естественно существует на определенной земле, обладая собственным языком как средством понимания, хотя бы внешнего, друг друга и формами культуры, связывающими людей в социально-трудовой и духовной реальности их жизни. Культурные формы, не сотворенные человеком, естественны и как бы продолжают его тело, душу и мысль. Они изначально наполнены национальным содержанием, как реально конкретным бытием всемирной истории. В национальной жизни есть одновременно и ограниченность, и универсальность. Она напитана индивидуальными чертами, но сами основания, в которых эта жизнь осуществляется, общие для всех народов. Этим обусловлены взаимообмен и диалог культур.

К культурным формам относятся быт, хозяйство, язык, социальные организации, праздники, фольклор, семья, нормы и многое другое, в чем протекает повседневная жизнь человека. Они охраняют временное, постоянно текущее, стихию мира, оставаясь по отношению к этому чем-то неизменным. Время не может исчерпать богатство своих форм. Поэтому они кажутся совершенно непостижимыми и вечными и нередко обожествляются. В наиболее развитой античной мифологии боги являются не чем иным, как абсолютизацией природно-культурных форм³. Грань между язычеством и христианством в отношении к миру проходит по линии абсолютизации сущности вещей либо признания их вторичными. Язычниками христиане называют тех, кто отказывается от идеи творения и служит твари вместо Творца⁴. Таким образом, мы видим, что основания мира хоть и неизменны во времени, но сами, в свою очередь, указывают на что-то большее, символизируют жизнь вообще или, другими словами, религиозно окрашены. Перемена веры изменяет и сопутствующие ей формы культуры.

После Миланского эдикта 311 г. в Римской империи ситуация изменилась. Христианство перестало быть гонимой религией. Государство заключило союз с церковью. В церкви это привело к по-

³ Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993.

⁴ Послание апостола Павла к римлянам (Римл., 1.25).

явлению монашества и аскетизма ⁵; государство преобразило свою природу ⁶; национальная культура греков приобрела христианское содержание. «... Наука и искусство, государство и хозяйство суть как бы те духовные руки, которыми человечество берет мир. И задача христианства не в том, чтобы изуверски отсечь эти руки, а в том, чтобы пронизать их труд изнутри живым духом, воспринятым от Христа. Христианство имеет в мире свое великое волевое задание, которого многие не постигают. Это задание может быть обозначено как создание христианской культуры» ⁷. За это великое дело в мировой истории впервые принялась Византия. Отсюда и такой термин – *византизм*. Вот как раскрывает его Константин Леонтьев: «Что такое византизм? Византизм есть, прежде всего, особого рода образованность или культура, имеющая свои относительные признаки, свои общие, ясные, редкие, понятные начала и свои определенные в истории последствия ... Византизм в государстве значит самодержавие. В религии он означает христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов. В нравственном мире мы знаем, что византийский идеал не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенного понятия о земной личности человеческой, которое внесено в историю германским феодализмом; знаем склонность византийского нравственного идеала к разочарованию во всем земном, в счастье, в устойчивости нашей собственной чистоты, в способности нашей к нравственному долгу. Знаем, что византизм (как вообще и христианство) отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов; что она есть сильнейшая антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства» ⁸. Все стороны культуры византийцев почивали на церковном основании. Они считали себя с правом носителями идеи вселенской империи. Недаром свое государство они называли «вселенная», т. е. насе-

⁵ Архиепископ Илларион (Троицкий). Церковь гонимая и Церковь господствующая // Церковь как союз любви. М., 1998. С. 247 – 251.

⁶ Прот. Георгий Флоровский. Империя и пустыня. Антиномии христианской истории // Догмат и история. М., 1998. С. 256 – 291.

⁷ Ильин И.А. Основы христианской культуры // Одинокий художник. М., 1993. С. 322.

⁸ Леонтьев К. Византизм и славянство // Избранное. М., 1993. С. 19.

ленная народом «ромейского» племени. Они чувствовали себя вторым Римом⁹.

Вот к такому могуществу государства, культуры и духа присоединились славяне. Если одни из них, поселившись во внутренних областях Византии, дали ей возможность выжить и сохранить византизм, то их братья, сгруппировавшись более плотной массой на периферии, создали национальные государства и совершили подвиг переселения византизма на славянскую почву. Благодаря миссионерской и просветительской деятельности св. Мефодия и Кирилла семена новой веры попали и на русскую почву¹⁰. Русские князья старались перенимать само сердце византийской культуры – ее религию и дух, а также опыт и стремление в должной мере соединить веру с земными формами бытия. Россия сторонилась готовых греческих промежуточных результатов на пути соединения христианства и земли. Крестясь, Владимир ясно видел национальный эгоизм и лукавство греков. Его покорила масштаб мировидения, вдохновил вселенский характер служения. И хоть Россия как бы загоралась новой традицией, но производила это на своей национальной основе, что дало начало феномену «Русская цивилизация». И. Ильин писал по этому поводу: «Создание христианской культуры есть задача, поставленная перед человечеством две тысячи лет тому назад и им не разрешенная. Эта задача не может быть решена одной эпохой, одним народом, одним поколением, раз и навсегда, ибо каждая эпоха и каждый народ и каждое поколение должны стремиться к разрешению ее по-своему, – по-своему достигая и не достигая»¹¹. Владимир принимал христианство на родном языке, сохраняя государственную независимость и на условиях церковной автокефалии. В дальнейшем русская жизнь была настолько пронизана христианским духом, что слова «русский» и «православный» стали синонимами. И. Шмелев писал, что «русская культура – запечатленная печатью тысячелетий: крещением в Православии. Этим и утвердилась духовная сущность русского народа, его истории и просвещения»¹². Красочно об этом говорил и К. Леонтьев: «Сильны, могучи у нас только три вещи: византийское православие, родовое и безгранич-

⁹ Архимандрит Киприан (Керн). Антропология св. Григория Паламы. М., 1996. С. 15 – 16.

¹⁰ Сказание о началах славянской письменности. М., 1981.

¹¹ Ильин И.А. Указ. соч. С. 322.

¹² Шмелев И.С. Собр. соч. М., 1999. Т. 7. С. 544.

ное самодержавие ... и поземельный мир ... Византийские идеи и чувства сплотили в одно тело полудикую Русь. Византизм дал нам силу перенести татарский погром и долгое данничество»¹³.

Формы быта русского народа являются памятниками христианской души. До Петра в этом от народа не отличались и правители¹⁴. Языческие пережитки с сильно приглушенной сакраментальной стороной не занимают сколько-нибудь значимого места в русском мире¹⁵. Если что и заимствовалось от греков, то путем кропотливой работы русского гения приобрело национальные черты, будь то архитектура, иконопись или символы государства¹⁶.

Влияние Византии обеспечивало национально-культурный подъем России, чего не скажешь о реформах Петра I. Он стремился сориентировать страну на универсализм романо-германского мира¹⁷. Последний сформировался в IX в. во время правления Карла IX при поддержке римских пап в противовес Византии. За этим последовал догматический и церковный раскол на две «вселенские» церкви. Запад вынашивал политические амбиции, что и отразилось в духе католицизма. Основы исконной христианской веры, что исторически питало Россию, в Европе оказались подорванными. Искаженным религиозным содержанием наполнились культурные формы западного мира. Они стали распространяться по всему свету при поддержке того агрессивного типа хозяйства, который практикуют европейцы. Причем элементы европейской культуры хотя и подаются как «вселенские», не перестают носить национально-эгоистический характер. Начиная с XVIII в. для России это не могло не выглядеть как религиозная экспансия национальной, а следовательно, языческой веры. Опыт Запада в философии, искусстве, хозяйстве, быту и т.д. лишь в крупицах совпадал с великим византийским наследием. И чтобы национально жить, эти частицы приходилось освобождать русскому труду и гению от европейской нивелировки. Дошло до того, что мы стали понимать себя только

¹³ Леонтьев К. Указ. соч. С. 34.

¹⁴ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI – XVII столетиях. М., 1990.

¹⁵ Терещенко А.В. Быт русского народа. М., 1997.

¹⁶ История иконописи XI – XX вв. М., 2001; Хорошкевич А.А. Символы русской государственности. М., 1989 и др.

¹⁷ Лотман Ю.М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. С. 121 – 128; Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого // Там же. Т. 3. С. 201 – 212.

через Европу. Всемирно-историческое движение России, жертвенное своими узко-национальными целями, в случае сужения духовной православной основы превращается в локальную периферию западного мира. Роль троянского коня при этом играют органически переработанные иноэтнические заимствования. Вне своего пути, духовно нерасторжимо связанного с православным христианством, а культурно с византизмом, некогда независимый народ превращается в состояние полусвободного, из раба Божия в раба европейца, лишённого всяческих национальных отличий.

Л.А. Ярошенко

**Влияние восприятия
террористической угрозы в США
за период с 2001 по 2004 г. на состояние
современной международной безопасности**

Современные международные отношения – яркое доказательство того, что мир в постбиполярном состоянии не является более безопасным и стабильным, чем в период «холодной войны». В эпоху глобализации мировое сообщество переживает проблемы, пересекающие географические и идеологические границы. Одной из них является международный терроризм, представляющий собой социально-политический феномен, имеющий надтерриториальную структуру. Террористические атаки 11 сентября 2001 г. привели к попытке новой трансформации мировой системы, выявив в ней следующих акторов: 1) США, взявших на себя глобальную ответственность за поддержание международной безопасности в свете новой угрозы; 2) страны – объекты настоящих или потенциальных антитеррористических кампаний; 3) страны, вошедшие в антитеррористическую коалицию при лидерстве США; 4) государства, предпочитающие оставаться в стороне или ограничивающиеся минимальной вовлечённостью.

Концепт силы, провозглашённый в сфере международной безопасности, был четко обозначен администрацией президента

Буша: «Развертывание войны против всех форм терроризма во всем мире»¹. В связи с этим возникает ряд вполне очевидных вопросов: является ли существующее в США восприятие террористической угрозы отражением явного стремления создать систему международных отношений, в основе которой лежит односторонний характер решения проблем мировой безопасности в обход нормам международного права? Какова роль, которую США отводят другим западным державам в свете борьбы с терроризмом? Будет ли модель борьбы с международным терроризмом носить односторонний или коллективный характер?

Для ответа на эти вопросы нами был проведен анализ восприятия террористической угрозы в США на основе речей президента Буша за период с 2001 по 2004 г. и Концепции Национальной Безопасности от 17 сентября 2002 г. с применением методики контент-анализа по следующим направлениям: 1) самоатрибуция государства в связи с возникновением новой угрозы безопасности; 2) определение источника угрозы; 3) характеристики этой угрозы; 4) методы и формы борьбы с ней; 5) вклад по нейтрализации угрозы.

Как справедливо отметил Арнольд Уолферс, «безопасность есть ценность, которой государство может в большей или меньшей степени обладать и которую оно так или иначе стремится иметь»². Этот вид безопасности на уровне отдельной страны предполагает отсутствие угрозы войны, посягательств на государственный суверенитет, сохранение территориальной целостности и независимости, напрямую влияя на состояние международной безопасности во всем мире. Международная безопасность является одной из главных характеристик международных отношений. Она определяется защищенностью от внешних угроз, гарантированием независимости и суверенитета всех государств мирового сообщества.

Очевидно, что события 11 сентября 2001 г. заставили администрацию президента Буша пересмотреть свой взгляд на выработку и осуществление политики в области национальной безопасности. Главный вопрос в этой сфере заключается в том, с помощью каких

¹ Бельков О. Военные императивы национальной безопасности // Безопасность Евразии. 2003. № 4. С. 14.

² Бэттлер А. Национальные интересы, национальная и международная безопасность // Полис. 2002. № 4. С. 147 – 158.

методов будет реализовываться данная политика. Концепция Национальной Безопасности от 17 сентября 2002 г. дала вполне однозначный ответ на этот вопрос, определив стратегические перспективы страны на долгие годы.

Во-первых, Концепция четко обозначила самоатрибуцию США – государство-лидер в борьбе с терроризмом как «преднамеренным, политически мотивированным насилием против невинных»³. Конечно, политическая психология лидерства – это отнюдь не новая для США идея, однако в Концепции она приобретает интересную трактовку в плане переоценки США собственных военных возможностей и роли применения военной силы в борьбе с новой угрозой безопасности, имеющей транснациональный характер.

Если США находятся в состоянии активной и бескомпромиссной войны с международным терроризмом, что утверждается не только в Концепции, но и практически в каждой из речей президента Буша, посвященных терроризму за период с 2001 по 2004 г., то лучшей защитой является нападение. При этом страна в состоянии действовать в одиночку. Она наносит превентивные удары, применив право на самооборону, так как обладает не сравнимым ни с одним из других государств военным потенциалом.

Подобное заявление, представленное в одном из базовых документов Концепции Национальной Безопасности, фактически постулирует идею того, что в современной мировой политике решение проблем безопасности и распространения демократических ценностей, с которыми США всегда себя идентифицировали, поставлено в прямую зависимость от наличия и использования военного потенциала. Это четкое и ясное провозглашение «политики силы» может обернуться крайне неблагоприятными последствиями для международной безопасности и стабильности, снижая предсказуемость и регулируемость современных международных отношений, так как оно ставит в первую очередь под удар значимость ООН как глобальной структуры, одной из сфер ответственности которой является международная безопасность.

Вместе с тем нельзя не отметить, что данный подход характеризует способность США быстро и четко ориентироваться в условиях сложившейся ситуации. Государство стало объектом нападе-

³ Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991 – 2002). М., 2002. С. 5.

ния со стороны международного терроризма. Политические методы борьбы и координация собственных действий с международными институтами могут быть эффективными, но вопрос в том, будут ли результаты достигнуты своевременно⁴. Сложившаяся ситуация требует молниеносной реакции, а такие преимущественно силовые методы борьбы, которые отмечаются в речах президента Буша за указанный период времени, как: 1) сбор разведывательных данных с целью преследования террористов по всему миру, 2) замораживание счетов организаций, подозреваемых в связи с террористами, 3) разрушение систем коммуникаций террористов, 4) уничтожение террористических группировок, сетей, баз по подготовке террористов, 5) ликвидация инфраструктуры терроризма, могут привести к немедленным результатам. В этом случае «политика эффективности» становится приоритетной вне зависимости от реакции мирового сообщества, и в соотношении силовых и политических методов нейтрализации угрозы явно будет преобладать первый компонент.

Изучение восприятия террористической угрозы в США по обозначенным в методике контент-анализа направлениям: определение источника угрозы, характеристики угрозы – позволило нам выделить несколько наиболее ключевых моментов, а именно весьма определенное признание наличия острой и непосредственной угрозы национальной и международной безопасности, ассоциируемой с незаконно действующими организациями, которые подразделяются на три территориальных уровня: региональные, национальные, глобальные. К источникам террористической угрозы также относятся государства-изгои, лица, режимы, организации, распространяющие оружие массового поражения.

Эта довольно цельная дефиниция источника террористической угрозы сохраняется с 2001 г. по настоящий момент. Все многообразие действительности отражается в рамках полярных понятий типа «мы – они», «свои – чужие», «друзья – враги», «герои: американская полиция, учителя, пожарники, вооруженные силы – террористы: убийцы, злодеи, преступники», «демократия – тирания». Устойчивое сохранение данной дихотомичной категоризации на

⁴ Федоров Ю.Е. США и Европа в меняющемся мире: конфликт или взаимодополняемость стратегических культур? // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2002. Вып. 6. С. 5.

протяжении указанного периода свидетельствует о появлении на международной арене нового «дьявольского образа врага» и росте напряженности в целом, так как противостояние новому врагу требует от любого американского гражданина постоянной бдительности и быстрого реагирования в случае возможной атаки, а от государства – экстренной мобилизации силовых и разведывательных структур. Наличие скорее конфликтного восприятия мира, в котором только одна нацеленность – на полное уничтожение врага, подтверждается и коэффициентами, полученными нами в ходе применения методики «Глагол в контексте» С. Уокера.

Стремление дать отпор врагу – терроризму, а также традиционная самокатегоризация США как державы номер один позволили администрации президента Буша после событий 11 сентября 2001 г. выбрать путь военного подавления терроризма. Фактически произошло делегирование полномочий по поддержанию международной безопасности отдельно взятой стране, а не международным институтам.

В связи с этим интерес представляло рассмотрение следующего компонента в восприятии террористической угрозы в США: оценка американской стороной степени вовлеченности других стран в эту борьбу и той роли, которая им отводится. Международный терроризм – явление, выходящее за рамки национальных границ, – глобальная угроза. Сам характер глобализации предполагает ослабление внутреннего суверенитета государств по многим политическим направлениям, в том числе и с целью обеспечения международной безопасности. Привело ли наличие глобальной угрозы безопасности к новым формам сотрудничества в этой области?

Казалось бы, поддержка союзников по антитеррористической коалиции, начиная с Японии и Республики Корея, Сингапура и Новой Зеландии, Австралии, на которую ссылается президент Буш в своих выступлениях и в Концепции Национальной Безопасности, демонстрирует новый виток в укреплении коллективной модели решения проблем международной безопасности. Однако реализация такой модели возможна лишь при доминирующем положении США, что подчеркивается в выступлениях президента Буша и Концепции Национальной Безопасности: «Наша ответственность перед историей уже ясна: ответить на эти атаки и избавить мир от

этого зла», при этом не отрицается возможность поиска новых союзников, таких, как Россия, Китай, Индия.

Таким образом, можно сделать вывод, что содержание восприятия террористической угрозы отражает типичную для США уверенность в собственном лидерстве в противостоянии терроризму, превосходстве западных ценностей и выбранных методов и форм борьбы с новой угрозой безопасности, нейтрализация которой вполне возможна и коллективными действиями, но лишь при активном участии этого сильного государства.

Транслирование подобной картины мира другим членам мирового сообщества в целом не способствует достижению стабильности в области международной безопасности, а, скорее, наоборот, может привести к росту антиамериканских настроений в «южных регионах» мира и в европейском обществе. События 11 сентября не привели к обновлению коллективных международных институтов, а подтолкнули мир к еще большей однополярности, в которой США воспринимают себя как гарант защиты мира и уничтожения терроризма в глобальном масштабе.

Сведения об авторах

Акопова Т.С. – доцент кафедры социально-политических теорий, кандидат социологических наук

Албегова И.Ф. – зав. кафедрой социальных технологий, доцент, кандидат философских наук

Атрошенко А.А. – аспирант кафедры экономической теории и социально-экономической политики

Афонин М.В. – доцент кафедры социальных технологий, кандидат юридических наук

Васильев В.Ф. – ст. преподаватель кафедры философии и культурологии

Воробьев Е.Б. – аспирант кафедры социальных технологий

Епархина О.В. – ассистент кафедры социально-политических теорий, кандидат политических наук

Заец С.В. – аспирант кафедры истории России

Киселев И.Ю. – доцент кафедры социально-политических теорий, доктор социологических наук

Корнилов В.И. – доцент кафедры экономической теории и социально-экономической политики, кандидат экономических наук

Кудрина С.А. – доцент кафедры философии и культурологии, кандидат философских наук

Кузин С.Н. – доцент кафедры истории России, кандидат исторических наук

Ломтева А. – аспирантка кафедры социально-политических теорий

Матюшин М.Н. – ст. преподаватель кафедры социально-политических теорий, кандидат социологических наук

Мелиховский В.М. – зав. кафедрой экономической теории и социально-экономической политики, профессор, доктор экономических наук

Мусин М.З. – ст. преподаватель кафедры философии и культурологии, кандидат философских наук

Переломова И.Г. – ассистент кафедры экономической теории и социально-экономической политики, кандидат экономических наук

Попов М.С. – аспирант кафедры социально-политических теорий

Попова Н.В. – ассистент кафедры социально-политических теорий

Разумов И.В. – доцент кафедры экономической теории и социально-экономической политики, доктор экономических наук

Руденко Л.Д. – ст. преподаватель кафедры социальных технологий, кандидат исторических наук

Седунова Е.В. – ассистент кафедры социальных технологий

Смирнова А.Г. – представитель программы Института международных исследований Стэнфордского университета в ЯрГУ, кандидат политических наук

Соколов А.В. – аспирант кафедры социально-политических теорий

Соловьева Н.А. – доцент кафедры социальных технологий, кандидат технических наук

Томашов В.В. – доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии

Тростин А.С. – аспирант кафедры экономической теории и социально-экономической политики

Чистяков А.Е. – аспирант кафедры экономической теории и социально-экономической политики

Уткин П.Г. – доцент кафедры социально-политических теорий, кандидат исторических наук

Чудакова М.С. – докторант кафедры истории России, кандидат исторических наук

Шокин С.Д. – доцент кафедры истории России, кандидат исторических наук

Шубина С.А. – доцент кафедры истории России, кандидат исторических наук

Шустров А.Г. – доцент кафедры философии и культурологии, кандидат философских наук

Ярошенко Л.А. – аспирантка кафедры социально-политических теорий

Содержание

И.Ф. Албегова 4

**Высшее профессиональное образование в области
социальной работы: проблемы развития 4**

А.А. Атрошенко, И.В. Разумов 8

**Низкая эффективность государственных унитарных
предприятий в переходной экономике: правовой аспект . 8**

М.В. Афонин

**О понятии и содержании международно-правовой
ответственности 11**

В.Ф. Васильев

Об особенностях философской мысли 17

Е.Б. Воробьев

**Геронтообразование и его роль в развитии
современного российского общества 20**

О.В. Епархина

**Социологические мониторинги как элемент
избирательной кампании 24**

С.В. Заец

Процесс шестнадцати и его отражение 27

И.Ю. Киселев, А.Г. Смирнова

**Репрезентация проблемы как фактор сотрудничества
России и США в ходе иракского кризиса
2002 – 2003 гг. 30**

В.И. Корнилов

Сущность механизма и принципов социального партнерства 35

С.А. Кудрина

Онтология против нравственного релятивизма 40

<i>С.Н. Кузин</i>	
Проблемы образования и менталитет российского крестьянства (конец XIX – начало XX в.)	43
<i>А.В. Ломтева</i>	
Механизм категоризации как фактор формирования установок на сотрудничество в системе международных отношений.....	48
<i>М.Н. Матюшин</i>	
Многообразие подходов к определению государства	53
<i>В.М. Мелиховский</i>	
Содержание и виды перераспределения доходов	57
<i>М.З. Мусин</i>	
Метафизика смерти.....	59
<i>И.Г. Переломова</i>	
Особенности информационного продукта как товара	63
<i>М.С. Попов</i>	
Реформа по усилению вертикали власти и отношение к ней россиян	67
<i>Н.В. Попова</i>	
К вопросу о кризисе идентичности в сознании российского общества.....	70
<i>Л.Д. Руденко</i>	
Современные этнокультурные процессы в Ярославской области	74
<i>Н.А. Соловьева, Е.В. Седунова</i>	
Роль библиотек в социальной реабилитации инвалидов по зрению	78
<i>Т.С. Аكوпова, А.В. Соколов</i>	
Процесс становления института представительства в субъектах Российской Федерации.....	82
<i>В.В. Томашов</i>	
Экзистенциальная антропология США и современный цивилизационный кризис	87

<i>А.С. Тростин</i>	
Мотивация в структуре человеческого капитала	92
<i>П.Г. Уткин</i>	
Специфика молодежной субкультуры современного русского общества	95
<i>А.Е. Чистяков</i>	
Актуальные вопросы трактовки налога и его признаков.....	99
<i>М.С. Чудакова</i>	
«Я, нижеподписавшийся, даю честное слово...» (жандармские чины после февраля 1917 г.).....	103
<i>С.Д. Шокин</i>	
Россия, год 1993-й: этапы политического кризиса.....	107
<i>С.А. Шубина</i>	
Новые материалы о подготовке к отправлению в Китай 11-й Российской духовной миссии.....	118
<i>А.Г. Шустров</i>	
Византизм и русская культура	122
<i>Л.А. Ярошенко</i>	
Влияние восприятия террористической угрозы в США за период с 2001 по 2004 год на состояние современной международной безопасности	127
Сведения об авторах	133

Научное издание

**Вестник
социально-политических
наук**

Выпуск 5

Редактор, корректор В.Н. Чулкова
Компьютерная верстка И.Н. Ивановой

Подписано в печать 25.05.2005. Формат 60x84/16.
Бумага тип. Усл. печ. л. 8,37. Уч.-изд. л. 6,6.
Тираж 100 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе ЯрГУ.

Отпечатано

ООО «Ремдер» ЛР ИД № 06151 от 26.10.2001

г. Ярославль, пр. Октября, 94, оф. 37
тел. (0852) 73-35-03